

МОЛОДОЙ

ISSN 2072-0297

УЧЁНЫЙ

научный журнал

Número de electrones

Scintillator (for measurement of gamma ray polarization)

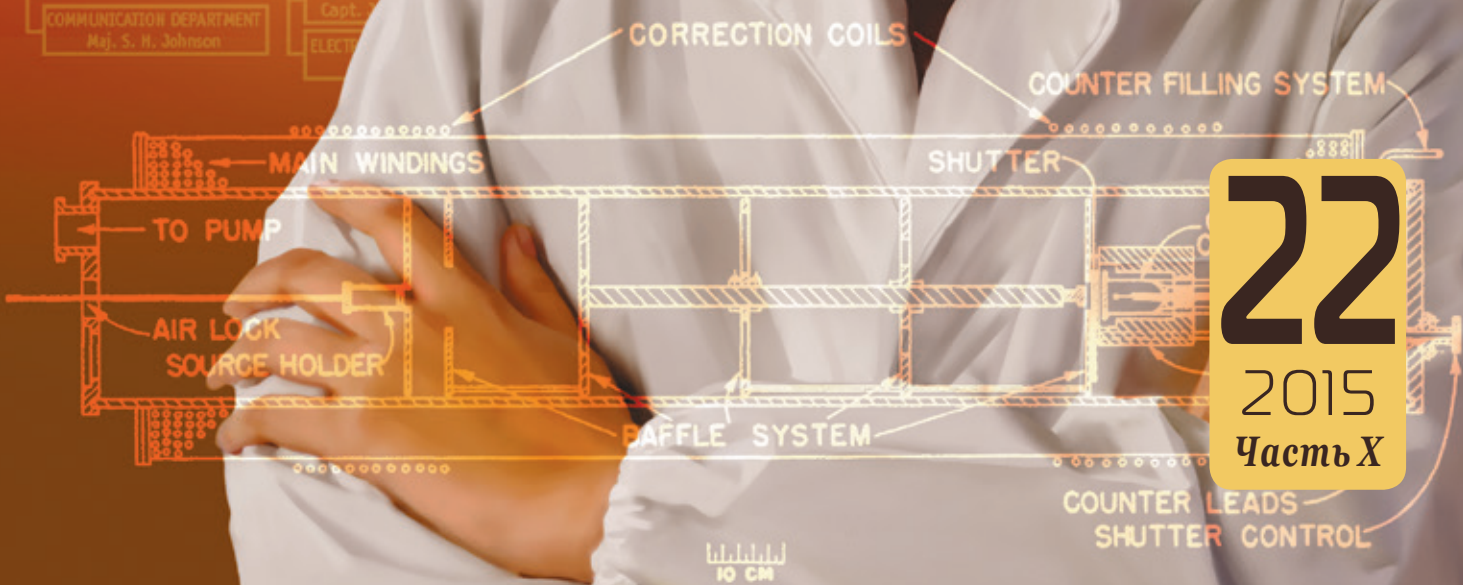
Energía (MeV)

Light multiplier

Light

CeMg-ni

DESINTEGRACIÓN β

22
2015
Часть X

ISSN 2072-0297

Молодой учёный

Научный журнал

Выходит два раза в месяц

№ 22 (102) / 2015

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Члены редакционной коллегии:

Ахметова Мария Николаевна, доктор педагогических наук

Иванова Юлия Валентиновна, доктор философских наук

Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук

Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук

Лактионов Константин Станиславович, доктор биологических наук

Сараева Надежда Михайловна, доктор психологических наук

Авдеюк Оксана Алексеевна, кандидат технических наук

Айдаров Оразхан Турсункожаевич, кандидат географических наук

Алиева Тарана Ибрагим кызы, кандидат химических наук

Ахметова Валерия Валерьевна, кандидат медицинских наук

Брезгин Вячеслав Сергеевич, кандидат экономических наук

Данилов Олег Евгеньевич, кандидат педагогических наук

Дёмин Александр Викторович, кандидат биологических наук

Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук

Желнова Кристина Владимировна, кандидат экономических наук

Жуйкова Тамара Павловна, кандидат педагогических наук

Жураев Хусниддин Олтинбоевич, кандидат педагогических наук

Игнатова Мария Александровна, кандидат искусствоведения

Коварда Владимир Васильевич, кандидат физико-математических наук

Комогорцев Максим Геннадьевич, кандидат технических наук

Котляров Алексей Васильевич, кандидат геолого-минералогических наук

Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, кандидат психологических наук

Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук

Лескова Екатерина Викторовна, кандидат физико-математических наук

Макеева Ирина Александровна, кандидат педагогических наук

Матроскина Татьяна Викторовна, кандидат экономических наук

Матусевич Марина Степановна, кандидат педагогических наук

Мусаева Ума Алиевна, кандидат технических наук

Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук

Прончев Геннадий Борисович, кандидат физико-математических наук

Семахин Андрей Михайлович, кандидат технических наук

Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук

Сенюшкин Николай Сергеевич, кандидат технических наук

Титова Елена Ивановна, кандидат педагогических наук

Ткаченко Ирина Георгиевна, кандидат филологических наук

Фозилов Садриддин Файзуллаевич, кандидат химических наук

Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук

Ячинова Светлана Николаевна, кандидат педагогических наук

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

420126, г. Казань, ул. Амирхана, 10а, а/я 231. E-mail: info@moluch.ru; http://www.moluch.ru/.

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый»

Тираж 1000 экз.

Отпечатано в типографии издательства «Бук», 420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г.

Журнал входит в систему РИНЦ (Российский индекс научного цитирования) на платформе elibrary.ru.

Журнал включен в международный каталог периодических изданий «Ulrich's Periodicals Directory».

Ответственные редакторы:

Кайнова Галина Анатольевна

Осянина Екатерина Игоревна

Международный редакционный совет:

Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)

Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)

Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)

Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)

Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)

Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)

Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)

Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)

Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)

Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)

Досманбетова Зейнегуль Рамазановна, доктор философии (PhD) по филологическим наукам (Казахстан)

Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)

Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)

Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)

Кадыров Кутлуг-Бек Бекмурадович, кандидат педагогических наук, заместитель директора (Узбекистан)

Кайгородов Иван Борисович, кандидат физико-математических наук (Бразилия)

Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)

Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)

Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)

Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)

Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)

Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)

Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)

Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)

Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)

Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)

Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)

Ребезов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)

Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)

Узаков Гулом Норбоевич, кандидат технических наук, доцент (Узбекистан)

Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)

Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)

Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)

Художник: Шишков Евгений Анатольевич

Верстка: Бурьянов Павел Яковлевич

На обложке изображена Ву Цзяньсюн (1912–1997) — американский физик, участник Манхэттенского проекта, первооткрыватель несохранения пространственной чётности в слабых взаимодействиях.

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются. За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов. При перепечатке ссылка на журнал обязательна. Материалы публикуются в авторской редакции.

СОДЕРЖАНИЕ

ПСИХОЛОГИЯ

- Абрамова А. Н., Урутина Т. М., Митичева Т. И.**
Изучение взаимосвязи особенностей темперамента и типа памяти младших школьников..... 891
- Алтухова Л. В.**
Влияние переживания травматического события на специфику ценностных ориентаций преступной личности..... 894
- Георгиевская Д. А., Акутина С. П.**
Социализирующие функции сказкотерапии в работе с современными детьми дошкольного возраста 896
- Овчаренко З. В.**
Преодоление трудностей в поведении при общении «медицинская сестра — пациент» (фрагмент методической разработки для практического занятия)..... 899
- Ковальская В. А.**
Отношение сотрудников к труду как составляющая организационной культуры предприятия..... 901
- Колесникова Т. С.**
Психолого-педагогические условия адаптации студентов-первокурсников юридической академии к учебному процессу средствами кинезиологии 904
- Сотникова М. И., Хрипушина О. Н.**
О необходимости развития у детей мотива достижения успехов и мотива избегания неудачи 907
- Сурикова Я. А.**
Студенческое самоуправление как фактор профессионального становления личности специалиста 908

- Хрустова Е. С., Акутина С. П.**
Социально-психологические ресурсы сказкотерапии в коррекции агрессивного поведения детей дошкольного возраста 911
- Цилицкий В. С.**
Закономерности формирования рефлексивных умений и навыков на разных этапах возрастного развития человека 913
- Яковлева М. А., Новикова И. А.**
Проблема консультирования подростков, подвергшихся физическому насилию в семье 917

ФИЛОЛОГИЯ

- Бабиян Т. В., Борисенко В. А., Жарина О. А.**
К вопросу об определении языкового статуса нечленимых предложений: история изучения и функционирования в системе языка 919
- Бабиян Т. В., Борисенко В. А., Жарина О. А.**
К вопросу о синтаксической синонимии в зарубежной и отечественной лингвистике .. 922
- Васильева А. Ю.**
Нецеленаправленные глаголы зрительного восприятия в болгарском языке 924
- Горбачева Е. Ю., Маркин С. Д.**
Реализация фатической функции в деловых переговорах 927
- Жамолитдинова Д. М., Рахматуллаева Д. Ш.**
Лингвопоэтические свойства парантез..... 932
- Кеваева М. Н.**
Звуковая палитра текста как способ интерпретации его внутренней символики 933
- Киличева М. Р., Шодиева Д. Ю.**
Воплощение сновидений в эстетическое явление..... 937

Киндря Н. А. Принципы изучения этимологического значения и символики компонента зоонима в составе русских и английских фразеологических единиц.....	939
Кузьмина А. А. Из истории изучения олонхо в секторе якутского фольклора Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН	942
Култышева О. М., Бельков А. Е. Муза-Ахматова (на примере анализа цикла стихотворений М. Цветаевой «Ахматовой») ...	946
Лепина Ю. В. К вопросу о разновидности доминанты в художественной прозе	949
Максимова М. В. Роль иностранного языка и способы его изучения	951
Меденцева Н. П.3 Художественные средства создания социальных типов в драме А. Н. Островского «Бесприданница».....	953
Меденцева Н. П. Психологизм в рассказах Виктории Токаревой «Зануда», «Плохое настроение» и «Фараон» ..	954
Ощепкова А. А. Рыбный мир М. Е. Салтыкова-Щедрина	956
Суровцева Е. В. Анализ текстов А. С. Пушкина в свете составления полного электронного конкорданса писателя	958
Суровцева Е. В. «Письмо властителю»: итоги и перспективы изучения (на материале русской литературы XIX–XX веков)	961
Xiaoji Sun Huijie The negative transfer of mother tongue rhetoric in Chinese ESL learners' writings	964
Халлиева Г. И., Халлиев Ж. И. А. Н. Самойлович и хорезмская литература XIX века	966
Хачак Ф. Д. Организация художественной картины мира автора-билингва (на материале языка Рамазана Трахо).....	968
Чинаева Н. В., Кузнецова С. В. Суффиксальное образование абстрактных имен существительных в эрзянском и финском языках	971
ПРОЧЕЕ	
Долгина Е. С., Демин И. В. Патриотизм: функционал, уровни	976
Карташова Л. А. Распределение объема поступлений по страховым организациям Республики Саха (Якутия).....	978
Лисичкина О. И., Дмитриенко Н. А. Кейтеринг	980

ПСИХОЛОГИЯ

Изучение взаимосвязи особенностей темперамента и типа памяти младших школьников

Абрамова Анастасия Николаевна, студент;

Урутина Татьяна Михайловна, студент;

Митичева Татьяна Ивановна, кандидат педагогических наук, доцент

Арзамасский филиал Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского

Статья посвящена изучению взаимосвязи особенностей темперамента младших школьников и типа памяти, а также проведено экспериментальное исследование по данной проблеме.

Ключевые слова: особенности, память, школьники, темперамент.

Одной из значимых тенденций нашего времени является признание важности человеческой личности. Учет индивидуальных особенностей учащихся необходим в отношении различных сторон его личности, в том числе в отношении особенностей темперамента.

Изучением особенностей темперамента и памяти занимались отечественные и зарубежные авторы. Изучения физиологических основ темперамента и свойств нервных процессов представлено в работах И. П. Павлова; психология памяти раскрыта Г. Эббингаузером; особенности темперамента младших школьников в процессе учебной деятельности изучены в трудах Э. Кремчер, Б. М. Тепловой, В. М. Русаловой и др.; исследования в области онтогенетического развития произвольной памяти нашли свое отражение в работах П. П. Блонского, Л. С. Выготского, А. Н. Леонтьева и др.

Под темпераментом следует понимать индивидуально своеобразные свойства психики, определяющие динамику психической деятельности человека, которые, несмотря на одинаковое проявление в разнообразной деятельности остаются неизменными и постоянными в зрелом возрасте и во взаимосвязи характеризуют тип темперамента [4].

В истории естественнонаучного изучения темпераментов очень важным явилось учение И. П. Павлова о типах нервной системы и о типах высшей нервной деятельности. Ученый полагал, что три свойства нервных процессов определяют тип и вид. Этими свойствами являются: сила, уравновешенность и подвижность. Свойства нервной системы могут быть общими и частными (его индивидуальные особенности).

Память можно определить как психофизиологический процесс, выполняющий функции запоминания, сохранения и воспроизведения материала. Три указанных под-

процесса являются основными для памяти. Память характеризуется следующими параметрами: количеством запоминаемой информации, точностью и быстротой воспроизведения, а также длительностью, то есть способностью удерживать информацию определенное время.

С. Л. Рубинштейн отмечал, что без памяти не было бы ни основанных на прошлом знаний, ни навыков. Всё, что мы узнаём, каждое наше впечатление или переживание, оставляют в нашей памяти известный след. Индивидуальные особенности памяти не являются чем — то природным, твердо установленным. Они складываются в жизненной практике и в процессе обучения.

Одним из важных моментов является рассмотрение особенностей проявления темперамента в младшем школьном возрасте и их влияние на развитие памяти.

Исследователями (психологами и педагогами) выявлены особенности проявления темпераментных особенностей младших школьников в протекании речевых и мыслительных процессов, а также в специфике внимания. Из которых мы можем сделать вывод о специфических особенностях развития памяти младших школьников [3].

Школьник-сангвиник. Очень живой, непоседливый, активный. На интересных для него занятиях часто желает высказаться, проявляет большую активность, работоспособность. Если же занятие ему не интересно, тут же начинает мешать учителю — озоровать, разговаривать с соседями. Единственный способ призвать к порядку — заинтересовать его [5].

Таким образом, развитие произвольной памяти становится возможным только при наличии значительной мотивации к запоминанию. В процессе измерения кратковременной памяти у школьников необходимо учитывать степень соответствия учебного материала интересам ре-

бенка. Развитие долговременной памяти становится возможным при наличии системы подкреплений.

Школьник-холерик. Выделяется среди сверстников своей несдержанностью и порывистостью. Однако при выполнении каких-либо поручений проявляет упорство и уверенность. Для него характерно жизнерадостное и быстро меняющееся настроение [5].

У холериков младшего школьного возраста мыслительные процессы протекают энергично и характеризуются устойчивым вниманием. Такие учащиеся быстро запоминают информацию, рассказывают и пересказывают с одного раза [1].

Таким образом, развитие произвольной памяти становится возможным при условии воздействия на максимально возможное количество анализаторов. Кратковременная память развита обычно хорошо, а долговременная — плохо.

Школьник-флегматик. Его отличают неторопливость и спокойствие. Такие дети сдержаны и дисциплинированы. Больше всего любит задания, где что-то нужно сосчитать.

Для детей флегматиков характерно медленное протекание мыслительных и речевых процессов. Внимание у флегматиков характеризуется слабой устойчивостью и переключаемостью. Речь маловыразительная и неторопливая.

Таким образом, у школьника-флегматика имеется хороший потенциал для развития и кратковременной, и долговременной памяти. Однако понять какой из стимулов способствует развитию произвольной памяти таких детей обычно очень трудно. Также следует отметить, что воспроизведение усвоенной информации у школьника-флегматика занимает гораздо большее время, нежели у сангвиника или холерика.

Школьник-меланхолик. На уроках спокоен, способен контролировать свое поведение, не вскакивает, не кричит. Болезненно чувствителен, мнителен. На уроках, чаще всего, сидит в одной и той же позе.

Меланхолики — дети со слабым типом нервной системы, вследствие чего быстро утомляются. Поэтому при выполнении заданий таким детям необходимо делать довольно частые перерывы для отдыха.

Из этого следует, что запоминание зависит от полученной информации и развитие памяти у младших школьников с преобладанием меланхолического типа темперамента выстраивается на чувственно-эмоциональной основе. Произвольная память может развиваться на основе постоянной эмоциональной поддержки [2].

Таким образом, исходя из всего вышеизложенного, мы можем утверждать, что учителю при планировании деятельности по развитию памяти младших школьников, необходимо учитывать особенности их темперамента, создавать оптимальные для них условия. Поэтому мы решили выяснить, существует ли взаимосвязь между темпераментом и памятью.

Исследование проводилось в МБОУ «Лицей» г. Арзамаса, в нем приняли участие ребята 4 «А» класса в количестве 24 человек. Для диагностического исследования были выбраны следующие методики: методика «Определение типа памяти» у младших школьников, методика изучения свойств нервной системы учащихся, методика детский вариант личностного теста Р. Кеттелла.

Анализ результатов исследования преобладающего типа памяти по методике «Определение типа памяти» у младших школьников, показал:

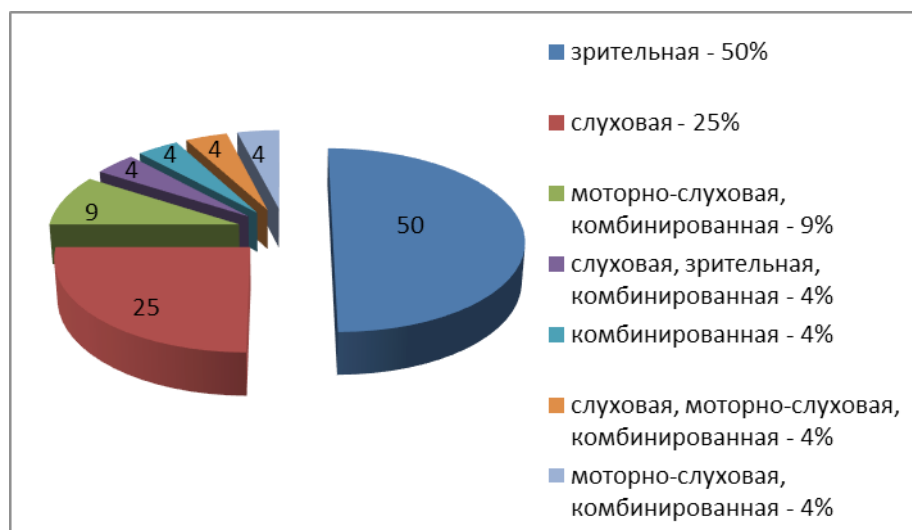

Рис. 1. Преобладающий тип памяти у каждого ученика по методике «Определение типа памяти» у младших школьников (в процентах)

Таким образом, по результатам данной методики, можно сказать, что зрительное восприятие образа важнее слухового, он равен 50%, что составляет у 12 человек, слуховая память 25%, что составляет у 6 человек. Моторно-слу-

ховая и комбинированная у 2-х человек это 9%. Слуховая, зрительная и комбинированная у 1 человека, а также моторно-слуховая и комбинированная тоже у 1 человека. Что касается особенностей запоминания, то по резуль-

татам проведения методики видно, что у младших школьников преобладает зрительная память.

Для того чтобы, подробно изучить существует ли вза-

имосвязь между темпераментом и памяти мы провели методику изучения свойств нервной системы учащихся. Анализ результатов показал:

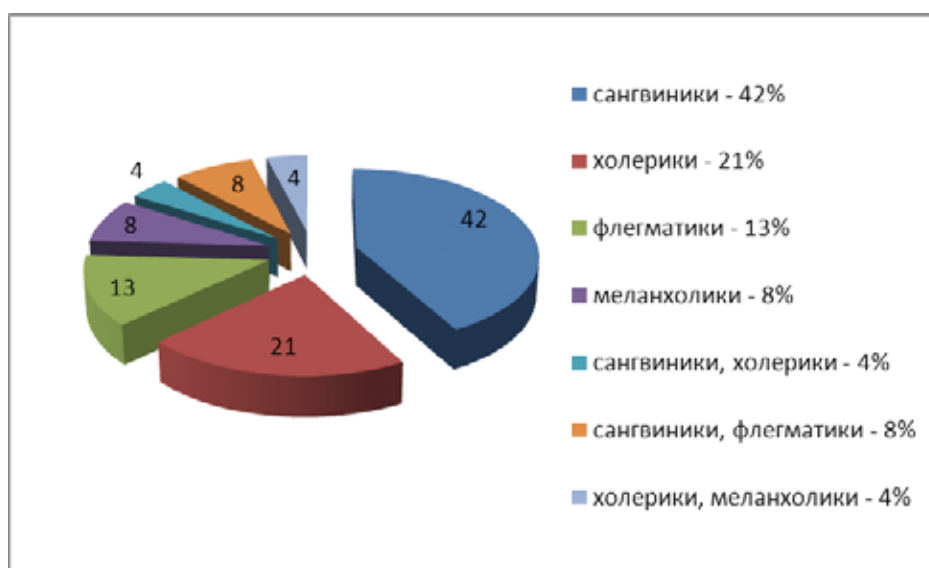

Рис. 2. «Изучение свойств нервной системы учащихся» (в процентах)

По результатам данной методики можно сказать, что в данном классе учатся ребята, у которых преобладает тип темперамента — сангвиник 42% (10 чел.) или холерик 21% (5 чел.). Типы флегматик 13% (3 чел.) и меланхолик 8% (2 чел.) выражены у меньшего количества ребят. Также есть и те дети, у которых в одинаковой мере проявляются черты двух типов темперамента.

По вышеперечисленным методикам можно сказать, что развитие памяти зависит от темперамента учащихся. Полученные результаты взаимодополняют друг друга. По нашим результатам по принципу деления детей на 7 групп (сангвиники; холерики; флегматики; меланхолики; сангвиники, холерики; сангвиники, флегматики; холерики, меланхолики) можно сказать, что у сангвиника 10–11 лет

преобладает слуховой тип памяти, но также у них хорошо развита и зрительная память. Холерики в таком возрасте также хорошо запоминают как зрительно, так и на слух. А меланхолику лучше запомнить материал зрительно.

Таким образом, мы можем сделать вывод, что основная задача взрослых, родителей и педагогов — уделять внимание каждому ребенку как личности, учитывать его индивидуальные особенности. В заключение, мы хотели бы сказать, что темперамент накладывает отпечаток практически на все свойства и особенности психики, а именно: на скорость возникновения психических процессов (мышление, внимание, память, т. д.) и их устойчивость; интенсивность психических процессов; темп и ритм деятельности и поведения.

Литература:

1. Истратова, О.Н. Справочник психолога начальной школы/О.Н. Истратова. — Ростов-на-Дону: Феникс, 2006. — 374 с.
2. Рогов, Е.И. Настольная книга практического психолога в образовании/Е.И. Рогов. — М., 1995. — 354 с.
3. Урунтаева, Г.А. Практикум по детской психологии/Г.А. Урунтаева. — М.: 1995. — 218 с.
4. Файнберг, С. У каждого ребенка свой темперамент и характер/С.У. Файнберг // Дошкольное воспитание. — 1965. — № 2. — с. 57–62.
5. Яковлева, Е.Л. Развитие внимания и памяти у школьников/Е.Л. Яковлева. — М.: Международ. Пед. Академия, 1995. — 328 с.

Влияние переживания травматического события на специфику ценностных ориентаций преступной личности

Алтухова Любовь Валерьевна, аспирант
Ивановский государственный университет

В статье рассматривается специфика ценностных ориентаций преступной личности. Основное внимание уделяется взаимодействию данного явления с особенностями переживания травматического события, представленного реакциями избегания, вторжения и гипервозбуждения.

Ключевые слова: *ценностные ориентации, преступная личность, травматическое событие, избегание, вторжение, физиологическая возбудимость (гипервозбуждение).*

Ценностные ориентации представляют собой сложный социально-психологический феномен, характеризующий направленность активности личности и ее содержание. Ценности способствуют формированию системы отношений личности, что, в свою очередь, определяет общий подход, как к социальному окружению, так и к себе. Ценностные ориентации часто рассматриваются авторами, через категории направленности, отношения, установки и ценностных представлений. [2, 6]. В качестве рабочего, мы будем использовать определение из психологического словаря: «Ценностные ориентации — понятие социальной психологии, выражающее внутреннее отношение человека к различным ценностям материального, морального, политического, духовного порядка, их значимость для него лично» [3, с. 146].

С течением времени структура ценностей трансформировалась, особенно яркие изменения произошли за последние десятилетия, что обусловлено многочисленными экономическими преобразованиями, связанными с переходом на рыночную систему экономики. В данной работе, мы рассмотрели, каким образом подобное социально-экономическое положение отразилось на преступной личности, отбывающей наказание в местах лишения свободы.

Проблема специфики лиц, совершивших преступление, рассматривалась в работах многих авторов, среди которых стоит отметить Антонян Ю.М., Кудрявцева В.Н., Эминова В.Е. Малкова В.Д., Романова В.В., и других [1, 4, 5]. Под личностью преступника понимается лицо, совершившее преступление, в котором проявилась его антиобщественная направленность, отражающая совокупность негативных социально значимых свойств, влияющих в сочетании с внешними условиями и обстоятельствами на характер преступного поведения [4]. У преступной личности в качестве определяющей особенности следует содержание и направленность структурных компонентов, в том числе и ценностных ориентаций, а не их отсутствие или наличие.

Формирование преступной личности основано на механизме социализации. При этом определяющим показателем является специфика родительской семьи и особенностей воспитания. Так в качестве причин становления преступной личности выделяют как психологическое от-

чуждение ребенка от родителей, так и теплые отношения ребенка с родителями, в сочетании с демонстрацией взрослыми пренебрежительного отношения к нравственным и правовым запретам, образцов противоправного поведения. Кроме того, в качестве фактора, имеющего криминальные последствия, может служить отсутствие теплых эмоциональных отношений и целенаправленного нравственного воспитания со стороны родителей, сопровождаемых заботой лишь об удовлетворении материальных потребностей ребенка [1, 4, 5].

Заключение под стражу, как отдельное событие в жизни преступника, оказывает травмирующее событие на личность, в сочетании с нехваткой общения и взаимодействия с близкими людьми, со сниженным уровнем условий жизни, а также обезличиванием, происходят изменения в системе ценностей. Анализу данной проблемы и посвящена наша статья.

Мы убеждены, что реакция на трудную жизненную ситуацию будет определять ценностные ориентации преступной личности, и с целью анализа данной особенности мы использовали шкалу оценки влияния травматического события (Hogowitz, Wilner et. al). Данная шкала позволяет проанализировать специфику реакций избегания, вторжения и гипервозбуждения. Для обработки данных использовался корреляционный анализ с применением автоматизированного пакета обработки статистических данных программы «SPSS 13».

Объектом исследования послужили лица, совершившие преступление, Выборку составили жители города Иваново и Ивановской области, а также лица отбывающие наказание в СИЗО № 1 города Иваново. Специфика выборки состоит в гомогенности в респондентов по половому признаку, что обусловлено ограниченностью доступа к местам лишения свободы, а также лицам, совершившим преступление. Среди испытуемых 65% имеют первую судимость и 35% осуждены повторно.

Результаты исследования могут быть использованы при подготовке лекционных курсов «Социальная психология», «Юридическая психология» и «Психология личности». Практическая значимость заключается в возможности разработки психокоррекционных и психотерапевтических программ, направленных на адаптацию

преступной личности при выходе из мест тюремного заключения.

Начнем анализ с особенностей ценностных ориентаций у преступников, предпочитающих реакцию вторжения в трудной жизненной ситуации. Так, лицам, совершившим преступление, у которых данный показатель выше, было свойственно отрицание ценности социального статуса до момента лишения свободы ($r = -0,36$; при $p \leq 0,05$). Реакция вторжения схожа с проявлением невроза навязчивых состояний. Лицам с таким способом реагирования трудно отказаться от навязчивых мыслей, которые, как правило, негативно сказываются на самооценке и уверенности в себе. Низкий уровень притязаний может объяснять отрицание значимости высокого социального статуса.

В качестве факторов, оказавших влияние на формирование ценностей преступника до попадания в места заключения, респонденты отмечают своих учителей ($r = 0,38$; при $p \leq 0,05$) и собственные заболевания ($r = 0,35$; при $p \leq 0,05$). Слова и действия учителей могли привести к навязчивым мыслям и действиям, к определенному рода заикливанию на проблемах, значимость одной ситуации преобладала над значимостью другой, что, в свою очередь, отражалось и на ценностных ориентациях. Одни ценности возрастали относительно других. При этом, постоянное мысленное застревание на собственных заболеваниях могло способствовать развитию ипохондрии, что в свою очередь не могло не отразиться на иерархии ценностей преступника.

Следующий рассматриваемый тип реакции на травматическое событие — избегание, присущ преступной личности, не склонной к размышлению над собственными ценностными ориентациями ($r = -0,36$; при $p \leq 0,05$). При этом на изменение их структуры ценностей после попадания в места лишения свободы в большей степени влияние оказала нехватка сексуальных отношений ($r = 0,46$; при $p \leq 0,01$). Для лиц, стремящихся уклоняться от травматических событий, не свойственно размышление о трудностях этих ситуаций, анализ проблемы создает дополнительное психологическое давление. В связи с этим любая оценка ситуации для них приобретает серьезное значение и способствует возникновению дополнительных трудностей, чего они в итоге пытаются избежать. Потому попытка разобраться в своих ценностных предпочтениях является для них проблематичной ситуацией. Адекватные сексуальные отношения, в свою очередь, являются одним из способов избегания травматического события. Нехватка их способствует росту общего напряжения, ведущего к его

избеганию, что опять же сказывается на ценностных ориентациях преступной личности. Таким образом, данная группа лиц, склонна к проявлению механизмов психологической защиты, препятствующих адекватному восприятию реальности, в том числе и самого себя.

Наконец, рассмотрим специфику ценностных ориентаций лиц, совершивших преступление, с выраженной реакцией физиологической возбудимости как реакции на травматическое событие. Для лиц с таким способом реагирования в качестве факторов, способствующих изменению иерархии их ценностей до момента заключения, и собственные заболевания ($r = 0,35$; при $p \leq 0,05$). Также, преступники отмечают, что после попадания в места лишения свободы на их ценностные предпочтения в большей степени оказывал воздействие рабочий персонал в тюрьме ($r = 0,38$; при $p \leq 0,05$).

Данный тип реакции характеризуется быстрым и легким возникновением агрессии, повышенной раздражительностью, поэтому их эмоциональные реакции более острые и конкретные. Людям, с более высоким статусом проще воздействовать на преступную личность, обладающую таким типом реакций, так как на них сложнее отреагировать посредством агрессии. В разное время к ним можно было отнести учителей, известных личностей, сотрудников тюрьмы. Не проявившиеся эмоции сказываются на человеке и могут отразиться на его ценностных ориентациях.

На основе вышеизложенных данных, можно сделать вывод, что способ реагирования на трудную жизненную ситуацию преимущественно обуславливает факторы, влияющие как на формирование, так и на трансформацию ценностных ориентаций преступника. При этом, отсутствует яркая выраженность в преобладании конкретных ценностей в зависимости от данного показателя. Данная особенность связана с тем, что наблюдается общее обесценивание со стороны преступной личности еще до момента заключения, и данная тенденция сохраняется на низком уровне после попадания их в места лишения свободы.

Обнаруженная специфика может являться мотивом к изначальному совершению преступления, так как отсутствие чего-либо значимого в жизни позволяет совершать любые поступки, не думая об их последствиях. В связи с чем, в рамках психокоррекционной работы с лицами, совершившими преступление, важным становится работа с системой ценностей, по повышению значимости различных факторов, явлений, предметов.

Литература:

1. Антонян, Ю. М., Кудрявцев В. Н., Эминов В. Е. Личность преступника. — СПб.: Издательство «Юридический центр пресс», 2004. — 366 с.
2. Двойнин, А. М. Психология верующего: Ценностно-смысловые ориентации и религиозная вера личности. — СПб.: Речь, 2011. — 224 с.
3. Краткий психологический словарь/Сост. Л. А. Карпенко; Под общ. Ред. А. В. Петровского, М. Г. Ярошевского. — М.: Полигдат, 1985. — 431 с.

4. Криминология: Учебник для вузов/под ред. проф. В. Д. Малкова. — М.: ЗАО «Юнистичформ», 2006. — 528 с.
5. Романов, В. В. Юридическая психология: Учебник. — М.: Юристъ, 1998. — 488 с.
6. Яницкий, М. С. Ценностные ориентации личности как динамическая система. — Кемерово: Кузбассвуиздат, 2000. — 203 с.

Социализирующие функции сказкотерапии в работе с современными детьми дошкольного возраста

Георгиевская Дарина Андреевна, студент;

Акутина Светлана Петровна, доктор педагогических наук, профессор

Арзамасский филиал Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского

Всё, с чем знакомится современный ребенок в возрасте дошкольного детства, имеет большое значение для его психики и эмоционального развития в будущем. В этом возрасте происходит освоение жизненных ресурсов и знакомство с окружающим миром. В дошкольном детстве активно формируется духовно-нравственная сфера ребенка, усвоение норм и ценностей общества, в котором живет дошкольник. Характеризует дошкольное детство и то, что в этом возрасте высокая эмоциональность ребенка является особенностями формирования его личности. И задача родителей, воспитателей и других специалистов заключается в том, чтобы помочь ребенку быть успешным в современном социуме. Буквально чуть более 10 лет назад книга, чтение были самыми популярными средствами в воспитании детей дошкольного возраста. Однако современная действительность такова, как утверждает Д. В. Максименко, что «в последние годы происходит деформация художественного сознания, падение читательской культуры, у книги появилось много заместителей: аудио, видео, телепрограммы, компьютерные программы. Они, безусловно, ярки, их воздействие активно, но они не требуют того внутреннего переживания, той работы ума, которые естественны при чтении художественной литературы» [5].

Появление обилия заместителей книг и чтения не решает детских проблем, закономерности развития психики ребенка не столь стремительно меняются, как это происходит с конъюнктурой рынка товаров и услуг. Специалисты по работе с детьми продолжают утверждать и доказывать результатами коррекции, что сказка и метод сказкотерапии помогают решить проблемы социализации в раннем дошкольном возрасте, так как сказка является «справочником» по жизни, она рассказывает о прошлом, передает опыт предыдущих поколений. Сказка показывает систему ценностей прошлых веков, которые в сказке транслируются косвенно, показывая фантазийные и волшебные события. Сказкотерапия выполняет социализирующую функцию, так как позволяет личности знакомиться с социальным опытом и социализироваться в окружающей действительности.

По определению М. Б. Киселевой, «сказкотерапия — это метод, который использует объединение всех качеств

личности в одно целое, развивая творческие способности, расширяя сознание» [5]. Анализ научной литературы показал, что метод сказкотерапии используют как психологи, педагоги, так и врачи, поскольку каждый из специалистов находит в сказке то, что поможет ему решить профессиональные задачи. Посещая дошкольное образовательное учреждение, ребенок более склонен к подражанию, а «подражание, как известно, является главным механизмом социализации» [8]. Ребенок дошкольного возраста хочет быть хорошим, отсюда возникает смысл внутреннего подражания и желание быть похожим на положительных героев. Но, как мы знаем, воспитательные возможности литературы, а в частности, сказки, заключаются не только в подражании положительным героям, но и в анализе отрицательных персонажей. Пассивно воспринимая персонажа, ребенок протестует нарушителям закона. Положительный итог чтения возникает из-за неприятия отрицательного персонажа. У ребенка формируется моральный принцип «добра-зла», что заставляет задуматься современного дошкольника о нравственности и духовных ценностях.

Специалисты А. Л. Венгер и др. утверждают, что методы, используемые в сказкотерапии, являются эффективным способом коррекции психологических состояний, поскольку «направлены на коррекцию психологических проблем ребенка, таких как: нарушения в коммуникативной сфере, умственном развитии, поведенческих проблемах» [2]. Сказкотерапию допускается использовать для детей любого возраста, начиная с рождения. Сказкотерапия признается эффективным способом формирования устойчивости эмоционально-волевой сферы личности дошкольника, так как сказка передает опыт и традиции предыдущих поколений, помогает обучить ребенка находить разницу между «добром и злом», уяснить ценности определенного социума и помогает задуматься о будущем. Рассматриваемая методика является ведущим методом социально-психологической работы с детьми, представляет собой диалог ребенка и взрослого через сказку. Воспитательный процесс через сказку известен в мире с тех пор, как появились первые сказки. Изначально сказка задумывалась для воспитания взрослых в помощь избегания

ошибок и трудностей в жизненных ситуациях, позже приобрела свое значение для раннего детства, младшего дошкольного, старшего дошкольного и младшего школьного возраста. Для дошкольника сказка — это не просто фантазия, а особый мир, который помогает реально оценивать окружающие сложности. В сказках дети сталкиваются и учатся разрешать самостоятельно сложные жизненные ситуации. Сказка используется как некое «Педагогическое пособие по разрешению трудных и «неразрешимых» ситуаций» предоставляемое специалистом или родителем. Форма предоставления этой информации — сказочная, доступная для понимания ребенком, но смысл должен оставаться подлинным. Специалист в работе с дошкольником использует понятные для ребенка слова и говорит так, чтобы речь и смысл сказки был понятен и легок для восприятия ребенка.

По мнению многих специалистов, каждый герой книги описывает определенную роль, выполняемую человеком в жизни, и как бы подталкивает к обдумыванию сценария жизни. Таким образом, сказка для современного дошкольника, является некой «платформой» между сознательным миром ребенка и бессознательным, неким эмоциональным опытом. Пережив или проиграв сказку, ребенок ставит ее в часть своего прожитого опыта, на том же уровне, что и произошло в реальной жизни. Это помогает дошкольнику усвоить моральные нормы и ценности, на этом этапе современный ребенок дошкольного возраста обретает важный и уникальный опыт целостного освоения мира, нахождения себя в этом мире, который составляет базис успешной социализации. Важно прививать любовь к книге, к чтению в семье с самого детского возраста [1].

Специалист предоставляет возможность дошкольнику использовать метафоры, встречаемые в сказках, тем самым ребенок может подготовиться к благополучному преодолению возрастных кризисов. Русские народные сказки — являются хорошим примером сказок с использованием метафор. К примеру, сказка «Репка» начинается со слов «Посадил дед репку, выросла репка большая-пребольшая...», репка подразумевается как большая проблема. При неразрешении которой предмет внимания разрастается, и данное явление ни в коем случае нельзя решать в ребенку в одиночку, о своей проблеме нужно рассказать своему ближайшему окружению — это мама, папа, бабушки, дедушки, они помогут ее решить. Если не удастся решить это в кругу своей семьи всегда придут на помощь друзья. Эта сказка является богатым примером в решении ребенком своих неудач и поможет не замкнуться при преодолении первых трудностей, а это богатый опыт в социализации дошкольника.

Сказки А.С. Пушкина, Х.К. Андерсена, Ш. Перо и многих других могут использоваться для реализации успешной социализации ребенка. К примеру, в сказке «Дюймовочка» показано взросление и социализация маленькой девочки, как она росла и развивалась, проходя множество трудностей и неудач. Там не формулируются проблемы, с которыми сталкивается девочка, там гово-

рится о препятствиях, которые встречает Дюймовочка. Но, тем не менее, читая сказку ребенку, малыш понимает, что в жизни не всегда будут рядом родители и рано или поздно придется самому что-то делать. Перед ребенком возникает вопрос, «Маленькая девочка смогла же с этим справиться, а я что не смогу?», здесь-то и происходит самовыражение и самореализация ребенка. Дюймовочка прошла все этапы социализации личности: во-первых — это освоение социальных норм всех тех обществ, в которых побывала; во-вторых — это самоактуализация; и в-третьих — это попадание девочки в то общество, в котором она раскрыла полностью свой потенциал и возможности. Работа с волшебными сюжетами дает богатые перспективы для организации групповой и индивидуальной работы с детьми. Театрализованная деятельность, кукольные театры, тренинги с использованием сказочного материала, все это помогает дошкольникам примерить роль персонажа на себя, они играют и переживают жизнь этого героя, чувствуют его эмоции. К примеру, по мотивам сказки А.С. Пушкина «О рыбаке и рыбке» можно поставить кукольный театр. Старик ходил к морю ежедневно и вдруг поймал он золотую рыбку, рассказал старухе и она начала загадывать свои желания, не задумываясь о своем старике. Сюжет сказки рассказывает об эгоизме и жадности старухи, примерив роли, ребята поймут, что думать нужно не только о себе, но и об окружающем их социуме. Индивидуальная работа также может проводиться с помощью театрализованной деятельности, можно предложить ребенку проиграть какую-либо известную ему уже сказку с помощью куклы или предложить сочинить ее самому, но при этом ребенок будет нуждаться в организаторской помощи специалиста. В этом методе развивается самоактуализация личности, с помощью самоактуализации ребенок может реализовать себя. Сказка позволяет применить игровые и диалоговые методы коррекции ребенка. В обширной практике специалистов встречаются различные «методы и способы работы со сказками, но все зависит от классификации задач, поставленных перед психологом или педагогом» [3]. В случае использования сказки как метафоры, сказка представляется как текст и образы, вызывающие свободные ассоциации, касаются психической жизни ребенка, затем полученные ассоциации и метафоры обсуждаются со специалистом. В практике часто используется метод «Рисование по сюжетам сказок», ассоциации индивидуальны у каждого, они проявляются в рисунке свободно. В методе можно использовать лепку, аппликацию, оригами, песочную терапию и многое другое. Этот метод является дополнительным этапом и проводится после прочтения и обсуждения текста сказки. Метод заключается в том, что бы выяснить у ребенка его впечатления от прослушанного — это позволит дошкольнику лучше усвоить опыт, полученный от сказки. Но, также можно предложить ребенку и нарисовать свою сказку, придумать своих героев, воодушевить их, придумать им имена, сочинить свой сюжет. Проективный метод полезен тем, что имеет валидность и надежность, так как в рисунках детей могут быть

отражены конфликты, тревоги, уровень самооценка и неуверенность в себе. При рисовании у ребенка развивается фантазия, мелкая моторика, дошкольник учится координировать свои действия. В методе «Обсуждение проблем и поведения персонажа» происходит анализ сказки, выявление проблем, пересказ, переписывание сказки, размышления над каждым персонажем отдельно, разбор ситуаций — все это приводит к размышлению о ценностях жизни, пониманию и осознанию решения проблем и выхода из конфликтов. В книге О.В. Хухлаевой и О.Е. Хухлава содержатся сказки направленные на решение различных проблем ребенка. К примеру, проблема устанавливать контакты и умение дружить раскрывается в «Сказке про енота», она повествует о том, что не нужно ничего бояться, страшного в общении ничего нет. После прочтения текста необходимо обсудить с ребенком проблемы в поведении персонажа, выяснить из-за чего грустит енот, что мешало еноту подружиться, как бы малыш поступил на месте енота, и что же помогло подружиться еноту с белочкой [6]. По исследованиям Д.В. Максименко при использовании метода, когда «сказка представляется как притча», идет «прямая подсказка вариантов разрешения ситуации, с помощью нравоучения» [7]. Притчи представляются как целенаправленная инструкция по той или иной линии поведения. Существует множество разнообразных притч, в книге О.В. Емельяновой отражена масса притч и басен, к примеру притча «О щенке» рассказывает ребенку о том, что нельзя силой забрать то, что принадлежит не тебе. В притчи «Клубок и воробей», ребенку объясняется, что за дело нужно браться всегда сначала. Таким образом, притча — это «инструкция по применению». По мнению Т.Д. Зинкевич-Евстигнеевой, целостность сказкотерапии в дошкольном возрасте базируется на художественных, психокоррекционных и дидактических видах сказок [4]. С самого рождения родители читают своим детям художественную литературу. Большинство детей просят взрослых читать им одну и ту же сказку, не считаясь с тем, что знают ее уже наизусть. Специалисты полагают, что это может зависеть от того, насколько ребенка до-

школьника захватывают волшебные события, и он готов переживать их в очередной раз. Сказки разворачивают для дошкольника его внутренние затруднения и отвечают на имеющие значение вопросы для разрешения проблем. Многократно переживая сюжет сказки, малыш приобретает значимый для себя жизненный опыт, что позволяет успешно проходить процесс социализации в обществе. Сказки для дидактической работы создаются специалистами для эффективной подачи образовательного материала. Для этого математические символы, буквы и прочие знаки — одушевляются, и у ребенка формируется волшебный и сказочный образ мира получения образования. Психокоррекционные сказки формируются для податливого воздействия на манеру поступков дошкольника. Под коррекцией здесь понимается «замещение» неэффективного стиля поведения на более продуктивный и объяснение ребенку логичного подтекста происходящего. В создании психокоррекционной сказки большую роль играет жизненный опыт. Многие ситуации пережиты нами в юности, и мы можем поделиться этим с дошкольниками в сказочной форме. Это может помочь дошкольнику в реализации своей личности.

Таким образом, работая с современными дошкольниками, используя сказкотерапию, мы оказываем определенное влияние на его внутренний мир, эмоциональное развитие и положение, занимаемое в социуме. В связи с тем, что все это происходит в волшебной и игровой форме, у ребенка не создается чувства давления. С младенческого возраста родители рассказывают и читают своим детям сказки, притчи, былины, стихотворения, подбирая данный материал, соответственно возрасту своего ребенка. Отдавая ребенка в дошкольное образовательное учреждение, родитель уверен в том, что специалист при взаимодействии с малышом рассказывает сказки, и они великолепно запоминаются и оказывают сильное позитивное воздействие на развитие личности и помогают дошкольнику в успешной социализации, а также является эффективным методом психокоррекционной работы в профессии педагога, психолога, психотерапевта.

Литература:

1. Акутина, С.П. Формирование у старшекласников семейных духовно-нравственных ценностей во взаимодействии семьи и школы // Диссертация на соискание степени док. пед. наук; 13.00.01 — общая педагогика, история педагогики и образования. — Нижний Новгород НГПУ, 2010. — Т. 1. — 530 с.
2. Венгер, А.Л. Развитие и коррекция неблагоприятных психологических особенностей ребенка. // Материалы Конгресса по детской психиатрии. — М.: РОСИНЭКС, 2001. — с. 134—134.
3. Гнездилов, А.В. Авторская сказкотерапия. Дым старинного камина. Сказки доктора Балю. — Санкт-Петербург: Издательство «Речь», 2003 г. — 292 с.
4. Зинкевич-Евстигнеева, Т.Д. Практикум по сказкотерапии. — СПб.: ООО «Речь», Санкт-Петербург, 2000.
5. Киселева, М.Б. Арт-терапия в работе с детьми: Руководство для детских психологов, педагогов, врачей и специалистов, работающих с детьми. — СПб.: Речь, 2006. — 160 с.
6. Лабиринт души: Терапевтические сказки/Под ред. О.В. Хухлаевой, О.Е. Хухлаева. — 9-е изд. — М.: Академический Проект, 2013. — 175 с.
7. Максименко, Д.В. Общая психология — М.: «Рефл-бук» 2004. — 528 с.
8. Соколов, Д.В. Сказки и сказкотерапия М.: Эксмо-Пресс 1996. — 128 с.

Преодоление трудностей в поведении при общении «медицинская сестра — пациент» (фрагмент методической разработки для практического занятия)

Овчаренко Зинаида Владимировна, преподаватель
ГБОУ СПО Медицинское училище № 8 (г. Москва)

Цель: Развитие профессионально значимых качеств личности студентов, обучающихся профессии, относящейся к сфере «человек — человек»

Тренинг способствует развитию следующих общих и профессиональных компетенций будущего специалиста в профессиональной сфере «человек — человек»:

Компетенция	Знания	Умения
Готовность осознать наличие проблем в области профессионального самоопределения	Сущность и понятие: «Профессиональное самоопределение», «Профессионализм», «Профессионализм человека»	Выразить свои цели и предварительные установки в области профессионального самоопределения
Готовность принимать активное участие в групповой и командной деятельности	Стратегии эффективного взаимодействия в команде: правила поведения в тренинге	Понимать и принимать окружающих и вступать с ними в конструктивное взаимодействие
Готовность внести свой вклад в идею группы	Понятие «рефлексия»	Продуцировать идеи
Готовность участвовать в дискуссии, способность уважительно относиться к высказываемым точкам зрения	Правила участия в эффективном общении	Слушать оппонента. Дискутировать с оппонентом, соблюдая этические нормы поведения

Ход тренинга:

1. Упражнение «Ожидания и опасения»

Упражнение направлено на актуализацию ожиданий и потребностей участников в профессиональном и личном саморазвитии; на предоставление возможности выразить свои цели и предварительные установки.

Участникам предлагается подготовить 2 листа бумаги. Один из них озаглавить «Ожидание», а другой — «Опасение». На первом листке бумаги нужно написать о том, ожидают участники от предстоящих занятий, а на втором — чего они опасаются, находясь во временном неведении.

Затем участники (по желанию) зачитывают написанное. По ходу возможны некоторые размышления, уточнения, вопросы группы и ведущего.

2. Упражнение «Комплимент»

Упражнение на вербальное общение. Скажите комплимент своему соседу. Сосед реагирует на полученный комплимент и затем говорит ответный комплимент. Так — по кругу.

Проанализировать то, что получится, и ввести правила подачи комплиментов:

1) Комплимент должен быть искренним; 2) Избегайте общих слов, используйте конкретные детали; 3) Персонализируйте свое высказывание — отмечайте что-то, что действительно характерно для этого человека; 4) Поясняйте общие характеристики — в чем это выражается; 5) Говорите о своих чувствах в связи с другим человеком, а не оценивайте его: «Мне нравится, когда ты...»

Те же самые правила — для подачи негативной обратной связи «Я чувствую раздражение, когда ты...». Никогда не используйте обобщающих оценок «Ты всегда...»,

«Ты никогда...», а описывайте конкретную ситуацию и свои чувства в связи с ней.

Понятие комплимента: «Спасибо» (фразы типа «Да что ты, я сегодня плохо выгляжу» или «А я всегда хорошо выгляжу» обесценивают комплимент).

3. Мини-лекция «Барьеры общения»

Коммуникативные барьеры общения.

Адекватное восприятие информации зависит также от наличия или отсутствия в процессе общения коммуникативных барьеров.

М. Р. Битянова выделяет барьеры:

- фонетический
- семантический
- стилистический
- логический
- социально-культурный
- барьеры отношений.

Фонетический барьер — может возникать, когда медсестра и пациент говорят быстро и невыразительно или на разных языках и диалектах, имеют дефекты речи и дикции.

Семантический (смысловой) барьер — связан с проблемой жаргонов, свойственных людям определенных возрастных групп, профессий или социального положения (например, язык подростков, наркоманов, моряков, хакеров, жителей удаленных местностей и т. д.).

Стилистический барьер — несоответствия речи медсестры ситуации общения, например при ее фамильном поведении, когда она всех пациентов старше определенного возраста называет «бабуля» и «дедуля».

Барьер логического непонимания — логика рассуждений медсестры может быть либо слишком сложна для пациента, либо казаться ему неверной или неубедительной. Логика доказательств пациента также может быть ошибочной с точки зрения сестры.

Социально-культурный барьер — причиной возникновения может выступать восприятие пациента как лица определенной профессии, определенной национальности, пола, возраста, социального статуса.

Барьеры отношений — это форма психологической защиты от постороннего психологического воздействия, проводимого в процессе обмена информацией между участниками.

4. Упражнение «Слепое слушание»

Цель: продемонстрировать неэффективность передачи информации без обратной связи.

Инструкция. Выбираются 5 человек из членов группы — непосредственных участников упражнения. Им сообщается, что в группе будет зачитан текст, который они должны будут передавать друг другу по памяти, не делая никаких записей и пометок. После этого в кругу остаётся только один из пятерых, а четверо выходят за дверь. Ему зачитывают текст. Потом приглашается второй участник. Первый сообщает всё, что запомнил. Затем приглашается следующий и так далее, пока текст не повторит последний пятый участник.

Часто в результате такой передачи смысл текста искажается до противоположного. Наблюдатели фиксируют ошибки искажения смысла, появляющиеся у каждого из передающих. В процессе обсуждения наблюдатели высказывают свои соображения по поводу причин возникновения ошибок.

После того, как группа приходит к выводу, что умение слушать необходимо тренировать, ведущий переходит к введению техник активного слушания.

5. Видео сюжет «Танго Аль Пачино».

После обсуждения видео сюжета, ведущий знакомит участников тренинга с понятием «**Ассертивность**».

Ассертивность — самопродвижение или продвижение своей воли, умение настаивать на своем, умение убеждать. Основой навыка ассертивности является способность свободно проявлять свои эмоции, выражать желания и потребности.

Конгруэнтность (лат. *congruens* — соразмерный, соответствующий) в широком смысле — равенство, адекватность друг другу различных экземпляров чего-либо (обычно — содержания, выраженного в различных формах, представлениях) или согласованность элементов системы между собой. Синоним **конгруэнтности** — «аутентичность».

Эффект неконгруэнтности

Конгруэнтность — согласованность вербальных и невербальных сообщений.

Неконгруэнтность — несогласованность вербальных и невербальных сообщений.

Будучи абсолютно конгруэнтными, мы никогда не сможем сделать новый выбор, научиться чему-то но-

вому, посмотреть в будущее или перенестись мысленно в прошлое, удивиться новой мысли или посмотреть на мир глазами другого человека. В реальном мире результатами абсолютной конгруэнтности могут стать застой, несчастье и полная зависимость от внешних обстоятельств

Причины неконгруэнтности не только связаны с конфликтами и дисгармонией личности;

Существенным фактором может является переутомление, стресс и другие.

6. Упражнение «Стратегии поведения в конфликте».

К какому виду конфликта относятся следующие ситуации? Какие способы урегулирования Вы могли бы предложить?

А. Руководителю необходимо послать сотрудника в командировку, подчиненный высказывает свое явное нежелание отправляться в поездку.

Б. Старшая медсестра проявляет высокомерие, неуважение, грубость по отношению к медсестрам и пациентам, в результате чего зачастую возникают конфликты.

В. Участковый врач А часто и длительно болеет. Врачам Б и В приходится постоянно замещать врача А. Через некоторое время они высказывают свое недовольство ситуацией заведующей поликлиникой.

Г. Медсестра, обращаясь к недавно пришедшему в отделение начинающему врачу, задает вопрос относительно каких-то процедур и, получив ответ, тут же в присутствии других медсестер объявляет ему, что «у нас так не делают».

Обсудите результаты своей работы в микрогруппах.

После выполнения задания, акцентировать внимание студентов на понятии «**Саморегуляция**»

Саморегуляция — умение сохранять душевное здоровье, умение отреагирования отрицательных эмоций важнейшие умения профессии сферы «человек — человек».

7. Видеосюжет «Я лечу»

Задание: посмотрите сюжет и ответьте на вопросы.

1. Согласны ли вы с рассуждениями врача относительно границ общения между пациентом и медицинским работником. Свой ответ аргументируйте.

2. Какое явление, часто встречающееся в среде медицинских работников, можно увидеть в данном сюжете?

После просмотра видеосюжета дается 2 минуты на обсуждение.

Дополнительное задание: «предложите способы профилактики синдрома профессионального (эмоционального) выгорания у медицинских работников». На обсуждение также дается 2 минуты и представляются свои варианты ответа.

Эталоны ответов см. приложение 1.

8. Профессиональное выгорание.

По определению Н.Е. Водопьяновой, профессиональное выгорание — долговременная стрессовая реакция, возникающая вследствие продолжительных профессиональных стрессов средней интенсивности. Ее можно рассматривать в аспекте личностной деформации, происходящей под влиянием профессиональных психологических трудностей, стрессов.

В состоянии эмоционального выгорания человек ощущает усталость от всего, подавленность, незащищенность, отсутствие желаний, мучительный страх ошибок. При этом чувства отличаются острым накалом. В голову человеку в это время приходят неприятные мысли о постоянной несправедливости действий по отношению к нему, неосценности окружающими его трудовыми подвигами и даже о собственной несостоятельности.

В период эмоционального выгорания человек ведет себя странно, даже враждебно: у него ярко выражена критика к окружающим и самому себе, стремление быть замеченным или, наоборот, незаметным, стремление все делать очень хорошо или совсем не стараться.

В работе медсестры риск в профессионального выгорания, впрочем, как и во многих других профессиях, конечно, существует. Он увеличивается, если при этом в учреждении неэффективный стиль руководства, человек работает в условиях дефицита времени или отсутствует социальная сплоченность коллектива.

Главное помнить, что любую проблему можно превратить в задачу, а у любой задачи, даже самой трудной, всегда есть решение!

Итак, проблема — психологические трудности, присущие профессии.

Задача — осуществить профилактику эмоционального выгорания, сохранить психологическое здоровье.

Для решения этой задачи важно выработать для себя правила, которые помогут преодолеть психологические и чувствовать себя комфортно.

Например, такие:

- улыбаться часто и искренне (себе в зеркале тоже!);
- постоянно совершенствоваться в профессии (курсы, книги, периодика);
- четко и вовремя заполнять необходимую документацию, не копить рутину;
- хорошо ориентироваться в своих должностных обязанностях и правах;
- в общении с родителями воспитанников и педагогами проявлять доброжелательность, такт и строго соблюдать принцип конфиденциальности;
- участвовать в общественной жизни коллектива

(конкурсах, праздниках, досугах);

— создавать у пациентов положительный образ себя как медика: найдите или сочините стихи о своей работе; украсьте кабинет яркими игрушками; чаще приходите в палату, общайтесь с пациентами);

— заботиться о своем отдыхе, внешней и внутренней красоте.

Радуйтесь каждому дню, солнечный он был или пасмурный, радуйтесь родным и друзьям, радуйтесь улыбкам пациентов, книгам, своей работе и своему отдыху, радуйтесь тому, что вы нужны людям. Помните, как у Э. Асадова? «Кто умеет в буднях быть счастливым, тот и впрямь счастливый человек»!

9. Индийская притча «Три фигурки».

Однажды Акбар, индийский царь, получил в подарок три абсолютно одинаковые золотые фигурки. Дарящий сказал также, что у каждой фигурки — свое значение и своя ценность.

Чем же отличались они одна от другой? Этот вопрос должны были решить советники царя. Сколько ни искали они различия, но так и не обнаружили их.

Один из мудрецов — Бирбал — тем не менее продолжал свои поиски.

Наконец, в каждой из фигурок он обнаружил по маленькому отверстию в ушах. В них-то мудрец и продел тонкую золотую нить.

Тогда и стало заметно, что у одной нить вышла из второго уха, у другой — изо рта, а у третьей фигурки нить прошла через сердце.

Настало время растолковать ценность и значение фигурок. Бирбал так объяснил их царю:

«Решение таково:

— Первая фигурка — символ человека, у которого в одно ухо влетает, а из другого вылетает.

— Вторая напоминает нам человека, который, едва выслушав сказанное, спешит рассказать об услышанном другим.

— Третья фигурка символизирует человека, который, услышав от других что-то, старается пропустить это через собственное сердце. Эта фигурка — самая ценная из трёх».

Отношение сотрудников к труду как составляющая организационной культуры предприятия

Ковальская Вероника Анатольевна, аспирант

Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена (г. Санкт-Петербург)

Эффективность деятельности современного предприятия в значительной степени определяется уровнем развития его организационной культуры. Современный менеджмент рассматривает организаци-

онную культуру как мощный стратегический инструмент, позволяющий ориентировать все структурные подразделения предприятия (организации) и работников на общие цели [2, 4].

Существует несколько подходов к определению понятия «организационная культура». Одни авторы акцентируют внимание на усвоенные и применяемые членами организации ценности и нормы, которые определяют ее поведение, другие — на атмосферу или социальный климат в организации, по мнению третьих, организационную культуру определяет доминирующая в организации система ценностей и стилей поведения.

С учетом различных подходов, большинство исследователей под организационной культурой понимают ценности и нормы, разделяемые большинством членов организации, а также их внешние проявления (организационное поведение). Организационную культуру рассматривают как совокупность моделей поведения, которые приобретены организацией в процессе адаптации к внешней среде и внутренней интеграции, показавших свою эффективность и разделяемых большинством членов организации [1, 3, 4].

Таким образом, *организационная культура* определяется как совокупность ценностей, обычаев, традиций, норм, верований и предположений, воплощенных в различных сторонах деятельности организации, и которые делают ту или иную организацию уникальной.

Организационная культура выполняет две основные функции [3]:

— *внутренней интеграции*: осуществляет внутреннюю интеграцию членов организации таким образом, что они знают, как им следует взаимодействовать друг с другом;

— *внешней адаптации*: помогает организации адаптироваться к внешней среде.

В структуре организационной культуры выделяют следующие основные элементы:

— *поведенческие стереотипы*: общий язык, используемый членами организации; обычаи и традиции, которых они придерживаются; ритуалы, совершаемые ими в определенных ситуациях;

— *групповые нормы*: свойственные группам стандарты и образцы, регламентирующие поведение их членов;

— *провозглашаемые ценности*: артикулированные, объявляемые публично принципы и ценности, к реализации которых стремится организация или группа («качество продукции», «лидерство на рынке» и т. п.);

— *философия организации*: наиболее общие политические и идеологические принципы, которыми определяются ее действия по отношению к служащим, клиентам или посредникам;

— *правила игры*: правила поведения при работе в организации; традиции и ограничения, которые следует усвоить новому работнику для того, чтобы стать полноценным членом организации, «заведенный порядок»;

— *организационный климат*: чувство, определяемое физическим составом группы и характерной манерой взаимодействия членов организации друг с другом, клиентами или иными сторонними лицами;

— *существующий практический опыт*: методы и технические приемы, используемые членами группы

для достижения определенных целей; способность осуществлять определенные действия, передаваемая из поколения в поколение и не требующая обязательной письменной фиксации.

Успех предприятия (организации) определяется качеством труда его сотрудников. При этом важно, что одной из определяющих характеристик качества выполняемой работы является отношение сотрудников к труду.

Отношение к труду — это и экономическая, и этическая категория, раскрывающая как объективное положение работника (-ов) в производственном процессе, форму их участия в общественном труде, так и их субъективное отношение к своей трудовой деятельности [2, 5].

Изучение отношения работников к труду является актуальной задачей для современного менеджмента, поскольку владение объективной информацией по данному вопросу позволяет адекватно воспринимать изменения и влиять на эффективность управленческой деятельности. Необходимо отметить, что отношение к труду индивида (или группы) изменяется во времени. При этом изменению подвергаются либо сами мотивы, либо их иерархия, либо их сила [2].

Отношение к труду определяет мотивацию человека в трудовой деятельности. Важно, что трудовая мотивация человека тесно связана с удовлетворением его потребностей в процессе трудовой деятельности: мотивы могут изменяться посредством изменения потребностей. В этой связи считаем необходимым остановиться на содержании понятий «мотив» и «потребность».

Мотив определяют как побуждение к деятельности, связанные с удовлетворением потребности субъекта. Под мотивом также понимают причину, лежащую в основе выбора действий и поступков, совокупность внешних и внутренних условий, вызывающих активность субъекта. Мотивы могут быть осознанными или неосознаваемыми [3].

Потребность — это состояние некоторой нехватки в чем-либо, которую организм стремится компенсировать; это внутреннее напряжение, которое направляет активность на получение того, что необходимо для нормального функционирования организма и личности в целом. Основные характеристики человеческих потребностей — сила, периодичность возникновения и способ удовлетворения. Дополнительной, но весьма существенной характеристикой, особенно когда речь идет о личности, является предметное содержание потребности, т. е. совокупность тех объектов материальной и духовной культуры, с помощью которых данная потребность может быть удовлетворена [3].

Мотивационная сфера личности является достаточно динамичной: значение и влияние отдельных мотивов меняется (соответственно меняется и иерархия мотивов). Различные факторы могут изменять эту иерархию.

В поведении человека выделяют две функционально взаимосвязанные стороны: побудительную и регуляторную. Побудительная сторона определяется наличием и характеристикой стимулов (побуждений), обеспечива-

ющих активизацию и направленность поведения, которые тесно связаны с мотивами и мотивацией [5].

Фактором, побуждающим к деятельности, является цель. Целью называют осознаваемый результат, на достижение которого в данный момент направлено действие, связанное с деятельностью, удовлетворяющей актуализированную потребность.

Известно два основных подхода к изучению мотивации труда — психологический и экономический. Основной экономический подход к мотивации труда является разработка и применение систем материального стимулирования, направленных на адекватное вознаграждение результатов труда. Этот подход учитывает:

— административный аспект мотивации, который заключается в регламентации труда, в стремлении усовершенствовать организацию труда, в ужесточении трудовой дисциплины, в разработке и применении различных систем административных наказаний и поощрений;

— социальный аспект мотивации трудовой деятельности, заключающийся в том, что человек в процессе труда включен в определенный коллектив, испытывает чувства принадлежности и причастности, нуждается в признании своего труда и его результатов семьей, группой, обществом [2].

Термин «мотивация» используется в современной психологии в двояком смысле: как обозначающий систему факторов, детерминирующих поведение (сюда входят потребности, мотивы, цели, намерения, стремления и т.д.), и как характеристика процесса, который стимулирует и поддерживает поведенческую активность на определенном уровне. Чаще всего в научной литературе мотивация рассматривается как совокупность причин психологического характера, объясняющих поведение человека, его начало, направленность и активность [1, 5]. Таким образом, мотивация определяет направленность действий личности.

Отметим, что к формам направленности относятся:

влечение — психическое состояние, выражающее недифференцированную, неосознанную или недостаточно осознанную потребность,

желание — осознанная потребность и влечение к чему-либо вполне определенному; если в структуру желания включается волевой компонент, то возникает *стремление*;

интерес — специфическая форма проявления познавательной потребности, обеспечивающая направленность личности на осознание целей деятельности и тем самым способствующая ориентировке личности в окружающей действительности;

идеал — конкретизируемая в образе или представлении предметная цель склонности индивида (т.е. то, к чему он стремится, на что ориентируется);

убеждение — высшая форма направленности — это система мотивов личности, побуждающих ее поступать в соответствии со своими взглядами, принципами, мировоззрением. В основе убеждений лежат осознанные потребности, которые побуждают личность действовать, формируют ее мотивацию к деятельности [5].

Применительно к трудовой деятельности человека выделяют две составляющие мотивации: внутреннюю и внешнюю [3, 5].

Внутренняя мотивация — мотивация, связанная с содержанием деятельности. Это то, что порождается в сознании человека самой трудовой деятельностью: понимание ее общественной полезности, удовлетворение, которое приносит работа, т.е. результат и процесс труда. Такая мотивация возникает из потребностей самого человека, поэтому на ее основе он трудится с удовольствием, без какого-либо давления.

Внешняя мотивация содержит те мотивы, которые находятся за пределами самого работника и труда как такового: заработок, боязнь осуждения, стремление к престижу и т.д. Внешняя мотивация может быть положительной и отрицательной. Внешняя положительная мотивация не связана с содержанием определенной деятельности, но обусловлена внешними по отношению к субъекту обстоятельствами. К ней относятся материальное стимулирование, продвижение по работе, одобрение со стороны коллег, престиж, т.е. те стимулы, ради которых человек считает нужным приложить свои усилия. Внешняя отрицательная мотивация — наказания, критика, осуждение, штрафы и т.п.

Грамотное руководство организации с помощью психологической службы изучает отношение сотрудников к труду (в т.ч. их мотивацию и мотивы) в целях повышения качества и производительности труда. На основе полученных данных принимаются соответствующие управленческие решения, вносятся коррективы в организацию трудовой деятельности [6].

Культура организации индивидуальна и влияет на выбор мотивационной стимуляции сотрудников. Сотрудник может принимать или не принять организационную культуру предприятия. Если сотрудник не может принять культуру организации, в которой он работает, следовательно, его мотивация, а значит, и отношение к труду будут низкими. Вполне вероятно, что понятие удовлетворенности трудом будет снижено. Но, если данный индивидум перейдет в другую организацию, где компоненты культуры соответствуют его внутреннему восприятию, удовлетворяют его потребности и пр., то эффективность его трудовой деятельности будет гораздо выше.

Литература:

1. Антонов, В. Г. и др. Организационное поведение/Под ред. Г.Р. Латфуллина, О.Н. Громовой. — СПб. Питер, 2004. — 360 с.

2. Джуэлл, Л. Индустриально-организационная психология. — СПб.: Питер, 2001. — 709 с.
3. Занковский, А. Н. Организационная психология: Учебное пособие для вузов. — 2-е изд. — М.: Флинта: МПСИ, 2002. — 648 с.
4. Кочеткова, А. И. Психологические основы современного управления персоналом. — М.: Зерцало, 1999. — 384 с.
5. Маслоу, А. «Мотивация и личность». — СПб.: Изд-во «Питер», 2004. — 352 с.
6. Пашкин, С. Б. Психологическая диагностика служебного коллектива и стиля управления руководителя: Учебно-методическое пособие/Военно-инженерный институт, СПб., 2011. — 64 с.

Психолого-педагогические условия адаптации студентов-первокурсников юридической академии к учебному процессу средствами кинезиологии

Колесникова Татьяна Сергеевна, магистрант
Южный федеральный университет (г. Ростов-на-Дону)

В статье исследуются особенности адаптации студентов к учебному процессу в вузе на начальных этапах обучения, возможности психотерапевтической и образовательной кинезиологии в создании условий эффективной адаптации студентов-первокурсников к учебному процессу.

Ключевые слова: студент-первокурсник, адаптация, учебный процесс, психотерапевтическая кинезиология, образовательная кинезиология.

В условиях интеграции Российской высшей школы в международное образовательное пространство внедрение инноваций в образовательный процесс и его оптимизация привели к необходимости изучения адаптационных возможностей процесса обучения, разработке новых технологий, способствующих эффективному включению студентов в учебный процесс, успешному усвоению ими учебного материала. В профессиях, в которых условием труда выступает повышенная моральная ответственность и объектом профессиональной деятельности являются общественные отношения в сфере реализации правовых норм, задач — обеспечение законности и правопорядка [4], особенно возникает необходимость разработки и внедрения ряда технологий и методик эффективной адаптации студентов-первокурсников к учебному процессу, успешного усвоения ими юридического знания.

В настоящее время в вузах создаются благоприятные условия для развития способностей к самообразованию, самосовершенствованию, самореализации каждого студента. Тем не менее, проблеме адаптации студентов к началу обучения в вузе в фундаментальных исследованиях по вузовской педагогике не уделяется должного внимания. В контексте темы исследования понятие адаптации студентов-первокурсников к учебному процессу можно охарактеризовать как активное приспособление обучающихся к новым условиям учебной среды в соответствии с требованиями этой среды и с собственными потребностями, мотивами и интересами. По мнению А. Г. Маклакова, явлениями, сигнализирующими о том, что адаптация студента к новым условиям учебного процесса проходит

неблагоприятно являются: низкая успеваемость, снижение учебной активности, низкая или негативная мотивация к учебе, учебный стресс. Среди свойств личности, обуславливающих вероятность возникновения стресса, ведущее место занимает тревожность [3, с. 459]. Следует отметить, что тревожность может отрицательно влиять на формирование творческого мышления, поскольку человек в состоянии стресса сосредоточен на своем негативном эмоциональном состоянии и прошлым опытом, связанном с ситуацией. Многие авторы в качестве основного фактора студенческой адаптации рассматривают характер мотивации учебной деятельности (Й. Лингард, А. К. Маркова, А. А. Реан, Л. С. Славина, В. Д. Шадриков, Н. В. Шарова). Так, данные исследований, проведенные А. А. Реан, позволяют с уверенностью утверждать, что высокая позитивная мотивация может восполнять недостаток специальных способностей или недостаточный запас знаний, умений и навыков, играя роль компенсаторного фактора [1, с. 176]. В качестве важного регулятора успешного адаптивного поведения в различных ситуациях, в том числе и в учебной деятельности, следует рассматривать уровень субъективного контроля. Локус контроля является важной интегральной характеристикой личности, показателем взаимосвязи отношения к себе и к окружающему миру. С позиции автора, интернальность или экстернальность — это не частная личностная черта, а определенный личностный паттерн, целостная личностная комбинация. Об интернальном локусе контроля говорят тогда, когда человек большей частью принимает ответственность за события, происходящие в его жизни, на себя, объясняя их своим поведением, характером, способностями [5, с.

232]. У студентов с интернальным локусом контроля адаптация к учебному процессу происходит эффективнее, поскольку они принимают ответственность за свои успехи и неудачи. В рамках нашего исследования особое значение имеет изучение уровня тревожности, мотивов учебной деятельности, уровня самопринятия, эмоционального комфорта, интернальности.

Признавая важность существующих форм работы с первокурсниками, следует отметить необходимость поиска новых форм и средств для расширения адаптационных возможностей учебного процесса. В соответствии с социально-психологической значимостью проблемы целью исследования явилось обеспечение психолого-педагогических условий адаптации студентов-первокурсников юридической академии к учебному процессу средствами кинезиологии. Объект исследования: процесс адаптации студентов-первокурсников юридической академии к учебному процессу средствами кинезиологии. Предмет исследования: содержание и технологии адаптации студентов-первокурсников юридической академии к учебному процессу средствами кинезиологии.

Исследование проводилось на базе юридической академии г. Балаково. В исследование приняли участие 64 студента-первокурсника, обучающихся по направлению «Юриспруденция». В ходе исследования были использованы психодиагностические методики, направленные на диагностику учебных мотивов студентов, ситуативной и личностной тревожности, интегральных показателей адаптации, самопринятия, эмоционального комфорта, интернальности (методика для диагностики учебной мотивации студентов (А.А. Реан, В.А. Якунин, модификация Н.Ц. Бадмаевой), шкала самооценки уровня тревожности Спилбергера Ч.Д., Ханина Ю.Л., шкала социально-психологической адаптированности К. Роджерса и Р. Даймонда (адаптация Т.В. Снегиревой). Также в целях изучения особенностей адаптации студентов-первокурсников юридической академии к учебному процессу применялось мышечное тестирование из практики кинезиологии. В «Основах психотерапевтической кинезиологии» И.К. Чобану пишет, что мышечное тестирование мышцы-индикатора является основным методом обследования с целью определения приоритета стрессов и их коррекций, выбираемых из широкого спектра техник для снятия стресса. Можно сказать, что это биологическая связь между сознанием, бессознательной сферой (воспоминаниями, психической памятью) и телесной памятью. Мышечное тестирование позволяет получить точную информацию о том, когда и где произошло событие, повлиявшее на появление проблемы, а также помогает уточнить наличие стресса [7, с. 6]. С помощью мышечного тестирования выявлено, что стрессы у студентов возникают на обучение в вузе в целом, преподавателей, дисциплины, экзамены и зачеты. В связи со сменой формы и среды обучения у некоторых студентов возникают страхи, боязни неудач, отсутствие веры в свои возможности. Часто встречающиеся страхи у студентов-первокурсников, выявленные в ходе мышечного те-

стирования: страх перед преподавателем, страх ошибиться, страх оказаться неправым, страх быть униженным, перед публичным выступлением и др. Кроме того, почти у всех студентов утверждение «Я верю, что могу сдать экзамены успешно» вызывало слабый мышечный ответ. Студентам-первокурсникам важно своевременно оказать психолого-педагогическую поддержку в формировании положительной мотивации к учебе, веры в свои способности, поднятии самооценки и формировании способности саморегуляции своей деятельности, ориентировать на успех и проявление инициативы. Важно помочь студенту преодолеть страхи перед преподавателями, родителями и несоответствия их ожиданиям.

На формирующем этапе исследования осуществлялась индивидуальная и групповая работа с участниками экспериментальной группы. Индивидуальная работа проводилась в форме кинезиологической коррекции из практики психотерапевтической кинезиологии и была направлена на снятие стрессов, связанных с учебным процессом, повышение интереса к учебе, самопринятие студента, снятие тревожности, формирование адекватного отношения к неудачам. Психотерапевтическая кинезиология — это современное направление психотерапии, возникшее на стыке разных практик и дисциплин: телесно-ориентированной психотерапии, психодинамического подхода, психологии личности, общей психологии, психосоматической медицины, нейропсихологии, нейрофизиологии и физиологии движения. Она в большей степени, чем другие направления психотерапии, придерживается целостного подхода, преодолевая дуализм тела и разума [7, с. 3]. Блокировка восприятия и понимания каких-либо знаний, учебных предметов происходит потому, что в процессе обучения у студентов возникали негативные эмоции. Автор метода «психотерапевтическая кинезиология» И.К. Чобану в Основах психотерапевтической кинезиологии пишет, что «воспоминания наслаиваются в мозг: самые ранние переживания данной эмоции (будь то радость или страх) служат основанием для всех последующих повторений этой эмоции. Так они накапливаются слой за слоем. Когда текущие события напоминают прошлые ситуации и вызывают такие же эмоции, человек реагирует, основываясь на всей сумме подобных воспоминаний, поэтому иногда внешне незначительные события вызывают бурную эмоциональную реакцию. Время реально только с точки зрения нашей сознательной системы убеждений. Мозг не различает, где прошлое, а где настоящее. Поведение в настоящем времени будет определяться нейронами памяти о прошлом, задействованными в ситуации. Все происходит одновременно из-за «слоистости» эмоциональной памяти» [7, с. 20]. Техники и методы психотерапевтической кинезиологии использовались в целях снятия эмоциональных стрессов, связанных с учебной, повышения позитивной учебной мотивации, гармонизации эмоционального состояния студентов.

Групповая работа заключалась в систематическом выполнении студентами комплекса упражнений из курса

«Образовательная кинезиология». Использовались упражнения «Гимнастики мозга», которые активизируют межполушарное взаимодействие, развивают комиссуры как межполушарные интеграторы, способствуют синхронизации работы полушарий, оптимизируют уровень активации центральной нервной системы. Каждое из упражнений «Гимнастики Мозга», что подтверждено проведенными в разных странах исследованиями, направлено непосредственно на возбуждение определенного участка мозга и механизмов интеграции мысли и движения, благодаря чему новое учение оказывается более естественным, быстрым, спонтанным и одновременно лучше запоминаемым [2, с. 5]. Данные упражнения использовались с целью настройки на учебный процесс, улучшения концентрации внимания, лучшего запоминания учебного материала, поддержания работы навыков учения (видения, слушания, запоминания и др.), обеспечивая легкий переход к новой форме обучения в вузе, сложным и незнакомым терминам и дисциплинам. В контрольной группе работа не проводилась.

По окончании формирующего этапа эксперимента была проведена повторная диагностика. При анализе результатов первичной и повторной диагностики уровня ситуативной тревожности участников экспериментальной и контрольной групп, было выявлено, что после апробации программы адаптации к учебному процессу средствами кинезиологии ситуативная тревожность у 17 (53%) участников экспериментальной группы снизилась. Выявлено, что уровень учебно-познавательных мотивов в экспериментальной группе после проведения эксперимента повысился у 23 (72%) участников, уровень мотивов избегания неудачи снизился у 29 (90%), в контрольной группе данные показатели не изменились. Анализ полученных данных в результате первичной и повторной диагностики по шкале социально-психологической адаптированности К. Роджерса и Р. Даймонда (адаптация Т.В. Снегиревой) показал, что интегральные показатели адаптации, самопринятия, эмоциональной комфортности в экспериментальной группе возросли после проведенного эксперимента, в контрольной группе не изменились. Достоверность сдвигов значений в экспериментальной группе и отсутствие сдвигов значений в контрольной группе подтвердилась в ходе математико-статистической обработки данных с помощью Т-критерия Вилкоксона. Таким образом, анализ результатов первичной и повторной диагностики экспериментальной группы позволил нам отследить изменения изучаемых показателей: ситуативной тревожности, мотивов избегания неудачи в сторону снижения, а учебно-познавательных мотивов, интегральных

показателей адаптации, самопринятия, эмоциональной комфортности, интернальности в сторону повышения. При сравнении результатов первичной и итоговой диагностики в контрольной группе различий не выявилось.

Результаты исследования показали, что эффективной адаптации студентов-первокурсников юридической академии к учебному процессу способствуют следующие условия: 1. Своевременная диагностика особенностей адаптации студентов к учебному процессу; 2. Снятие эмоционального стресса, связанного с учебой (отпустить эмоциональную волну), путем проведения индивидуальной кинезиологической коррекции; 3. Систематическое выполнение студентами упражнений «Гимнастики мозга» с целью улучшения образовательных навыков, что позволит им быстрее адаптироваться к новым учебным условиям, понятийному аппарату. Данный порядок целесообразен, поскольку после снятия стресса, связанного с учебой, у обучающегося появляется интерес к учебной деятельности в вузе, он начинает чувствовать выбор в данной области, и, таким образом, происходит лучшее усвоение учебного материала. При выполнении упражнений из курса «Образовательная кинезиология» закрепляется результат индивидуального сеанса.

Полученные результаты позволили сделать выводы:

1. Программа адаптации студентов-первокурсников к учебному процессу средствами кинезиологии реализуема в специально созданной образовательной среде, включающей педагога-психолога, владеющего техниками психотерапевтической и образовательной кинезиологии;

2. Эффективная адаптация достигается оптимальным применением методов психотерапевтической и образовательной кинезиологии, индивидуальной и групповой работы. Ведущая роль отведена кинезиологической работе по снятию стрессов на обучение, избавлению от страхов техниками психотерапевтической кинезиологии, затем применению упражнений образовательной кинезиологии, направленных на развитие учебных навыков.

Исследование выявило ряд задач, выходящих за рамки данной работы: внедрение программы «Обеспечение адаптации студента к учебному процессу средствами кинезиологии», повышение квалификации педагогов-психологов путем овладения ими кинезиологических технологий, издание методических пособий для студентов, содержащих доступные для самостоятельного выполнения упражнения из области кинезиологии. Таким образом, для решения задач адаптации студентов на начальных курсах обучения в вузе может быть рекомендовано использование предложенной программы, основанной на применении средств психотерапевтической и образовательной кинезиологии.

Литература:

1. Бордовская, Н. В., Реан А. А. Педагогика: Учебник для вузов. — СПб.: Питер, 2003. — 304 с.
2. Деннисон, П. И., Деннисон Г. И. Гимнастика Мозга. Книга для родителей и педагогов. 2-е издание, дополненное. М.: Восхождение, 1998 г.
3. Маклаков, А. Г., Общая психология: Учебник для вузов. — СПб.: Питер, 2008. 583 с.

4. Об утверждении и введении в действие федерального государственного образовательного стандарта высшего профессионального образования по направлению подготовки 030900 Юриспруденция (квалификация (степень) «бакалавр») [электронный ресурс]: приказ Минобрнауки РФ от 04.05.2010 N 464 (ред. от 31.05.2011). — Режим доступа: Система Гарант.
5. Реан, А. А., Кудашев А. Р., Баранов А. А. Психология адаптации личности. Анализ. Теория. Практика/. — СПб.: Прайм-еврознак, 2006. — 479 с.
6. Чобану, И. К., Основы психотерапевтической кинезиологии. М., 2011. — 47 с.

О необходимости развития у детей мотива достижения успехов и мотива избегания неудачи

Сотникова Майсара Ильясовна;
Хрипушина Ольга Николаевна

МБОУ СОШ № 20 имени В. М. Елсукова (Кемеровская обл., г. Ленинск-Кузнецкий)

Мотивированность учения — это психологическая характеристика интереса обучающихся к усвоению знаний, приобретению определённых умений и навыков, к собственному развитию. Одним из более важных мотивационных усилий является наличие у обучающихся мотива самосовершенствования, который не может быть удовлетворён без приобретения нужных способностей. Мотивация учения может быть ситуационной и личностной. В первом случае в качестве побудителей к учению выступают мотивы, связанные с необходимостью продемонстрировать определённые знания, умения и навыки в какой-либо конкретной ситуации (сдача экзамена). Эта мотивация внешняя, не затрагивает глубинных основ человека, не рассчитана на его самосовершенствование. Другой вид мотивации — внутренняя, личностная. Она связана с потребностью самосовершенствования человека, с реализацией его духовных ценностей и идеалов, непосредственно направлена на развитие его личности, способностей, на моральный и интеллектуальный рост.

Поступление в школу знаменует собой не только начало перехода познавательных процессов на новый уровень развития, но и возникновение новых условий для личностного роста человека. В этот период времени ведущей для ребёнка деятельностью является учебная [2, с. 91]. Но существуют два как бы уточнения: кроме учебной ребёнок должен быть включён в другие виды деятельности, в зависимости от возраста — игра, общение и труд. Они влияют на его личностное развитие. Вот эти самые другие виды деятельности связаны с тем, что в учении и иных видах деятельности в данное время складываются многие деловые качества ребёнка, которые отчётливо проявляются в подростковом возрасте. Всё формируется и закладывается в раннем детстве, поэтому и предпосылки к формированию мотива достижения успехов берут своё начало там же. Затем продолжение идёт в дошкольном возрасте. В младшем школьном возрасте, где-то к III—IV классу, соответствующий мотив закрепляется, становится *устойчивой личностной чертой*. Особенностью детей млад-

шего школьного возраста является *безграничное доверие к взрослым, главным образом учителям*. Они полностью признают авторитет взрослого человека. При попытке понять, как развивается *мотивация достижения успехов* у детей, важно иметь в виду ещё одно обстоятельство, которое нашло отражение в теории и методике изменения *мотивации достижения успехов*. Было показано, что у человека с достижением успехов связаны не один, а два разных мотива: мотив достижения успехов и мотив избегания неудач. Оба они как противоположно направленные тенденции формируются в учении. Если взрослые люди, обладающие достаточно большим авторитетом для детей, мало поощряют их за успехи и больше наказывают за неудачи, то в итоге формируется и закрепляется мотив избегания неудачи, который отнюдь не является стимулом к достижению успехов. Например: ещё много лет назад Ш. А. Амонашвили [1, с. 81] в своих педагогических работах рекомендовал не использовать отметок, особенно низких, чтобы не вызывать у детей тревожность и беспокойство, связанные с развитием и функционированием мотива избегания неудачи.

В экспериментальных исследованиях показано, что учащиеся, имеющие сильную мотивацию достижения успехов и низкую мотивацию избегания неудач, обладают адекватной или умеренно повышенной самооценкой и высоким уровнем притязаний. [4, с. 52] Следовательно, в процессе развития мотива достижения успехов у детей, необходимо заботиться как о самооценке, так и об уровне притязаний.

Итак, возраст, приходящийся на начало обучения в школе (I—IV классы), можно рассматривать как период возникновения и закрепления очень важной личностной характеристики учащихся, которая, становясь достаточно устойчивой, определяет его успехи в различных видах деятельности.

Для лучшего осмысления переведём смысл вышесказанного на личность учителя. Когда это касается самого человека, он точнее представляет значимость и по-

нимание данной темы. Никто из нас не сомневается в том, что каждый преподаватель лично заинтересован том, чтобы обучающиеся лучше усваивали учебный материал. Но мотивация обучения у учителя разносторонняя. Наличие различных мотивов предполагает у каждого педагога определённые обязательства в научении обучающихся. Глубина мотивированности оценивается по вовлечённости в учебный процесс самых значимых жизненных мотивов преподавателя, составляющих основу его личности. Если его стимулирует только материальный интерес или боязнь остаться без работы (сокращение штатов или несоответствие должности) это равносильно обращению к мотивации избегания неудачи, которая, как нам уже известно, сама по себе не в состоянии обеспечить достижение значительных успехов в педагогической деятельности. Важно включать мотивы, связанные с соображениями престижа, т.е. мотивы, которые связаны с благом людей и высокими нравственными ценностями. Более глубокой она становится в том случае, когда в процессе обучения учащегося педагог начинает видеть цель и главный смысл

своей жизни. Как было сказано выше, мотивированность учения — это психологическая характеристика интереса к усвоению знаний, к собственному развитию и т.д. Нет развития, значит мотив избегания неудачи преобладает над мотивом достижения успехов. [3, с. 62–73]

Для детей интересный, знакомый и лично значимый материал обычно воспринимается как менее трудный, чем тот, который обладает противоположными характеристиками. Важный фактор успешности обучения и учения представляет собой продуманная система поощрений учащихся за успехи и наказаний за неудачи в учебной деятельности. Поощрения должны соответствовать реальным успехам и отражать не столько способности учащегося, сколько прилагаемые им усилия. Наказания должны играть стимулирующую роль, т.е. затрагивать и активизировать важные мотивы учебной деятельности, направленные на достижение успехов, а не на избегание неудач. Необходимо, чтобы ребёнок осознал, что недостаток его способностей можно компенсировать за счёт увеличения прилагаемых усилий.

Литература:

1. Амоношвили, Ш. А. Культура педагогического общения [Текст]/Ш. А. Амоношвили. — М., 1990. — 145 с.
2. Кураев, Г. А. Возрастная психология [Текст]: учеб. пособие/Г. А. Кураев, Е. Н. Пожарская. — Ростов-на-Дону: УНИИ валеологии РГУ, 2002. — 146 с.
3. Матюхина, М. В., Саблина Т. А. Некоторые аспекты развития мотивации достижения в младшем школьном возрасте [Текст]/М. В. Матюхина, Т. А. Саблина — Волгоград, 1992. — с. 62–73.
4. Собчик, Л. Н. Стандартизированный многофакторный метод исследования личности. [Текст]/Л. Н. Собчик. — СПб.: Речь, 2001. — 113 с.

Студенческое самоуправление как фактор профессионального становления личности специалиста

Сурикова Яна Алексеевна, кандидат психологических наук, педагог-психолог
Санкт-Петербургский технический колледж

В статье рассмотрены основные принципы организации и развития студенческого самоуправления как фактора профессионального становления личности будущего специалиста. Описаны направления работы координаторов студенческого самоуправления из числа преподавателей и мастеров производственного обучения, основные формы и требования к работе, особенности взаимодействия студентов и преподавателей.

Ключевые слова: самоуправление, самоорганизация, характеристики образовательной среды, субъектно-средовый подход, профессиональное становление и саморазвитие.

Организация внеучебной деятельности студентов колледжа, направленной на разностороннее развитие личности студентов, формирование и развитие у них профессиональных компетенций и профессионально значимых личностных качеств является одной из важнейших задач современного образовательного учреждения среднего профессионального образования. Формирование

и развитие у студентов направленности на профессиональный успех и творческой устремленности, поддержка социальной активности студентов, создание «полей опыта» для самореализации и развития профессионально важных личностных качеств требует системной и комплексной работы, охватывающей всех субъектов образовательного процесса и выражающейся организации особой среды,

помогающей студенту овладеть необходимыми компетенциями; повысить «потенциал к трудоустройству», активно включиться в социальную практику и развивать устойчивые профессиональные интересы и способности. Следовательно, образовательная среда колледжа должна обладать такими характеристиками, как: диалогичность и открытость для сотрудничества, безопасность, демократичность, вариативная содержательность, наполненность событиями и традициями, динамичность, субъектность и др.

Основными принципами построения подобной среды являются: деятельностный принцип, принцип взаимообучения и обмена опытом, принцип активности личности как субъекта своего жизненного пути, принципы коллегиального обсуждения, самоорганизации и саморегуляции. Важным также является создание ситуации успеха, корригирующий эмоциональный опыт, позволяющий преодолеть негативные жизненные стереотипы, мотивацию избегания неудачи, повышенную тревожность и как следствие защитную агрессивность, свойственные, как показывает практика, значительному числу студентов, поступающих в колледж. В этом свете организация среда колледжа представляет собой не просто совокупность внешних условий, воздействующих на личность, внешние условия преломляются личностью, интериоризируются, становятся внутренними, после чего сама личность начинает выступать активным субъектом преобразования среды (то есть уже сама «творит» внешние условия, создает среду, которая не просто будет для нее комфортной,

а будет способствовать развитию профессионального потенциала личности студента).

Основными направлениями работы координаторов совета студенческого самоуправления колледжа из числа администрации, преподавателей, мастеров производственного обучения, являются:

- развитие вертикальных и горизонтальных связей;
- формирование идентичности, сопричастности студенческому сообществу колледжа;
- повышение профессиональной компетентности, расширение профессионального кругозора студентов;
- формирование профессиональной идентичности, воспитание ответственности и уважения к выбранной профессии, личностное означивание профессиональной деятельности;
- интеграция студентов в профессиональное сообщество;
- расширение ролевого репертуара;
- адаптация к изменяющейся среде;
- протраивание жизненных перспектив.

Следует отметить, что специфика подготовки выпускника колледжа предполагает довольно широкий репертуар форм и методов профессионального становления и саморазвития развития стремления к творческой самореализации, включенных в учебный процесс. Значительная часть дисциплин учебного плана ориентирована не только на приобретение студентами сугубо-профессиональных знаний, умений и навыков, но и важных для целостного гармоничного развития личности характеристик.

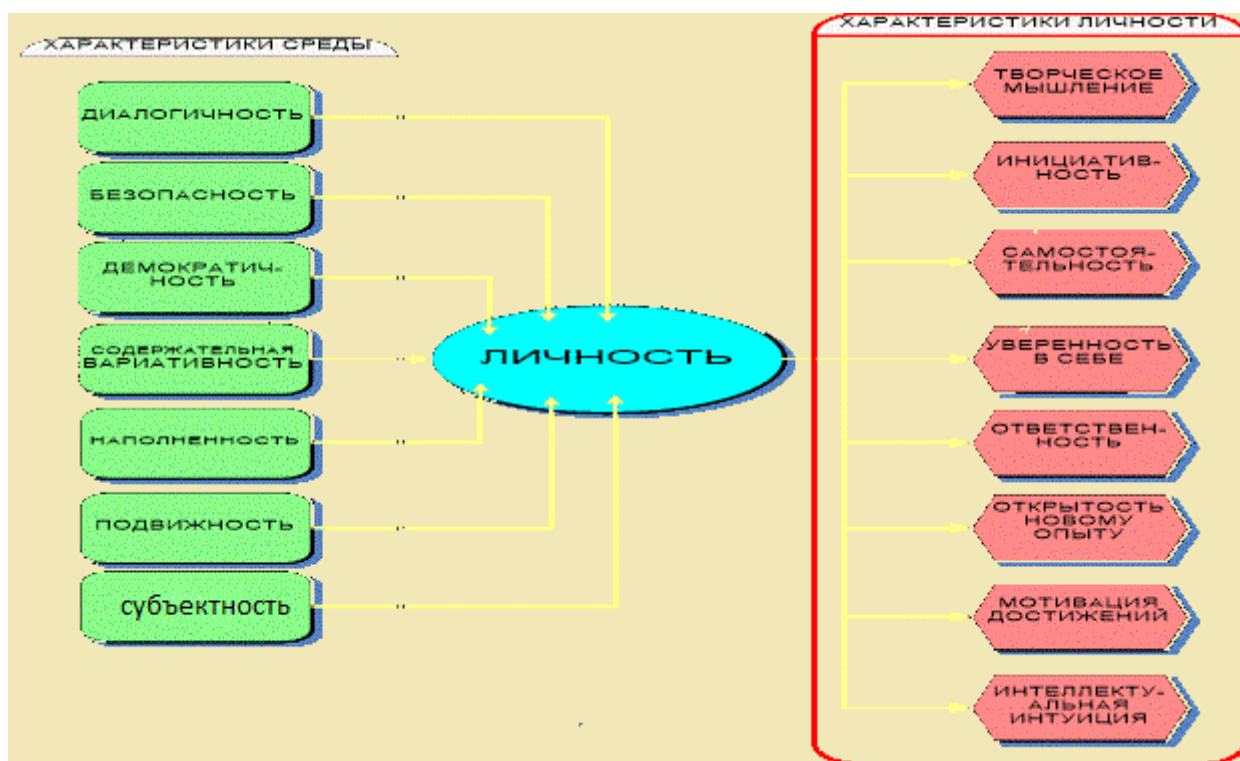

Рис. 1. Взаимодействие в системе «субъект-среда»: взаимосвязь внешних и внутренних условий самореализации личности в образовательном пространстве колледжа

В этой связи организация Совета студенческого самоуправления должна быть также построена таким образом, чтобы с одной стороны, способствовать творческой самореализации личности студентов, с другой — создавать условия для профессионального роста и развития в рамках выбранной специальности. В связи с этим субъектно-средовое взаимодействие, направленное на развитие потенциала личности студентов и способствующее их творческой самореализации и профессиональному становлению, должно осуществляться в трех формах:

- в ходе учебного процесса;
- как дополнение учебного процесса;
- параллельно учебному процессу.

Взаимодействие студентов и преподавателей, мастеров производственного обучения при этом должно строиться с учётом соблюдения следующих условий:

1) демонстрация студентам значимости воспитательных мероприятий для преподавательского сообщества;

2) обеспечение добровольной явки преподавателей и мастеров производственного обучения на мероприятие (личностный вклад в процесс подготовки обеспечивает заинтересованность в результате);

3) курирование подготовки мероприятия: баланс между свободой студентов в творчестве и рамками формата мероприятия, целями и задачами образовательной деятельности колледжа;

4) сплочение студенческо-преподавательского сообщества колледжа (способствует формированию целостного образа профессионала);

5) выстраивание и координация взаимодействия студентов «по вертикали»: совместное общение студентов с 1 по 4 (5) курс в рамках всех мероприятий колледжа (для 1 курса — «ускоренное» формирование идентичности со студенческим сообществом колледжа, создание условий для профессионального самоопределения; для старших курсов — способ профессионального самосовершенствования и саморазвития, реализация потребности в активном участии в жизни колледжа, повышение «карьерного потенциала» и «потенциала к трудоустройству»);

6) интеграция студентов различных специальностей (развитие стратегического мышления, повышение конкурентноспособности и профессиональной мобильности, овладение моделями эффективной коммуникации и лидерства);

7) использование различных механизмов создания мотивации участия во внеучебных мероприятиях.

Отдельное внимание следует уделить системе мониторинга, основными объектами которого должны вы-

ступать особенности личностного и профессионального развития студентов колледжа и социально-педагогическая среда, общая психологическая атмосфера и нравственный уклад жизни колледжа. Изучение образовательных результатов и эффективности предлагаемых инновационных моделей (проектов, программ) развития студенческого самоуправления должно быть направлено не только на констатацию имеющихся фактов, но и способствовать уточнению стратегии и тактики развития образовательного учреждения, выработке конкретных предложений по совершенствованию текущей деятельности как с позиции администрации, педагогического коллектива, так и с позиции студентов, потенциальных работодателей, представителей общественности. Формулируемые критерии и показатели эффективности работы должны быть прозрачны и понятны всем субъектам образовательного процесса и быть объективно доступными измерению. Подбираемый диагностический материал не должен быть громоздким, но представлять собой эффективный инструмент принятия управленческих решений и учитывать специфику конкретной специальности. Соблюдение данных требований к мониторингу позволяет определить наиболее эффективные педагогические средства и те формы и способы организации образовательного процесса, которые в наибольшей степени оказали влияние на развитие личности студентов и формирование у них профессионально важных качеств и профессиональной компетентности (выявление позитивных и негативных тенденций), выделить «слабые» звенья и риски системы.

В целом, развитие студенческого самоуправления как фактора профессионального становления личности специалиста позволяет повысить ценность и престиж воспитательной деятельности колледжа и востребованность ее результатов, создать условия для «сдвига мотива на цель» (перевода необходимости в потребность; создание внутренней мотивации участия в воспитательных мероприятиях у студентов, преподавателей, мастеров производственного обучения, родителей), стимулирует желание поддерживать и развивать данную среду, актуализирует потребность студентов в самореализации и саморазвитии; вызывает у них чувство патриотизма, гордости за колледж. Основными преимуществами подобной системы являются комплексность, долгосрочность, фокусировка на изменении, ориентация на зоны ближайшего и потенциального развития (по Л.С. Выготскому), формирование команды, обеспечение преемственности и одновременно гибкости существующей системы, ее способности к самовоспроизводству.

Литература:

1. Антипенко, Л. В. Студенческое самоуправление и социализация личности обучающихся. // Профессиональное образование. Столица — 2010. — № 1. — с. 3–7.
2. Волоткевич, Т. Н. Самоуправление студентов как фактор организации воспитательной работы в вузе. Автореф. дис. канд. пед. наук. Красноярск, 2005. — 21 с.

3. Гаськов, В. М. Управление профессиональным обучением и подготовкой. — Женева Москва, 2000. — 386 с.
4. Деев, Е. Е. Развитие начального профессионального образования в России. Дисс. на соискание ученой степени канд. пед. наук. — Рязань, РГУ им. С. Есенина. — М.: 2007. — 237 с.
5. Проблема качества образования. Компетентность человека — новое качество результата образования // Материалы XIII Всеросс. Совещ. — М.: 2003. — 72 с.
6. Смирнов, И. П. Теория профессионального образования. — М.: Российская академия образования: НИИРПО, 2006. — 320 с.
7. Шаронин, Ю. В. Роль общественно-государственного управления в системе среднего профессионального образования. // Среднее профессиональное образование. — 2004. — № 2 — с. 6–10.

Социально-психологические ресурсы сказкотерапии в коррекции агрессивного поведения детей дошкольного возраста

Хрустова Екатерина Сергеевна, студент;

Акутина Светлана Петровна, доктор педагогических наук, профессор

Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского, Арзамасский филиал

В последнее время психолого-педагогическое сообщество ставит на первый план, одну из важнейших проблем современности, которая обнаруживается в прогрессивном росте неадекватного, отклоняющегося поведения, приводящего к развитию агрессии. Особое внимание уделяется тому, насколько сильно данный феномен, в условиях стремительной модернизации нашего общества, воздействует на подрастающее поколение. При анализе научно-методического материала по данной проблеме был установлен тот факт, что в большинстве случаев, с проявлением детской агрессии сталкиваются учреждения дошкольного типа, определяя её основополагающей в нарушении поведения у дошкольников. Одним из наиболее значительных достижений мировой психологии в области изучения агрессии, стала книга американских психологов Р. Бэрона и Д. Ричардсона, в которой агрессия трактуется как: «...форма поведения, нацеленная на человека для оскорбления или причинение вреда» [1, с. 26]. Как показывает опыт многих педагогов и психологов, работающих по данной проблеме, в практической деятельности агрессия у детей дошкольного возраста проявляется в форме косвенной (порча чужих игрушек, вещей, находящихся вблизи «места» ребенка), так и прямой агрессии (применение физических сил по отношению к другим). Именно поэтому агрессивное поведение дошкольников опасно не только для личности, но и для окружающих, что требует правильного подхода в коррекции данной формы поведения. Одним из источников возникновения агрессии в жизнедеятельности дошкольника, становится проблемы, связанные с его психическим состоянием. В определенной степени, агрессия у детей может сохраняться и развиваться, образуя устойчивое, индивидуальное качество личности ребенка. В настоящее время исследователи И. В. Дубровина, А. Д. Андреева, Е. Е. Данилова и др. выделяют, несколько явных причин возникновения агрессии у детей: во-первых, страх быть мо-

рально подавленным, угнетенным, находится в качестве «жертвы» нападения и т.д.; во-вторых, это может быть психологическая и тяжело пережитая травма [6].

Еще одним определяющим фактором в проявлении агрессивного поведения у дошкольников становится популярность, играющая важную роль в группе сверстников. Развитость интеллекта, физические особенности, внешний вид, контактность, готовность чем-то делиться, являются одними из способов получения популярности и лидерства в группе. Но в большинстве случаев, преобладающее значение имеет то, насколько дошкольник развит в сфере игровой деятельности (правильно ли организует ход игры, разрабатывает сюжет, расставляет роли), ведь именно из-за нее у ребенка появляются коммуникативные связи. Однако, ребенок, не имеющий адекватных навыков общения, для занятия лидерских позиций в классе, может прибегать к использованию агрессивных средств воздействия на окружающих (драка, задиристство, обзывание). Последствием чего, из-за тревоги, волнения, обид, ущемления его «Я», агрессивность и может стать травмирующей для психики ребенка, которая в дальнейшем проявится с негативной стороны на тех, кого он видит причиной и виновником своих переживаний.

Именно поэтому, на сегодняшний момент ученые — исследователи всё больше предлагают апробировать в рамках социально-педагогической работы с дошкольниками, один из таких эффективных методов по коррекции агрессивного поведения, как сказкотерапия. По сути, сказка — это вид народной, творческой, поэтической деятельности. Как только рождается слово, рождается и сказка. С самых древних времен люди сочиняли и рассказывали друг другу сказки, передавая их из поколения в поколение. Сказка со временем трансформируется, под влиянием окружающей действительности. Современное общество не забывает этот народнопоэтический жанр, наоборот, дает жизнь сказке, но одни из них либо продол-

жают свою многовековую историю на книжных страницах, становясь наследием для подрастающего поколения, либо переигрываются в более приемлемый для развивающего общества рассказ, где строками из таких сказок могут наслаждаться и взрослые [5, с. 35].

В комплексной системе сказкотерапии Т.Д. Зинкевич — Евстигнеева выделяет несколько видов сказок: художественные, дидактические, медитативные, психотерапевтические и психокоррекционные. Первые из них, художественные, сложенные путем «векового» наследия народа, к которому относятся мифы, былины, притчи [2, с. 15]. Примечательно то, что в некоторых моментах сказки у ребенка меняется настроение, учащается дыхание, кровь приливает к лицу, от чего ребенок может краснеть и переживать, а сказочные действия оказываются для него очень значимыми [3, с. 22]. Суть дидактических сказок состоит в том, что все «одушевленные» символы и действия подаются в виде учебных заданий, где дети могут раскрыть определенный смысл, заложенный в тексте. [2, с. 44]. В сходной манере психокоррекционные сказки действуют на ребенка и замещают его «неординарный» стиль поведения, на более адекватный.

Психотерапевтические сказки созданы для того, чтобы истории, прописанные на листе бумаги и рассказанные ребенку, помогли ему увидеть происходящее «с другой стороны, в реальности», но такие сказки имеют глубокий смысл и зачастую могут заканчиваться не всегда положительно, при этом оставляя ребенка с вопросом для обдумывания и личностного роста [4, с. 134].

Сказки медиативного характера предназначены для «разгрузки» эмоций и напряжения, накопления позитивного опыта и векторов развития потенциалов личности, а так же формирования наиболее лучших моделей поведения во взаимоотношениях. В основе всех медитаций лежит основательное погружение в определенный процесс. Особую роль, сказка, в форме медитации играет в том, что посредством медиативных сказок делается посыл бессознательному, неся основную идею о «правильных» взаимоотношениях с обществом. Здесь нет плохих героев или конфликтов, что становится специфичной чертой, в сравнении с другими сказками [2, с. 46].

Психологи П. Носрат, И.В. Стишенок выделяют ряд функций, которые несет сказка в приеме психокоррекции [7, с. 9]: «1. Первая функция — это функция зеркала, которая отождествляет все содержание сказки на внутренний мир ребенка. 2. При помощи функции модели, ребенок может видеть в сказке множество конфликтных сюжетов, где герои несут различные способы их разрешения или подводят читателя к возможной модели поведения в данной конфликтной ситуации, следовательно, у детей создается образовательный процесс для самостоятельной выработки «правильной» модели поведения. 3. В момент, когда необходимо снятие сопротивления между ребенком и психологом, выступает функция опосредования. 4. Под функцией хранения опыта понимается то, что когда психокоррекционная работа окончена, но дей-

ствие сказки все еще продолжается в обычной жизни ребенка. 5. В любой психокоррекционной работе со сказкой необходима функция реверсии индивидуального и личностного развития. Она помогает ребенку раскрывать все чувства, безграничную фантазию в мир удивлений и новых сюжетов, где никто не может осудить за выбранную роль и вхождение в нее посредством образного мышления [7, с. 10]. 6. Следующая функция может звучать как альтернативная концепция, т.е. сюжет сказки подается ребенку в той форме и смысле, какой она была изначально создана, а в той, которой ребенку будет комфортнее. 7. Завершающей функцией в психокоррекционной работе со сказкой, является то, что ребенок может заметить в себе изменение личностных качеств и его позиций после проработанного материала в сказочной форме» [7, с. 10].

Использование метода сказкотерапии может включать в себя:

1. Работу с ассоциациями. В любых сказках есть метафоры, которые могут вызвать произвольные ассоциации у ребенка, связанные с какими-либо жизненными обстоятельствами. По окончании работы с ребенком, можно провести рефлексию по его впечатлениям и ассоциациям.

2. Рисунок как материал для графического анализа и сбора необходимой информации о ребенке. Ведь именно в рисунок дети вкладывают все свои эмоции, впечатления, ассоциируют на нем себя с кем или чем-либо.

3. Оценивание ребенком героя, что в нем плохого и хорошего, какими мотивами пользуется сказочный персонаж для достижения определенных целей. Здесь ребенок, посредством героя, устанавливает свою систему ценностей и может доказать её перед психологом или самим собой.

4. Проработка сказочного сюжета, через постановку его ребенком или группой детей. Такое проигрывание применительно для ребенка, в то время, когда необходимо погружение в те эмоции и состояние, в которых дети сталкиваются в повседневной жизни, позволяя при этом находить несколько вариантов разрешения возможной проблемы.

5. Переписывание и сочинение новой сказки. Случается и так, что во время работы со сказкой ребенку не нравятся её сценарий, а переписывание и сочинение нового сюжета позволит ребенку самому изменить сказку в ту сторону, которое более подходит к его внутреннему состоянию. Это необходимо для того, чтобы в дальнейшей психокоррекционной работе ребенок чувствовал себя более комфортно.

6. Последнее, это рассказывание сказок и их дальнейших анализ. Такие действия развивают у детей фантазию, творчество, воображение, помогают сосредоточиться на сюжете, сконцентрироваться на главной проблеме, а также способствуют нахождению правильного её решения [7, с. 10–12].

Подводя итоги, можно сказать, что сказкотерапия является одним из важных ресурсов в коррекции агрессивного поведения дошкольников, которая дает нам возможность использовать этот метод, при помощи сказочных

историй, где все события понятные и естественны, они следуют одни за другими, давая, при этом, ребенку усвоить причинно-следственные связи. Здесь нет прямых нравов-учений, здесь ребенок погружается в ту атмосферу, где он может столкнуться с жизненными ситуациями, разрешить которые поможет опыт многих поколений. Ведь в сцена-риях сказки встречаются такие проблемы, с которыми ре-

бенок встречается в обычной жизни. Особенность сказки заключается в том, что в её завершении обязательно будет всем знакомая кульминация: «Победа добра над злом». Именно она сможет обеспечить психологическую защиту, в тот момент, когда ребенок сравнивает себя со сказочным героем, победившего в своей проблеме и ставший еще до-брее, умнее, сильнее.

Литература:

1. Бэрн, Р., Ричардсон Д. Агрессия. — СПб.: Издательство Питер, 2000. — 352 с.
2. Зинкевич-Евстигнеева, Т. Д. Путь к волшебству. Теория и практика сказкотерапии. — СПб.: Златоуст, 1998. — 352 с.
3. Зинкевич-Евстигнеева, Т. Д., Кудзилов Д. Б. Психодиагностика через рисунок в сказкотерапии. — СПб.: Речь, 2003. — 146 с.
4. Зинкевич-Евстигнеева, Т. Д. Практикум по сказкотерапии. — СПб.: Речь, 2000. — 310 с.
5. Пропп, В. Я. Исторические корни волшебной сказки. — Л.: Изд-во ЛГУ, 1986. — 364 с.
6. Дубровина, И. В., Андреева А. Д., Данилова Е. Е., Вохмянина Т. В. Психокоррекционная и развивающая работа с детьми: Учеб. пособие для студ. сред. пед. учеб. заведений. — М.: Издательский центр «Академия», 1998. — 160 с.
7. Стишенков, И. В. Сказка в тренинге: коррекция, развитие, личностный рост. — СПб.: Речь, 2005. — 144 с.

Закономерности формирования рефлексивных умений и навыков на разных этапах возрастного развития человека

Цилицкий Виталий Сергеевич, аспирант
Челябинский государственный педагогический университет

Статья посвящена вопросам становления рефлексивных умений и навыков (РУН) на разных этапах возрастного развития человека. Опираясь на исследования отечественных и зарубежных ученых-психологов, мы попытались описать онтогенетические закономерности формирования рефлексивных умений и навыков учи-тывая возрастную периодизацию Д. Б. Эльконина.

Ключевые слова: рефлексия, рефлексивные умения и навыки (РУН), онтогенетические закономерности, кризисы развития личности, психические новообразования.

Для полного понимания психологических состояния рефлексивных умений и навыков важным представ-ляет знание возрастных особенностей формирования по-следних в детском возрасте. Г. С. Пьянкова анализируя ра-боты, посвященные проблеме исследования особенностей и закономерностей развития рефлексивных умений и на-выков на разных этапах онтогенеза утверждает, что форми-рование рефлексии в онтогенезе проходит ряд последова-тельно усложняющихся стадий, связанных с возрастными этапами психического развития человека (М. Н. Апле-таев, В. Г. Богин, Н. В. Дорофеева, Ж. Пиаже, А. З. Зак, В. В. Давыдов, Е. И. Исаев, Н. В. Репкина, В. И. Слобод-чиков и др.) [1, 7, 8]

Е. И. Исаев, В. И. Слободчикова в своих исследова-ниях выделяют следующие основные онтогенетические стадии, основанием для разделения которых могут слу-жить кризисные точки в развитии личности: от рождения

до года; от 1 года до 3 лет; от 3 до 7 лет; от 7 до 10–11 лет; от 12 до 14 лет; от 14 до 17–18 лет; от 18 до 25–27 лет; от 28 до 45 лет; от 45 до 55–65 лет; от 60–65 лет до конца жизни. В зависимости от индивидуальных особенностей психического развития эти возрастные этапы могут сдви-гаться (Е. И. Исаев, В. И. Слободчиков). [8]

Г. С. Пьянкова в своих работах рассуждает, о том, что на каждом возрастном этапе развитие рефлексии имеет свою специфику и виды проявления, непосредственно связанные с сензитивностью возраста, ведущей деятель-ностью, социальной ситуацией развития (Л. С. Выготский, В. В. Давыдов, Д. Б. Эльконин и др.). Несмотря на мно-гоплановость возможных подходов к исследованию реф-лексии в онтогенезе, можно выделить единство авторов в отношении одного из фундаментальных условий раз-вития рефлексии на разных этапах онтогенеза начиная с младенческого возраста — это непрерывное пребы-

вание ребенка в психической общности «Я — Значимый другой». Посредством осознания, фиксации и переживания ребенком этой психической общности: совместное бытие ребенка и взрослого оказывается тем уникальным пространством, где осуществляется перерождение натурально-природной данности в культурно выраженную способность к рефлексии. При этом понимается, что подлинное освоение и овладение рефлексией предполагает не только объективацию «Другого», но и отчуждение, освобождение от него, формирование самостного существования. Лишь в этом случае ребенок приобретает способность сделать предметом исследования свою мысль и деятельность (Н.В. Дорофеева, В.И. Слободчиков, Д.Б. Эльконин и др.). [7,8]

В психологии считается, что в реальной жизнедеятельности ребенка как развивающейся личности рефлексия проявляется в трех сферах: познании, коммуникации и самосознании.

В первых двух сферах механизм развития рефлексии у детей формируется в условиях специально созданной среды, в ситуации рефлексивного взаимодействия.

В сфере самосознания формируется механизм внутренней определяющей рефлексии, так как взрослый лишь обеспечивает условия для порождения процессов рефлексии. Если на первоначальных стадиях развития ребенка все три сферы выступают в слитной и нерасчлененной форме, то в дальнейшем каждая из сфер приобретает все более четкие собственные особенности функционирования и развития. Тенденция к дифференциации сфер определяет возможность существования их относительной самостоятельности, что способствует развитию различных типов рефлексии (интеллектуальной, коммуникативной и личностной) с учетом их познавательной, оценочной и регулятивной функций (В.В. Давыдов, Н.В. Дорофеева, В.Т. Кудрявцев, В.С. Мухина, Г.С. Пьянкова, Н.В. Репкина, Г.А. Цукерман, Д.Б. Эльконин и др.) [1,6,7,8]

Онтогенетические уровни рефлексии обуславливаются развитием на данной возрастной стадии других психических функций: восприятия, памяти, мышления, речи, произвольных действий, чувств. То есть они определяются степенью развития психики и сознания в целом. Это позволяет рассматривать рефлексии как постепенно развертывающийся во времени психический процесс, характеризующийся все более усложняющимися формами самопознания, эмоционально-ценностного отношения к себе и саморегуляции. (Р. Бернс, В.В. Давыдов, Ж. Пиаже, С.Э. Ковалев, В.С. Мухина, К.Н. Поливанова, И.Н. Семенов, С.Ю. Степанов и др.) [1,6]

Научные исследования М.И. Лисиной, показывают, что самые первые проявления рефлексивных умений и навыков отмечаются у детей дошкольного возраста. Очевидно, в начале этого возраста дети еще нерефлексивны. В пользу этого утверждения свидетельствует открытый Ж. Пиаже феномен эгоцентризма мышления ребенка и его эгоцентрической речи, психологическая сущность

которых как раз и состоит в неспособности ребенка соотносить свою точку зрения с точкой зрения других людей, т. е. в его неспособности к децентрации. [5]

Постепенно механизмом дальнейшей социализации ребенка становится его способность к идентификации с другими людьми, а также со сказочными и воображаемыми персонажами. Ребенок обычно стремится идентифицироваться с образом, который производит на него большое эмоциональное впечатление. Через идентификацию он познает большинство этических эталонов, на основе которых развиваются его личностные качества. Присваивая себе этот образ, ребенок начинает через него осознавать себя, соотносить свое понимание этого эталона поведения и свое поведение. Соотнесение своего нравственного «Я» с эталоном и с «Я» других людей стоит ребенку большого эмоционального и умственного напряжения, но это и есть начало развития его рефлексивных способностей. Рождающаяся рефлексия направлена на формирование у дошкольника представления о себе и отношения к себе и по своей сути является онтогенетически первой формой личностной рефлексии. [5,6]

Дошкольный возраст же возраст является периодом неразвитой, спонтанной рефлексии. В этом возрасте наступает кризис «Я сам». Это значит, что ребёнок становится самостоятельным субъектом и ощущает себя таковым. Но полноценной, развитой рефлексии у него ещё пока нет. Он учится функционировать во внешнем мире, осваивая главные смыслы отношений между людьми. По-настоящему рефлексия начинает развиваться тогда, когда ребёнок начинает учиться. Учение — результативная, по своей сути, деятельность. Рефлексия, присуща взрослому человеку, начинает формироваться в младшем школьном возрасте.

В младшем школьном возрасте рефлексивная способность ребенка обогащается новыми качествами. Главным фактором ее развития становится сама учебная деятельность, успешное овладение которой способствует развитию интеллектуальной рефлексии. Новый вид рефлексии проявляется в поиске и отслеживании оснований собственных мыслительных действий в ситуации решения учебных задач. Рефлексия, наряду с умственными действиями анализа и планирования, является психическим новообразованием этого возраста. В исследованиях В.В. Давыдова подтверждается, что, к окончанию начальной школы немногим более половины школьников владеют интеллектуальной рефлексией.

В подростковом возрасте одним из новообразований является осознанная рефлексия. В культурно-психологической концепции Э. Шпрангера (1921) одним из новообразований подросткового возраста является рефлексия. Также в культурно-исторической теории Л.С. Выготского (1930) одним из новообразований этого возраста описана рефлексия. При этом развитие рефлексии у подростка, как было отмечено Л.С. Выготским, не ограничивается только внутренними изменениями самой личности, но также, в связи с перерождением самосознания под-

ростка, становится возможным и неизмеримо более глубокое и широкое понимание других людей. [2,6]

В основе развития самосознания, центрального, по мнению Л.И. Божович, новообразования подросткового возраста, лежит развитие рефлексии, побуждающей потребности понять самого себя и быть на уровне собственных к себе требований, то есть достигнуть избранного образца. Концепция подросткового возраста Д.И. Фельдштейна выделяет, что одним из важных механизмов самосознания выступает рефлексия, представляющая собой форму осознания подростком, как своего внутреннего мира, так и понимания внутреннего мира других людей.

Специфика подросткового возраста, описанная В.И. Слободчиковым и Г.А. Цукерман с позиций интегральной периодизации общего психического развития, обозначена формированием нового типа познавательных интересов, которые приводят к возникновению внутренней рефлексии. Подростковый возраст характерен активным ростом самосознания. Средством его развития становится личностная рефлексия. Подросток углубленно изучает себя, обогащая самосознание новым материалом. Он изучает свои личностные особенности, свои отношения с окружающими, свои возможности и притязания, свои сильные и слабые стороны. Рефлексия его простирается также в прошлое и в будущее: она соединяет его переживания о себе в детстве с его ожиданиями от себя во взрослой жизни. [8]

Содержательный план рефлексии достаточно обширен, подросток анализирует окружающий мир, других людей, самого себя и даже собственную рефлексию. Особенностью рефлексии в это время является ее насыщенная эмоциональность. Стремительно изменяющаяся внешность, восприятие себя другими, способности и успехи в учебе постоянно находятся в фокусе рефлексии и вызывают острые переживания, которые в свою очередь тоже рефлексированы. Другой особенностью подростковой рефлексии является ее свободная ассоциативность. Подросток погружается в свои мысли, текущие в разных направлениях в зависимости от душевных переживаний или внешних обстоятельств. Однако центром притяжения рефлексии подростка является он сам, его личность. Именно в рефлексии подросток удовлетворяет потребность в самоидентификации: его более всего сейчас интересует собственное «Я». Подросток стремится понять себя. «Кто Я?» — становится главным вопросом этого возраста. Бесспорно, рефлексивные способности неравны у подростков. Интенсивность и широта рефлексии в отрочестве напрямую связана с особенностями воспитания в детстве: семейными традициями чтения хороших книг и их обсуждения, развитого внимания к чувствам и мыслям других людей, восторженного удивления в открытии мира. Но все, же одно обстоятельство характерно для всех подростков — данная им от природы возможность в сравнительно малый срок небывало поднять себя в духовном развитии.

В юношеском возрасте остро переживается проблема выбора жизненных ценностей. Именно в юности человек осмысленно определяется в категориях добра и зла, чести

и бесчестия, права и обязанности, делает выбор своей внутренней позиции по отношению к миру. Данные проблемы для юноши становятся предметом внутренних диалогов с самим собой. И. С. Кон утверждает, что рефлексия в юности выполняет большую духовную работу, именно с её помощью совершается самое главное открытие юности — открытие внутреннего мира. Рефлексия заполняет все пространство внутреннего мира, делая его динамичным, живым, а порой и драматичным. [1,6]

Изучение особенностей раннеюношеской рефлексии, в исследованиях Н.И. Гуткиной показало, что рефлексия личностного плана занимает значительное место у половины опрошенных. Как правило, стимулом к выходу в рефлексивную позицию становятся конфликтные ситуации в общении, которые становятся объектом самоанализа старшеклассников. В этом возрасте человек сознательно делает выбор своего дальнейшего развития: либо по направлению своего духовного и личностного роста, либо с ориентацией на приоритет материального благополучия. Этот выбор определяет разрыв между молодыми людьми, как в сфере ценностных ориентаций, так и в их способности к рефлексии. Богатейший по своему духовному потенциалу возраст может ничего не дать человеку в плане развития способности к рефлексии и духовности. Как замечает В. С. Мухина, «прожив этот период, выросший человек может остаться в психологическом статусе подростка». [3,6]

Онтогенетический процесс развития рефлексии не завершается ранним юношеским периодом, он продолжается и дальше, приобретая новую возрастную специфику. После окончания школы молодые люди выбирают разные пути: одни овладевают выбранной профессией в средних и высших профессиональных образовательных учреждениях, другие начинают самостоятельную трудовую деятельность. Развитие рефлексивного сознания человека в последующие жизненные периоды оказывается связанным с личностным и профессиональным самоопределением и развитием профессиональной рефлексии в процессе профессионального образования, овладения профессией и творческой самореализации как профессионала (Б. Ф. Вульф, Э. Ф. Зеер, А. В. Карпов, И. Н. Семенов, С. Ю. Степанов, И. А. Савенкова и др.). [3,5]

Во взрослом возрасте дальнейший прирост рефлексивных способностей и развитие не так значительно по сравнению с динамикой в подростковом и юношеском возрасте. (Т. Пэетер). В научных исследованиях М.А. Холодной доказано, что с годами взрослый человек может прибавлять в мере своей житейской мудрости как форме организации интеллектуального опыта, но не в рефлексивных свойствах своего ума: «автоматического» развития рефлексии не происходит. К тому же, как показывает опыт, юношеская рефлексивная устремленность ума с годами притупляется (как случается, например, с юношескими чувствами). [10]

Исходя из основных характеристик рефлексии в разные возрастные периоды психического развития нами был осуществлен обобщающий анализ развития рефлексии на разных этапах возрастного развития человека (таб. 1).

Таким образом, обобщая результаты изучения закономерностей развития рефлексивных умений и навыков в детском возрасте можно сделать следующие выводы:

— во-первых, формирование рефлексивных умений и навыков в онтогенезе происходит последовательно и усложняется на каждом возрастном этапе согласно этапам психического развития человека;

— во-вторых, в формировании рефлексивных умений и навыков выделяются стадии, которые непосредственно пересекаются с основными кризисами развития личности;

— в-третьих, рефлексия является онтогенетическим механизмом социализации ребенка;

— в-четвертых, ведущий вид деятельности напрямую влияет на формирование рефлексивных умений и навыков.

Таблица 1. Закономерности формирования рефлексии на разных этапах возрастного развития ребенка

Возрастной период	Этапы онтогенетического развития рефлексии	Ученые	Ключевая характеристика периода
Младенчество (0–1 год)	Предпосылки к становлению рефлексии	Е. И. Исаев В. И. Слободчиков	Средства отождествления взрослого с ребенком фиксируют средства обособления самого ребенка (виды сосредоточения и развернутые двигательные программы). Эти средства становятся предпосылками внутренней р. ребенка.
Раннее детство (1–3 года)	Развития способности к рефлексии	Е. И. Исаев В. И. Слободчиков	Для данного возраст средством к развитию р. выступает общение взрослого и ребенка с помощью речи.
Дошкольный возраст (3–7 лет)		Ж. Пиаже М. И. Лисина	В начале периода дети не рефлексивны. Через идентификацию ребенок познает этические эталоны, на основе которых идет развитие этических качеств. Присваивая себе образ ребенок осознает себя, соотносит свое понимание эталона поведения и свое поведение. На основе соотнесения своего «Я» с эталоном и с «Я» других людей развивается способность к рефлексии. Но полноценной развитой р. нет.
Младший школьный возраст (7–11 лет)	Становление рефлексивных умений и навыков	В. В. Давыдов	Рефлексивная способность ребенка обогащается новыми качествами. Главный фактор в развитии р. — учебная деятельность. Рефлексивная способность проявляется в поиске и отслеживании оснований собственных мыслительных действий.
Подростковый возраст (11–15 лет)	Формирование рефлексивных умений и навыков	Л. И. Божович Л. С. Выготский В. С. Мухина В. И. Слободчиков Д. И. Фельдштейн К. А. Хвостова Г. А. Цукерман Э. Шпрангер	Р. является новообразованием данного возраста. Она характерна перерождением самосознания. У подростка происходит формирование нового типа познавательных интересов, приводящих к формированию р. Происходит изменение отношения подростка к окружающей его действительности. В этом возрасте характерен активный рост самосознания. Изучение своих личностных особенностей, отношений с окружающими, возможностей и притязаний, сильных и слабых сторон. В р. подросток удовлетворяет свою потребность в самоидентификации.
Юношеский возраст (15–17 лет)		Б. Ф. Вульф Н. И. Гуткина А. В. Карпов И. С. Кон И. Н. Семенов В. С. Мухина	Р. выполняет духовную функцию, с её помощью совершается открытие внутреннего мира. Она дает возможность отобразить и дифференцировать собственные чувства и переживания и проследить эмоциональную реакцию другого человека по отношению к себе. Р. помогает определить собственную позицию по отношению к внешнему миру.
Взрослый возраст (от 18 лет)	Совершенствование рефлексивных способностей	Т. Пэтер М. А. Холодная	Прирост и развитие рефлексивных способностей не значительно и является результатом специально организованного обучения.

Литература:

1. Бизяева, А. А. Психология думающего учителя: Педагогическая рефлексия — Псков: ПГПИ им. С. М. Кирова, 2004. — 216 стр.
2. Выготский, Л. С. Психология развития человека. — М.: Изд-во Смысл; Изд-во Эксмо, 2005. — 1136 с.
3. Гуткина, Н. И. О психологической сущности рефлексивных ожиданий. — В кн.: Психология личности: теория и эксперимент. М., 1982, с. 100–108.
4. Карпов, А. В. Психология рефлексивных механизмов деятельности. М.: ИП РАН, 2004
5. Лисина, М. И. Общение, личность и психика ребенка/под редакцией Ружской А. Г. — М.: Издательство «Институт практической психологии», Воронеж: НПО «МОДЭК», 1997. — 384с
6. Мухина, В. С. Детская психология: Учеб. для студентов пед. ин-тов/под ред. Л. А. Венгера. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Просвещение, 1985—272 с.
7. Пьянкова, Г. С. Личностная и профессиональная рефлексия: психологический практикум/сост. Г. С. Пьянкова; Краснояр. гос. пед. ун-т им. В. П. Астафьева. — Красноярск, 2012. — 125 с.
8. Слободчиков, В. И., Цукерман Г. А. Генезис рефлексивного сознания в младшем школьном возрасте // Вопросы психологии. 1990. № 3
9. Щедровицкий, Г. П. Коммуникация, деятельность, рефлексия. — В кн.: Исследования речемыслительной деятельности. Алма-Ата, 1974, с. 12–28.
10. Холодная, М. А. Психология интеллекта: парадоксы исследования. 2-е изд., перераб. и доп. — СПб.: Питер, 2002. — 272 с.
11. Цукерман, Г. А. Условия развития рефлексии у шестилеток // Вопросы психологии. 1989. № 2

Проблема консультирования подростков, подвергшихся физическому насилию в семье

Яковлева Мария Андреевна, магистрант;
Новикова Ирина Альбертовна, доктор медицинских наук, профессор
Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова

В статье раскрывается проблема оказания консультационной психологической помощи подросткам, подвергшимся физическому насилию в семье. Подчеркивается важность оказания психологической помощи несовершеннолетним именно данной возрастной категории в ситуации переживания последствий физического насилия со стороны родителей.

Ключевые слова: психологическое консультирование, подростки, физическое насилие, психологические последствия.

Явление жестокого обращения с детьми характерно для всех стран мира, всех культур и всех социально-экономических слоев. Оно распространяется как вирус и не знает границ. Физическое насилие в отношении несовершеннолетних это умышленное причинение ребенку телесных повреждений, а также любое иное использование физической силы (причинение боли, лишение свободы, принуждение к употреблению психоактивных веществ и др.), которое причиняет ущерб его физическому или психическому здоровью, нарушает нормальное развитие или создает реальный риск возникновения таких нарушений [5, с. 35]. Значение насилия над детьми как социального явления велико. Оно оказывает негативное влияние не только на физическое здоровье ребенка, его психику и развитие, но также во многом определяет жизнь будущих поколений. Насилие над детьми

в семье — это феномен, передающийся из поколения в поколение.

Последний документ о статистических данных по количеству жертв домашнего насилия среди детей датируется 2009 годом. В этом документе приводятся данные по жестокому обращению с детьми за 2003–2007 годы, где наблюдается ежегодный рост числа преступлений, совершенных в отношении детей [1]. Примером того, что количество случаев физического насилия в отношении несовершеннолетних в семье за последние годы неуклонно растет, могут быть статистические данные МБУ МО «Город Архангельск» «Центр охраны прав детства». В данном учреждении функционирует отделение защиты прав детей от насилия, анализ работы которого показывает, что в 2014 году на учете отделения находилось 87 семей города Архангельска, из которых 70% по факту

физического насилия в отношении несовершеннолетних в семье. За первое полугодие 2015 года на учет в отделение поступило 112 семей, из которых больше половины так же по факту физического насилия.

Впервые на проблему насилия над детьми обратили внимание в США во второй половине XIX века. В начале 60-х годов американский врач, детский рентгенолог, профессор университета штата Колорадо С. Г. Кемп с соавторами опубликовал статью, в которой описал так называемый «синдром избитого (избиваемого) ребенка» (Child battered syndrome). Далее, уже в середине 70-х годов, эту проблему освещали в своих трудах социологи М. Страус, Р. Джеллз и С. Стейнметц, они же продолжили ее изучать и в середине 80-х годов.

В России изучение проблемы жестокого обращения с детьми в семье началось значительно позже. До сих пор нет достаточной систематизированной теоретической базы. В последние годы на широкую публику не выносятся статистические данные о жестоком обращении в семье с детьми. Одним из первых российских ученых, который писал о домашнем насилии над детьми и жестоком обращении с ними, был И. С. Кон.

Рассмотрением природы насилия занимался Ф. И. Минюшев, который определил его направления такие, как биогенетическое, психологическое, экологическое и социальное насилие.

Вопросы агрессивности личности, обуславливающей насильственные действия, изучали А. Басс, К. Лоренц, З. Фрейд, О. Шпенглер.

Анализ психологических последствий и реабилитации детей — жертв насилия осуществлен в работах О. Е. Булановой, С. И. Голода, Т. Н. Дороновой, О. М. Здравомысловой, Н. О. Зиновьевой, Н. Ф. Михайловой, Т. Я. Сафоновой, Е. Р. Смирновой, Е. И. Цимбал, И. А. Алексеевой и И. Г. Новосельского.

Существуют программы реабилитации детей, переживших травму, но все они носят общий характер и предлагаются для работы с детьми любого возраста. Теоретические рекомендации по консультированию несовершеннолетних, подвергшихся физическому насилию,

так же достаточно размыты и не учитывают особенностей разных возрастных категорий детей.

Период подросткового возраста в психологии характеризуется как кризисный период. Это момент перехода из детства во взрослую жизнь. Подростки, как правило, более чувствительно, сердито и импульсивно реагируют на события, чем дети других возрастных групп. Поэтому физическое насилие в отношении несовершеннолетнего подросткового возраста может вызвать такие бурные реакции, как уход из дома, правонарушения, суицидальные попытки, употребление алкоголя и наркотиков и т. д., все это может привести к достаточно серьезным последствиям. Исходя из этого, нужно уделить особенное внимание психологической помощи подросткам, которые подверглись физическому насилию со стороны членов семьи.

Взросление личности подрастающего человека на фоне пережитых фрустраций, конфликтных переживаний не исключает формирование негативных паттернов поведения, требующих комплексной психолого-педагогической коррекции. На данном этапе очень важно обратить внимание на возрастные особенности ребенка. В связи с чем, становится актуальным изучение специфики коррекции особенностей психического развития лиц подросткового возраста, чья «социальная ситуация развития» оказалась наиболее подверженной, и способствующей формированию негативных паттернов поведения, обусловленных влиянием физического насилия [4].

В этом возрасте общение со сверстниками гораздо значимее, чем со взрослыми. К тому же у подростков, переживших физическое насилие со стороны родителей, нарушается доверие к взрослым. Это существенно осложняет работу психологов [3, с. 27].

Таким образом, исходя из вышесказанного, остро встает вопрос разработки подходов к психологическому консультированию подростков, подвергшихся физическому насилию. Актуальной является также проблема создания специфических методик для изучения и коррекции последствий физического насилия в отношении несовершеннолетних подросткового возраста.

Литература:

1. Письмо Минобразования и науки РФ от 10.03.2009 № 06–224 «Об организации в субъектах РФ работы по профилактике жестокого обращения с детьми».
2. Алексеева, И. А., Новосельский И. Г. Жестокое обращение с ребенком. Причины. Последствия. Помощь. — М.: Национальный фонд защиты детей от жестокого обращения, 2013. — 470 с.
3. Алексеева, И. А., Новосельский И. Г. Реабилитационная работа с детьми, пережившими травму. — М.: Национальный фонд защиты детей от жестокого обращения, 2013. — 238 с.
4. Выготский, Л. С. Собрание сочинений. — М.: Педагогика, 1982. — Т. 2. — 504 с.
5. Цимбал, Е. И. Жестокое обращение с детьми: причины, проявления, последствия (учебное пособие). — М.: РБФ НАН, 2007. — 272 с.

ФИЛОЛОГИЯ

К вопросу об определении языкового статуса нечлененых предложений: история изучения и функционирования в системе языка

Бабиян Тамара Вартересовна, ассистент;
Борисенко Виктория Александровна, кандидат филологических наук, доцент;
Жарина Ольга Александровна, кандидат филологических наук, доцент
Южный федеральный университет (г. Ростов-на-Дону)

На современном этапе развития лингвистическая наука характеризуется обращением лингвистов к антропоцентричному подходу к языку, предполагающему изучение тесной связи языковых фактов и явлений с процессами человеческого мышления, сознания, восприятия окружающей действительности и выражаемых эмоций. Описание и исследование языковых феноменов проходит на уровне отношений «язык и мышление», «язык и общество», «язык и культура» (идеи В. фон Гумбольдта, Э. Бенвениста, Г. Штейнталя, А. А. Потебни).

Центральной проблемой по-прежнему является вопрос о человеческом факторе в языке, поскольку язык рассматривается в качестве важнейшего фундамента для исследования познавательных и мыслительных механизмов человеческого сознания, как средство аккумуляции и передачи социокультурных знаний. Интерес к человеку в первую очередь характеризуется его ответственностью к процессу коммуникации. Изучения языка ведется одновременно в нескольких направлениях — прагматическом, семантическом и синтаксическом, взаимодействие которых позволяет определить особенности речевого воздействия. В связи с этим интерес вызывает коммуникативный аспект языка, который уделяет особое внимание функционированию языковых единиц в речи, их взаимосвязи и обусловленности ситуацией общения. Подобный подход определяется востребованностью изучения и описания особенностей живой разговорной речи, характеризующейся наличием множества устойчивых выражений, передающих эмоционально-оценочное отношение и реакцию говорящего. По справедливому замечанию А. Н. Васильевой «...разговорной речи в наибольшей по сравнению с другими стилями степени свойственна фразеологичность», которая понимается как «живописный способ выразиться», реализованный в устойчивых языковых единицах и их речевых вариантах» [1, с. 180]. Более того, именно в диалогической речи отражается психологическая основа отношений

между собеседниками, наиболее ярко проявляется роль экстралингвистических факторов, оказывающих влияние на формирование разговорных конструкций и выражений, несущих определенную коммуникативную цель и соответствующих определенным социальным ситуациям. Поэтому понимание природы и сущности нечлененых синтаксических конструкций и их адекватное использование нам представляется весьма важным.

Таким образом, цель настоящего исследования заключается в изучении особенностей функционирования нечлененых предложений в речи, установлении языкового статуса нечлененых синтаксических единиц. В статье проводится системный анализ коммуникативных и прагматических характеристик нечлененых предложений, дается попытка систематизировать существующие теоретические положения об определении места и роли нечлененых предложений в синтаксической системе языка.

Материалом исследования послужили художественные тексты классической и современной английской литературы, примеры из которых отбирались методом сплошной выборки. В частности, нами были проанализированы следующие произведения британских авторов: «You Never Know» и «My Lady Love, My Dove» by R. Dahl («Никогда не знаешь, что произойдет в конце», «Моя любовь, моя голубка» Р. Даля), J. Cheever «Selected Prose» (Д. Чивер «Избранная проза»), E. Ambler «Send no More Roses» (Э. Эмблер «Не присылайте больше розы»).

Язык видоизменяется по мере развития общества. В языке появляются новые словоформы, а также происходят процессы, которые позволяют говорящему более свободно выражать свои мысли. Это и обуславливает широкое распространение единиц экспрессивного характера, к которым относятся нечлененые предложения. Интерес к предложению обусловлен тем, что это не только синтаксическая единица, но и важная коммуникативная единица, которая служит для передачи информации в процессе общения. Показательным в данном отношении

является высказывание Т. М. Михайлова о предложении: «Обслуживая и отражая коммуникативные ситуации, оно способно сокращаться, увеличиваться, сжиматься, выпячивать свои отдельные компоненты, быть репрезентированным одним компонентом и т. д. Свойство вариативности позволяет ему точно и адекватно выполнять свои коммуникативно-прагматические функции» [2, с. 22].

Основной функцией предложения является передача информации, а также выражение конкретной мысли и суждения. Традиционной классификацией предложения, принятой лингвистами, считается его деление по количеству основных компонентов, входящих в его состав — главных членов предложения. На основании данного признака выделяются односоставные и двусоставные предложения с точки зрения их синтаксической оформленности. Однако к настоящему времени проблема определения статуса нечленимого предложения в синтаксической системе языка до сих пор не получила окончательного обоснования.

Исследованию нечленимых предложений посвящены общетеоретические и научные труды А. М. Пешковского, Л. П. Якубинского, В. В. Виноградова, Л. П. Карпова, Е. А. Земской, Л. П. Якубинского, О. Б. Сиротининой, В. Ф. Киприянова, Р. П. Рогожниковой, В. Ю. Меликяна, А. М. Ломова и др. А. А. Шахматов освещал в своих работах только междометный тип нечленимых предложений, не затрагивая другие варианты синтаксических фразеологических конструкций. Вопрос о нечленимых предложениях был поднят и Ф. И. Буслаевым, но он занимался главным образом исследованием утвердительных и отрицательных предложений, выраженных частицами «да», «нет». Однако А. М. Пешковский придерживался мнения о невозможности отнесения данных выражений к предложениям, утверждая, что «неверно было бы считать такие одиночные слова и сочетания предложениями, хотя бы и неполными. Это только фразы, т. е. интонационные единицы, но не грамматические. Когда мы на вопрос приехал ли он? отвечаем да, мы отнюдь не мыслим при этом да, он приехал, как толкуется нередко в школе, а только одно да. Другими словами, у нас нет при этом никакой мысли, а следовательно, и никакого предложения: мы высказываем только утверждение, т. е. утвердительное отношение наше к высказанной ранее мысли. Подобным же образом могут употребляться и вопросительные частичные слова (например, одиночные *разве?* *неужели?*) и повелительные (*пусть!* *пухай!*), потому что и они выражают отношение говорящего к той или иной (своей или чужой) мысли» [3, с. 410–411].

«Словарь-справочник лингвистических терминов» под редакцией Д. Э. Розенталя, М. А. Теленковой указывает на тождественность понятий «нечленимое предложение» и «слова-предложения», которые рассматриваются как «предложения, выраженные одним словом или устойчивым словосочетанием, не выделяющие в своем составе отдельных членов, выполняющие коммуникативную функцию чаще всего в диалогической речи» [4,

с. 257]. Однако, мы считаем данное определение не совсем точным, потому что в языке существует большое количество определенно-личных, неопределенно-личных, номинативных, безличных предложений, которые также состоят из одного слова. Следовательно, признак количественного состава предложения не является в данном случае отличительным, т. е. определяющим фактором, позволяющим выделить фразеологические синтаксические конструкции в особый структурный и функционально-коммуникативный тип предложения. Поэтому рассматриваемые предложения целесообразно характеризовать по синтаксическому признаку. И здесь важно отметить, что критерием выделения простого предложения в особую группу синтаксических единиц является наличие признака членности/нечленности. Как отмечает Е. М. Галкина-Федорук, «основной чертой данного типа предложений является не только их синтаксическая нерасчлененность, но и абсолютная их нечленность на обычные структурные составы — подлежащее и сказуемое» [7, с. 438].

Другой особенностью нечленимых предложений является то, что их возникновение обусловлено принципом экономии, т. е. они способны передавать большой объем информации с использованием минимального количества языковых средств. А. Н. Савченко утверждает, что «требование краткости побуждает искать слова, которые могли бы заменить целые словосочетания, и, соотнося речь с внешней ситуацией, не обозначать словами то, что ясно из самой ситуации. Возникают эллипсисы; структурные схемы предложений, утвердившиеся в языке, подвергаются изменениям до такой степени, что одно слово может выполнять функцию предложения» [6, с. 64]. Вот несколько примеров: «It would kill me?» — «*Naturally*. You would never survive.» («Это убьет меня?» — «*Естественно!* Вам не выжить».)/R. Dahl. You Never Know/. «But isn't it dangerous for a girl of your age?» — «*Not a bit!*» («Но разве это не опасно для девушки вашего возраста?» — «*Нисколько!*»)/J. Cheever. Selected Prose/. «You mean to sat all you want to do is go inside and stand there in the middle of the room and look around?» — «*That's it!*» («Ты хочешь сказать, что единственное твое желание — это попасть внутрь, встать посреди комнаты и осмотреться?» — «*Именно!*»)/R. Dahl. My Lady Love, My Dove/.

Таким образом, многие ученые не рассматривают нечленимые синтаксические конструкции в качестве самостоятельного типа предложения (В. В. Виноградов, В. В. Бабайцева, А. А. Шахматов, Ф. И. Буслаев, Н. Ю. Шведова, А. А. Потенба, А. М. Пешковский, Г. А. Золотова, Л. С. Бархударов), а считают их единицами, выходящими за пределы синтаксической парадигмы предложения, и характеризующимися неделимостью, воспроизводимостью, наличием отвлеченной семантики и устойчивостью структуры. Так, например, профессор Н. Ю. Шведова понимает нечленимые предложения в качестве конструкций с «индивидуальными отношениями компонентов и с индивидуальной семантикой», где «словоформы связываются друг

с другом идиоматически, не по действующим синтаксическим правилам функционируют служебные и местоименные слова, частицы и междометия» [5, с. 383].

Более того, не существует единого подхода к определению терминологии этих синтаксических конструкций, а также не до конца изучены некоторые аспекты функционирования нечлененых выражений, а именно прагматический, стилистический, коммуникативный. Некоторые ученые рассматривают нечлененые предложения в качестве «слов-предложений» (В. В. Виноградов), «шаблонных фраз»

(Л. П. Якубинский), «модальных слов-предложений», «предложений-формул» (О. Есперсен), «предложенческих коммуникатов» (О. Б. Сиротинина), «коммуникативом» (В. Ю. Меликян), «эквивалентов предложений» (П. А. Лекант), «междометных предложений» (А. А. Шахматов, А. Н. Гвоздев), «коммуникативов» (Е. А. Земская).

Однако, несмотря на то, что статус нечлененых синтаксических предложений не определен до конца, а их семантика и структура квалифицируется по-разному, почти все лингвисты сходятся на мысли, что нечлененые предложения представляют собой самостоятельный тип языковых единиц особого строения. Например: 1) *Dog my cats! (Проклятие! Черт возьми!), Bloody hell! (Чтоб тебя! Ни черта себе!), That caps the globe! (Это переходит все границы!).* 2) «Is it urgent, Paul?» — «*I'll bet my boots!*» («Пол, это срочно?» — «*Еще бы!*»)/E. Ambler. Send no More Roses/. 3) «But first of all, promise — promise you won't tell a soul!» — «*Dear me!*» («Но прежде всего, обещайте, обещайте, что никому не скажете». — «*Боже упасу!*»)/R. Dahl. My Lady Love, my Dove/.

Все устойчивые синтаксические предложения строятся на основе языковых единиц, которые способны употребляться как в прямом, так и в переносном значении, а также представляют собой сочетания, которые по характеру выражаемого значения и выполняемой функции используются только в качестве нечлененых предложений. Это свидетельствует о том, что для одних единиц переносное значение и функция являются лишь одним из множества признаков, а для других — это единственная отличительная особенность. Таким образом, можно говорить о существовании в языке определенных синтаксических конструкций, которые употребляются только в качестве нечлененых предложений: «I will teach you in two minutes!» — «*Impossible!*» («Я научу тебя за две минуты!» — «*Невозможно!*»); «Perhaps he will return.» — «*Perhaps he will. Who knows?*» («Может быть он вернется». — «*Может быть. Кто его знает?*»); «Would you

like to sell your chairs?» — «*Dear me, why on earth should I sell my chairs?*» («Ты бы не хотел продать стулья?» — «*Боже мой, зачем мне продавать мои стулья?*»)/R. Dahl. You Never Know/.

Следовательно, нечлененые предложения, с одной стороны, относятся к классу простых предложений, а с другой стороны, они представляют собой единицы особой структуры, которые, по мнению лингвистов не могут быть отнесены ни к односоставным, ни к двусоставным предложениям. Они занимают своё место в синтаксической системе типов предложения и являются языковыми образованиями, которые продуктивно развиваются и соответствуют всем нормам современной разговорной речи. Устойчивая, нечлененая природа таких конструкций не противоречит принципам построения текста, речи, особенностям мышления и восприятия передающейся информации, а наоборот, подтверждает наличие у них определенного лексического значения: 1) «Would you like to bet fifty cases?» — «*Bugs!*» («Ты бы не хотел поспорить на 50 ящиков?» — «*Снял!/? С ума сошел?*»)/R. Dahl. You Never Know/. 2) «I must say it's a bit fruity, sir.» — «*Foolery! It's perfectly revolting!*» («Я должен признать, сэр, что оно имеет слегка фруктовый аромат». — «*Глупости! Оно совершенно отвратительно на вкус!*»)/R. Dahl. You Never Know/. 3) «I'm going to Asia in a fortnight.» — «*On no account!*» («Я собираюсь в Азию через две недели». — «*Ни в коем случае!*»/J. Cheever. Selected Prose/. 4) «Is this my baby?» — «*Of course!*» («Это мой ребенок?» — «*Конечно!*»)/R. Dahl. You Never Know/.

(1. «несогласие, возмущение, негативное отношение к предмету»; 2. «опровержение, возмущение, несогласие»; 3. «несогласие, неодобрение»; 4. «согласие, уверенность»).

Таким образом, нечлененые предложения представляют собой особый коммуникативный тип простых предложений, которые характеризуются наличием структурно-семантической и морфолого-синтаксической целостностью, устойчивостью и ситуативной обусловленностью. Реализуя свой коммуникативно-прагматический потенциал, они выступают в роли выразительных средств языка, основной функцией которых является выражение отношений, чувств, волеизъявлений и эмоций. Более того, являясь важным компонентом процесса общения, нечлененые предложения придают речевому акту большую экспрессивность и эмоциональность, выражая субъективное отношение говорящего к фактам и явлениям окружающей действительности. Они кратко, точно, образно и лаконично передают информацию, и дают возможность избежать излишнего повтора.

Литература:

1. Васильева, А. Н. Курс лекций по стилистике русского языка. — М., 1976.
2. Михайлов, Л. М. Немецкий язык: Грамматика устной речи. — М., 2003.
3. Пешковский, А. М. Русский синтаксис в научном освещении. — 8-е изд., доп. — М.: Языки славянской культуры, 2001.

4. Розенталь, Д. Э., Теленкова М. А. Словарь-справочник лингвистических терминов: Пособие для учителя. — 3-е изд., испр. и доп. — М.: Просвещение, 1985.
5. Русская грамматика./Под ред. Н. Ю. Шведовой. Т. 2. — М., 1980.
6. Савченко, А. Н. Лингвистика речи. // Вопросы языкознания. — М., 1986. № 3.
7. Современный русский язык. Ч. II (Морфология. Синтаксис)./Под ред. Е. М. Галкиной-Федорук. — М., 1964.

К вопросу о синтаксической синонимии в зарубежной и отечественной лингвистике

Бабиян Тамара Вартересовна, ассистент;

Борисенко Виктория Александровна, кандидат филологических наук, доцент;

Жарина Ольга Александровна, кандидат филологических наук, доцент

Южный федеральный университет (г. Ростов-на-Дону)

Синтаксическая синонимия как лингвистическое явление имеет давнюю традицию изучения как в зарубежной, так и в отечественной лингвистике. Несмотря на это многие ученые-лингвисты указывают, что данная область исследований является одной из наименее изученных в грамматике.

В зарубежной лингвистике проблема синтаксической синонимии рассматривалась в работах Г. Суита, О. Есперсена, З. С. Хэрриса, Н. Хомского, У. Л. Чейфа, Дж. Дж. Катца и других. Стоит отметить, что в теоретических основах, предложенных данными учеными, не было четкого выделения термина синтаксической синонимии как такового, но были даны предпосылки для дальнейшего углубления и изучения данного понятия.

Представители классической научной грамматики стали первыми, кому удалось выявить синтаксические синонимы, или, как их было принято называть, «параллельно функционирующие конструкции» или «эквиваленты». Таким образом, первым, кто отметил, что синтаксические конструкции несут в себе некую характеристику эквивалентности, был основатель классической научной грамматики Г. Суит [15, с. 123].

Термин грамматические синонимы (*grammatical synonyms*) впервые был употреблен О. Есперсеном, который рассматривал единицы данного типа, при этом, не раскрывая данного термина и не изучая условия его функционирования. Таким образом, можно утверждать, что термин «синтаксические синонимы» не был выявлен отдельным образованием в классической теории английской грамматики. Явление синтаксической синонимии интересовало также представителей трансформационной школы грамматики, поэтому в работах ряда ученых данного направления говорится об эквивалентности придаточных предложений и причастных оборотов [13, с. 174].

Еще на ранних этапах развития школы трансформационной грамматики, З. С. Хэррис [12] указывал на важность сохранения значения при трансформации сходных по значению предложений. По его мнению, многие предложения, являющиеся трансформами друг друга, имеют

почти одно и то же значение, различаясь только различными грамматическими отношениями к окружающим их элементам в предложении. В дальнейшем сторонники трансформационной грамматики и дискриптивной лингвистики пришли к выводу о необходимости различать «референтное значение» (*referential meaning*) и «дифференциальное значение» (*differential meaning*) [16, с. 133]. Референтное значение относится непосредственно к называемым в самом предложении явлениям, обозначающим его ситуативную основу, то есть значение, основанное на сходстве. В то время как дифференциальное значение представляет собой значение отличное, основывающееся на различиях, существующих в выбранных предложениях.

Проблематика термина синтаксической синонимии послужила предметом рассмотрения в трансформационно-порождающей теории Н. Хомского, который основывался на разграничении глубинной структуры, определяющей семантическую интерпретацию предложения и поверхностной структуры, определяющей его фонетическую интерпретацию. Н. Хомский считал синонимичными множество синтаксических структур, связанных с одной общей системой грамматических отношений. Каждый элемент этих синтаксически связанных между собой структур, непосредственно относится к абстрактному, лежащему в его основе, представлению, которое обладает одинаковой внутренней структурой и находится с ними в трансформационных отношениях [11, с. 16].

Несмотря на данные исследования, ни И. Йелинек, который утверждал, что об одинаковом значении двух выражений одного языка можно говорить только тогда, когда существуют два абсолютно синонимичных выражения; ни другие представители трансформационной грамматики не смогли выявить факторы, благодаря которым значения в синонимическом синтаксическом ряду претерпевают изменения, поэтому о полном и достоверном выведении термина синтаксической синонимии говорить в данном случае нецелесообразно. Тем более И. Йелинек признавал, что в языке не может существовать два абсолютно синонимичных выражения [3, с. 55].

У.Л. Чейф, представитель генеративной грамматики, также не достиг полного понимания взаимосвязи языка, действительности и контекста, рассматривая явление синтаксической синонимии. Он справедливо отмечал, что, несмотря на заявления его коллег, явления «полной» или абсолютной синонимии встречаются в языке достаточно редко. Судя по его исследованиям, мы можем говорить о том, что У.Л. Чейф близко подошел к пониманию синтаксических синонимов, но не уделил им должного внимания, останавливаясь на том, что различные семантические структуры могут иметь абсолютно тождественные значения, при этом, не связывая их с объектами реальной действительности. Но так или иначе, предложения являются отражением реальной действительности, что ставит под вопрос тождественность значений семантических структур [9, с. 70].

Тем, кто наиболее близко подошел к пониманию термина синтаксической синонимии был Дж.Дж. Катц, один из сторонников «интерпретативной семантики». Он разграничил явление синонимии, выделяя «синонимию» как таковую и «синонимию полную». Немаловажным стоит признать также высказывание о том, что недостаточно рассматривать только значение лексической единицы. Поскольку мы имеем дело с предложениями, то должны помнить о том, что и предложение можно разложить на компоненты с отдельными значениями [14, с. 170].

Таким образом, в английской лингвистике научная теория, положившая начало изучению синтаксических синонимов, возникла благодаря изучению эквивалентов. Одной из задач, которые преследуют зарубежные лингвисты в последнее время, стала роль контекстных и свободных от контекста синтаксических синонимов. Рассмотрев зарубежную историю возникновения понятия синтаксической синонимии, мы можем отметить недооформленность или скорее, некую осторожность в выявлении и ответвлении синтаксических синонимов от лексических синонимов.

В отечественной лингвистике А.М. Пешковский стал первым, кто вывел определение «грамматических синонимов», однако он причислял к ним всевозможные словосочетания, простые предложения и другие образования. То есть он рассматривал синтаксические синонимы в наиболее широком смысле, не сужая их значения. Именно благодаря исследованиям А.М. Пешковского, научное общество обратило внимание на грамматический строй языка, и это положило начало разработкам теорий синтаксической синонимии [6, с. 57].

Другой подход к синтаксическим синонимам предложил В.П. Сухотин, выделяя «синтаксические синонимы» и «синтаксические параллели». Под синтаксическими параллелями он понимает «такие обороты, у которых структурно-семантическое подобие не достигает большой степени». В составе этих разнородных образований В.П. Сухотин выделял синонимические соответствия, имеющие такую степень близости структурного и семантического значения, что являлась возможной вза-

имозамена сравниваемых конструкций. Свойство взаимозамены или взаимозаменяемости он считает одним из объективных показателей синонимичности конструкций. А синтаксические синонимы В.П. Сухотин понимает как «такие различающиеся по структуре свободные соединения одних и тех же слов, а также предложения, их части и более сложные синтаксические образования данного языка в данную эпоху его развития, которые выражают однородные отношения и связи явлений реальной действительности» [7, с. 14].

А.А. Цой, приводит мысль о том, что существует возможность установления синонимических отношений не только между простыми предложениями, простыми и сложными, но и между союзными сложносочиненными и соответствующими им сложноподчиненными предложениями [8, с. 101]. Также данной точки зрения придерживается Л.Ю. Максимов, выделяя «однотипные» и «разнотипные» синтаксические синонимы, причем последний тип включал в себя широкий спектр синтаксических конструкций, таких как: сочинительные, подчинительные и бессоюзные конструкции [4, с. 8–9].

Большой вклад в развитие теорий синтаксической синонимии внесла Ю.Н. Власова, которая рассматривала синтаксическую синонимию с учетом ее формальных и функциональных признаков, также приводя принципы разграничения синонимии, дублетности, антонимии и омонимии на синтаксическом уровне. Она выработала комплексный подход к изучению синтаксических синонимов, позволяющий наиболее широко охватить всю многоаспектную структуру данного явления.

Изучению проблемы синонимии сложных предложений в системе английского языка, выявлению их структурно-семантических особенностей посвящены работы Л.Д. Орданьян [5, с. 85].

Нельзя сказать, что абсолютно все лингвисты признавали существование такого явления как синтаксическая синонимия. Было и противоположное мнение, поэтому один из вопросов, напрямую касающихся синтаксической синонимии — это целесообразность данного термина как такового, чему, например, посвящена работа А.П. Чулановой, в которой она поднимает вопрос о синонимичности синтаксических конструкций. В ней она заменяет термин «синонимии» термином «альтернативы». А.П. Чуланова называет модели синтаксических конструкций со сходным содержанием — альтернативными, но ставит под сомнение способность взаимозаменяемости таких синтаксических конструкций [10].

Наиболее полным, на наш взгляд, является определение синтаксической синонимии, предложенное Е.М. Галкиной-Федорук, согласно которому синтаксические синонимы — это такие «конструкции, в которых содержится тождественное общесмысловое значение, создаваемое словами, лексически близкими по значению, выполняющими одинаковую функцию, но структурно различно организованных, одинаково способных замещать одна другую» [2, с. 8].

Таким образом, обзор научной литературы по данной проблематике позволил сделать вывод о том, что явление синтаксической синонимии наиболее полно раскрыто в отечественных теориях, чего нельзя сказать о зарубежных

исследованиях, в которых синтаксическая синонимия рассматривается не как отдельное явление, а как частный случай синонимии, при этом она не выделяется в отдельное грамматическое образование.

Литература:

1. Власова, Ю.Н. Системный характер синонимии в синтаксисе // Синтаксис предложения и сверхфразового единства в английском языке. Вып. 2. Сб. науч. тр. — Ростов-на-Дону: 1978. — с. 3–23.
2. Галкина-Федорук, Е. М. О синонимии в русском языке. — М.: 1958. — 135 с.
3. Йелинек, И. Языковой аспект трансформационных правил // Сборник переводов по вопросам информационной теории и практики. № 16. — М., 1970. — с. 54–59.
4. Максимов, Л. Ю. О грамматической синонимии в русском языке. — М.: 1966. — с. 3–10.
5. Орданьян, Л. Д. К проблеме синонимии сложноподчиненных и сложносочиненных предложений в современном английском языке // Синтаксис предложения и сверхфразового единства: сб. науч. тр. — Ростов-на-Дону: 1977. — с. 84–92.
6. Пешковский, А. М. Русский синтаксис в научном освещении. Изд. 7. — М.: 1964, 544 с.
7. Сухотин, В. П. Синтаксическая синонимика в современном русском языке. — М.: 1960. — 160 с.
8. Цой, А. А. Синтаксические синонимы и критерии их определения // Синхроническое изучение различных ярусов структуры языка. — Алма-Аты: 1963. — 101 с.
9. Чейф, У. Л. Значение и структура языка. — М.: 1975. — 70 с.
10. Чуланова, А. П. К вопросу о целесообразности и значении термина «синтаксическая синонимия» // Вестник Томского государственного университета. — № 320. — 2009. — с. 27–30.
11. Chomsky, N. Aspects of the theory of syntax. Cambridge, 1965. 250 p.
12. Harris, Z. S. Co-occurrence and transformation in linguistic structure — «Language» vol. 33 № 3 (part 1), 1975. 338 p.
13. Hathaway, B. A. A transformational syntax. NY, 1967. 174 p.
14. Katz, J. J. & Fodor J. A. The structure of a semantic theory. Language, 39 (2), Apr-Jun. p. 170–210.
15. Sweet, H. A. A new English grammar. Logical and historical. Part 2, Oxford, 1955. 123 p.
16. Voegelin, C. F. Distinctive features and meaning equivalence. — «Language», 1984, vol. 24, No. 1. 133 p.

Нецеленаправленные глаголы зрительного восприятия в болгарском языке

Васильева Анастасия Юрьевна, магистрант
Башкирский государственный университет (г. Уфа)

В настоящей статье рассматриваются значения болгарских глаголов зрительного восприятия нецеленаправленного действия в сопоставлении с соответствующими лексемами русского языка. Автор, основываясь на работах по психологии, семантике, а также словарях, выстраивает классификацию глаголов, комментируя их.

Ключевые слова: восприятие, значение, сема, коррелят, каузатив.

Восприятие лежит в основе психических процессов более высокого уровня — представления, памяти, воображения, мышления, речевой деятельности. Понимание законов восприятия может стать ключом к постижению законов мышления и языка. И, как это ни парадоксально, именно язык помогает нам справиться с этой задачей, поскольку в слове отражается взгляд народа на окружающий мир. Человек не просто совершает действия — он называет их. А вот **как** он их называет, **что** выделяет, а что считает недостаточно значительным для наи-

менования — становится понятно из лингвистического исследования, в нашем случае — сематического.

А. Г. Маклаков определяет *восприятие* как «целостное отражение предметов, ситуаций, явлений, возникающих при непосредственном воздействии физических раздражителей на рецепторные поверхности органов чувств» [5, с. 201]. Именно *целостностью* процесс восприятия отличается от ощущения. При видении, например, человек воспринимает не раздражитель, не цветное пятно, а целостный и вполне определенный образ, связывая увиденное

со своим опытом, знаниями о мире. Узнавать каждый раз тот или иной предмет нам позволяют и такие свойства восприятия, как константность (относительное постоянство образа воспринимаемого объекта) и структурность.

Восприятие, как уже было сказано, — это процесс. Значение процессуального признака присуще категории глагола, поэтому в данной работе для анализа были взяты единицы именно этой части речи.

Мы опирались на описание Л.М. Васильева, изложенное в его работе «Семантика русского глагола» [2]. Глаголы зрительного восприятия ученый классифицирует с учетом заложенных в их значении сем: целенаправленные (*смотреть*) и нецеленаправленные (*видеть*), активные и пассивные, результативные и нерезультативные глаголы, а также их отрицательные и каузативные корреляты.

В болгарском языке обнаруживаются соответствия по всем этим группам и подгруппам лексем. В насто-

ящей статье мы рассмотрим группу нецеленаправленных глаголов зрительного восприятия. Выбор обусловлен, во-первых, тем, что доминанта этого ряда — глагол *виждам* 'видеть' — обозначает общую способность/возможность восприятия с помощью органов зрения, то есть является центральной и основной лексемой для всей обширной системы глаголов зрительного восприятия. Во-вторых, многозначность этих глаголов (напр. *виждам, видя, забележа*) открывают перед нами другие, более сложные, аспекты психической деятельности человека, такие как внимание, представление, мышление. Е.В. Глинка, в частности, показала при помощи семантического анализа глаголов восприятия, мышления и говорения наличие тесных взаимосвязей между этими тремя лексическими группами глаголов [3].

Рассмотрим систему значений глагола *виждам* и его прямого русского аналога *видеть*:

Таблица 1

виждам (несв.)	видеть
1. Имам способността да възприемам със зрението си (Иметь способность воспринимать с помощью зрения)	1. Воспринимать зрением, наблюдать, замечать глазами
2. <i>Какво/кого</i> . Възприемам със зрението си (Воспринимать с помощью зрения)	2. Обладать чувством зрения, иметь зрение
3. <i>Какво/кого</i> . Среждам се; среждам, имам среща (Встречаться; встречать, иметь встречу)	3. Сознать, понимать, чувствовать
4. <i>Какво</i> . Наблюдавам, изпитвам, изживявам (Наблюдать, испытывать, переживать)	4. Считать, признавать кого-либо кем-либо, принимать за кого-либо.
5. <i>Какво</i> . Осъзнавам, смятам, преценявам (Осознавать, считать, оценивать)	5. <i>В просторечии</i> . Иметь получать.
6. Проверявам, осведомявам се (Проверять, осведомляться).	

Как показывают Современный толковый словарь болгарского языка под редакцией Стояна Букова и Словарь современного русского литературного языка АН, в системе значений данных лексем имеются заметные расхождения. *Виждам*, как мы уже сказали, обозначает общую способность зрительного восприятия. Как и русское *видеть*, он легко трансформируется в иные конструкции: *Той вижда — Той е зрящ (виждащ) — Той има зрение*. Однако, в болгарском языке это значение указывается в качестве первого, основного, тогда как в русском языке оно стоит на втором месте. Для составителей Словаря АН (пожалуй, как и для всех носителей русского языка) глагол *видеть* выражает прежде всего не **способность**, а **процесс** восприятия.

С точки зрения психологии, процесс любого способа восприятия обусловлен, разумеется, именно способностью к этому действию (то есть наличием соответствующих органов, их функционированием). Другими словами, причинно-следственный ряд здесь таков: «способность восприятия» > «процесс восприятия». Однако в языке действуют несколько иные законы. И болгарские, и русские тексты показывают, что гораздо чаще в языке встречается

второе значение (по Словарю АН). Таким образом, можно сказать, что составители Современного толкового словаря болгарского языка подошли к описанию значений с логико-психологической точки, тогда как авторы Словаря современного русского литературного языка учли особенности функционирования данного слова в тексте.

Виждам в 1 значении имеет отрицательные корреляты — *заслепявам* 1 'слепнуть' и *заслепя* 'ослепнуть', т. е. 'утрачивать/утратить способность к зрительному восприятию'. Каузативное значение присуще глаголам *заслепявам* 2 'ослеплять' и *заслепя* 'ослепить, притупить зрение светом'.

Виждам в его значении 'воспринимать с помощью органов зрения' имеет в болгарском языке следующие синонимы:

- забелязвам* — в 1 значении 'замечать, видеть';
- зървам* — 'видеть, замечать, подмечать';
- мярвам* — 'замечать, видеть';
- мяркам* — в 1 значении 'видеть (случайно кого-то, ненадолго)';
- съглеждам* — 'видеть издали или случайно, примечать'.

Свершившееся действие выражает глагол совершенного вида *видя* 'увидеть', а также в его синонимы *забе- лежа* 'заметить, увидеть', *зърна* 'увидеть, заметить, подметить', *съгледам* 'приметить'.

Значением 'быть видимым (= быть доступным зрительному восприятию)' объединяются глаголы *виждам се*, *видя се* 'виднеться', *заличавам I* 'показываться, проявляться', *изпречвам* 'являться, появляться, возникать', *мярвам се* 'появляться, являться', *мяркам се* 'показываться, являться (и вновь исчезнуть)', *изпъквам* в переносном значении 'выделяться, отличаться, бросаться в глаза', *бия на очи*, *лича* 'бросаться в глаза', *изразявам се* 'проявляться, выражаться, выливаться (во что-то)', *изглеждам* 'выглядеть, иметь вид (= быть доступным для восприятия в каком-то качестве)', *грейвам* 'засвечиваться'.

Совершенное действие обозначают глаголы *задам се* 'появиться, показаться', *залича I* 'показаться, появиться, стать видимым (= заметным)', *изпреча се* 'явиться появиться, возникнуть', *изпъкна* 'перен. выделиться, отличаться, броситься в глаза', *изразя се* 'проявиться, выразиться, вылиться (во что-то)', *грейна* 'засветиться'.

Отрицательное значение 'становиться/стать недоступным для восприятия' демонстрируют лексемы *липсвам* 'исчезать, пропадать' и *липсам* 'исчезнуть, пропасть', просторечное *затривам се* 'исчезать пропадать' и *затрия се* 'исчезнуть, пропасть', *губя се* 'теряться, исчезать', *заличавам се* 'исчезать' и *залича се* 'исчезнуть', *дегизирам се* 'маскироваться/замаскироваться', *затаивам се* 'затаиваться, таиться, скрываться' и *затая се* 'затаиться, скрыться'.

В болгарском языке находим небольшое число каузативных коррелятов с положительным значением к глаголу *виждам*. Это лексемы со значением 'делать доступным для зрительного восприятия', такие как: *показвам/покажа* 'показывать/'показать', *излагам/изложжа* 'выставлять/'выставить (напоказ)'. Но зато имеется большое разнообразие каузативов с отрицательным значением 'делать/сделать недоступным для зрительного восприятия': *затварям/затворя* 'закрывать/'закрывать', *изпокривам/изпокрива* 'прятать, укрывать, убирать/'спрятать, укрыть, убрать', *затаявам/затая*

затаивать, таить, скрывать/'затаить, скрыть', затъмнявам/затъмня 'затемнять, затемнять/'затемнить, затемнить', *заличавам II/залича II* 'зачеркивать; уничтожать следы/'зачеркнуть, стереть; уничтожить следы', *дегизирам* 'маскировать/'замаскировать'.

Это неполный список лексем зрительного восприятия, но и эти примеры отлично демонстрируют способы выражения тех или иных семантических особенностей в болгарском языке. Как мы видим, значение 'быть/стать доступным для восприятия органами зрения' в болгарском языке реализуется в речи при помощи возвратной частицы *се* (сравните *ся/сь* в русском). Но возможен (и вполне продуктивен), так сказать, «невозвратный способ» выражения данного значения: *залича*, *изпъкна*. В русском языке такой беспостфиксальный способ встречается редко.

Л. М. Васильев берет также в качестве глаголов зрительного восприятия со значением 'становиться видимым' лексемы типа *белеть/белеться*, *зеленеть*, *сереть* (напр. *Вдали зеленеют березки*). Автор описывает значение подобных глаголов как 'быть видимым благодаря какому-л. выделяющемуся цвету'. На данный момент, в рамках настоящей статьи, мы не выделяем такие глаголы. На наш взгляд, ключевой здесь является сема цвета, что сближает эти слова с классом лексем, обозначающих физические свойства предметов.

Исходя из примеров, можно заметить, что лексем с положительными значениями 'становиться доступным для зрительного восприятия' и 'делать доступным для зрительного восприятия' меньше, чем глаголов антонимичного характера. На наш взгляд, такое явление в языке напрямую связано с особенностями человеческого мышления. Нехватку или внезапное исчезновение чего-либо наше сознание воспринимает гораздо острее, чем наличие, подобно тому факту, что негативное, дурное, опасное воздействует на психическое и физическое благополучие человека/субъекта сильнее, чем положительное. Все это отражается в языковой системе. То есть язык имеет свойство выделять «минус-явление» и обозначать его теми или иными способами. Отсюда и разнообразие синонимов: *липсвам*, *затривам се*, *губя се*, *заличавам се* — все выражают значение 'исчезать, пропадать, теряться'.

Литература:

1. Бабов, К., Въргулев А. Тематичен руско-български речник. — София, 1961.
2. Васильев, Л. М. Семантика русского глагола. — М.: Высш. шк., 1981.
3. Глинка, Е. В. Система глаголов восприятия, мышления и говорения: На материале исторических словарей русского языка/Автореф. канд. диссер. — Брянск, 2003.
4. Кошелев, А. Българско-руски речник. I изд. — София: Наука и изкуство, 2008.
5. Маклаков, А. Г. Общая психология. — СПб.: Питер, 2001.
6. Словарь современного русского литературного языка АН СССР. Т. 2: (В). — М.-Л., 1951.
7. Съвременен тълковен речник на българския език/Отговор. ред. С. Буров. — В. Търново, 2000.

Реализация фатической функции в деловых переговорах

Горбачева Елена Юрьевна, старший преподаватель;

Маркин Станислав Дмитриевич, студент

Донской государственный технический университет

Для рассмотрения проявлений фатики в деловом дискурсе необходимо определиться, что же такое «деловое общение». Существуют различные определения данного термина:

деловое общение — процесс взаимосвязи и взаимодействия, в котором происходит обмен деятельностью, информацией и опытом, предполагающим достижение определенного результата, в его процессе ставятся конкретные задачи, которые требуют своего решения, или реализуются определенные цели, У делового общения должен быть конкретный результат — продукт совместной деятельности, информация, карьера, власть, а также сопутствующие им интеллектуальный анализ и эмоциональные переживания [10, с. 4];

деловое общение — особый вид общения, который обладает своими специфическими формами и психологическими особенностями. При межличностном общении ценность общения выше конкретных целей, поводов и обстоятельств. В обычном дружеском общении чаще всего не ставятся конкретные задачи, не преследуются определенные цели. Такое общение можно прекратить (по желанию участников) в любой момент, в случае делового общения, желание общаться — вторично по отношению к необходимости. Принудительность — главный признак, отличающий деловое общение от межличностного. В целом деловое общение отличается от обыденного (неформального) тем, что в деловом общении мы не можем прекратить взаимодействие с партнером (по крайней мере, без потерь для обеих сторон) [10, с. 4];

деловое общение — вид общения, целью которого является обмен информацией в профессиональной, коммерческой и некоммерческой сферах деятельности. В ходе делового общения каждый из участников стремится решить, прежде всего, актуальные для своей профессии задачи [1].

Среди форм реализации делового общения можно назвать деловую беседу, переговоры, заседание, совещание, собрание, конференцию и телеконференцию, презентацию, деловую переписку и т. д.

Так же стоит выделить основные признаки делового общения, отличающие его от межличностного общения:

- строгая целенаправленность, что обуславливает узкий круг тем общения;
- регламентированность нормативными документами (положениями, приказами, уставами);
- функционально-ролевой характер, обусловленный необходимостью соблюдения этикета церемоний, процедур, что выражено в соответствующих правилах, официальной одежде, профессиональной лексике, кастовости, замкнутости;

- позиционная оформленность, иерархичность, субординация, что отражается в эффекте: «над» и «под», то есть в отношениях между начальником и подчиненным;

- определенная форма общения, стиль общения;

- атрибутивность (деловые переговоры проходят в специальных помещениях, предполагающих соответствующую среду, мебель, оргтехнику, освещение), что создает оптимальную с точки зрения психологии обстановку.

Деловое общение (или деловые переговоры) осуществляется в несколько этапов, каждый из которых выполняет определенные функции.

Важным этапом является открытие переговоров. В этот период внимание сторон к словам оппонентов наиболее высоко. Суждения, сформировавшиеся в этот период, обычно сохраняются надолго. Но сам период относительно короток. Со временем внимание слушающих ослабевает, люди по-разному воспринимают сказанное и даже пропускают мимо ушей важные высказывания. В связи с чем следует отметить, что умение внимательно слушать в течение длительного времени — неотъемлемый элемент искусства переговоров, овладеть которым гораздо сложнее, чем кажется.

Важность открытия переговоров состоит так же в том, что определяется начальная тема дискурса. Выбор темы и форма, стиль ее обсуждения создают прецедент для обсуждения последующих тем. Обычно в ходе начальных одного-двух заседаний формируется характер переговоров, который в дальнейшем довольно не просто изменить.

За открытием переговоров следует фаза достижения соглашения, в ходе которой стороны познают друг друга. Они достигают понимания взаимных требований; вырабатывается комплексное понимание предполагаемого соглашения; конкретизируется позиция каждой из сторон; более отчетливым становится объем будущего соглашения; складывается более точное представление о подлежащих рассмотрению вопросах.

Обратившись к практике переговоров, можно обнаружить, как часто стороны упускают момент, когда становится ясной перспектива переговоров, и продолжают бесплодную дискуссию (то есть упускают момент наступления третьего этапа — этапа определения перспективы переговоров). Стороны вступают в переговоры, имея в виду обеспечение своих потребностей и по возможности желаний. В процессе рассмотрения ключевых вопросов происходит согласование и, следовательно, определенная модификация первоначальных позиций. В результате наступает момент, когда стороны будут в состоянии определить подлинное положение вещей и решить, насколько реально достижение их целей. Когда определено, что переговоры

не имеют перспективы с точки зрения сторон, то следует их прекратить или изменить первоначальную позицию.

Способность определять наступление того момента, когда основные позиции сторон и перспективы соглашения выяснены, может существенно сократить продолжительность переговоров, а также упростить их завершение и оформление соглашения. Существенный аспект мастерства переговорщика заключается в умении своевременно определить момент, когда перспектива достижения соглашения стала реальной, для того чтобы направить все усилия на его заключение. Но на практике это не всегда просто, так как наступление такого момента далеко не всегда очевидно. Поэтому переговорщику стоит быть бдительным.

Общепризнано, что одним из первых, кто обратил внимание на фатику, был Роман Якобсон. Данный феномен заинтересовал его при анализе функций языка, среди которых он, в частности, выделил и фатическую, или контактоустанавливающую. Это была идея, опередившая свое время: ее научные последствия не окончательно ясны даже сегодня, хотя интенсивные исследования природы фатики время от времени велись лучшими научными силами многих стран. Кстати, начало философскому объяснению фатики было фактически положено Л. Витгенштейном, следующее крылатое выражение которого известно многим: *«Замешательства, охватывающие нас, возникают... когда язык находится на холостом ходу, а не когда он работает»* [4, с. 122].

С тех времен многие ученые, например, Г. Г. Почепцов, Т. Г. Винокур, А. В. Лебедев внесли свой вклад в научную разработку категории фатики, но приоритет все же принадлежит Джону Остину, который в 1955 году прочитал в Гарвардском университете цикл лекций под названием *«How to do things with words»* («Как посредством слов делать вещи»). Эти лекции были составлены в книгу учеником Остина Дж. Серлем, которая вышла под названием *«Слово как действие»* и в дальнейшем была переведена на русский язык.

В модели коммуникации Р. О. Якобсона, имеющей целеполагающий характер, в качестве одной из функций общения называется фатическая функция.

Р. О. Якобсон рассматривает *«фатическое общение»* как *«сообщения, которые предназначаются для того, чтобы установить, а затем либо продлить, либо прервать общение, т.е. проверить, работает ли канал связи, а также для того, чтобы привлечь внимание собеседника и удержать его в случае необходимости»* [14, с. 201]. Фатические реплики, сигналы с функциональной точки зрения, обеспечивают успешность «основной» — не фатической коммуникации.

Так, фатическая функция связана с адресантом (отправителем) сообщения и, выражает его желание установить, поддержать или завершить процесс общения. К самым типичным фатическим средствам можно отнести различные формы приветствия и прощания (в том числе невербальные, например, рукопожатие). Так же в последние

годы всё чаще можно встретить точку зрения, согласно которой правомерно говорить не только об отдельных фатических маркерах, но и о целых коммуникативных событиях и даже жанрах общения, отличающихся фатическим характером. Эта позиция, в основном, основана на том, что зачастую преобладающей интенцией участников общения служит поддержание коммуникации принципиально неинформативного характера.

Таким образом, современные трактовки фатической коммуникации уже довольно далеки от представления о том, что фатика — это некоторая остановка настоящей коммуникации, своего рода антикоммуникация, означающая признание в том, что говорить больше не о чем и незачем. Напротив, сегодня есть все предпосылки утверждать, что фатическая коммуникация ориентирована на реализацию вполне однозначной цели, а именно на такое построение коммуникационного процесса, с помощью которого адресат сможет «опознать» в дискурсе адресанта собственные (или, по крайней мере, максимально близкие к ним) идеи, ценности, ожидания и т.д.; на создание единого, взаимно разделяемого коммуникантами дискурсивного пространства;

Также, имеет место и несколько иное видение фатической речи и ее функций. Так, С. В. Андреева утверждает, что не стоит рассматривать фатическое общение в качестве обособленного, особого жанра речи, а также не следует отделять фатическое общение от информативного, так как фатические элементы «пронизывают» и информативное общение.

Фатическая функция является основополагающей в приветствиях, поздравлениях, в дежурных разговорах о погоде, городском транспорте и других общеизвестных вещах. При этом собеседники как бы чувствуют своего рода нормы допустимой глубины или остроты таких разговоров: например, упоминание о вчерашней телевизионной передаче не перерастает в разговор о содержании или художественном решении программы. Иначе говоря, общение происходит ради самого общения, оно сознательно или обычно неосознанно направлено на установление или поддержание контакта.

Содержание и форма контактоустанавливающего общения могут изменяться в зависимости от пола, возраста, социального положения, взаимоотношений говорящих, но в целом такие речи стандартны и минимально информативны.

При этом информативная недостаточность таких разговоров отнюдь не означает, что эти разговоры не нужны или не важны людям и обществу в целом. Сама непринужденность, поверхностность и легкость фатических разговоров помогает устанавливать контакты между людьми, преодолевать разобщенность и некоммуникабельность. Характерно, что детская речь в общении и с родителями, и с ровесниками выполняет вначале именно фатическую функцию. Трехлетние дети еще не знают, что бы такое им сказать или услышать друг от друга, да и понять они друг друга еще не в состоянии, но, тем не менее, энергично

лопочут каждый о своем, потому что стремятся к контакту.

В последнее время, анализируя вопросы речевых функций, некоторые лингвисты выделяют два основные категории речевого поведения говорящих и слушающих: фатическое речевое поведение (общение) и информативное речевое поведение (сообщение). С точки зрения коммуникативных ролей участников речевого акта, каждая из этих категорий организуется по-разному. Так, уже довольно давно существует предложенная Т.Г. Винокур конфронтация двух противоположных речевых замыслов — «фатики» и «информатики». «Фатика» рассматривается ею как вступление в общение, предполагающее само общение. Ведущей фатической интенцией является удовлетворение потребности в общении — кооперативном или конфликтном, с различными формами, тональностью, отношениями (степенью близости) между коммуникантами. «Информатика» понимается как вступление в общение, с целью сообщения чего-либо [3].

Отсюда, по мнению Т.Г. Винокур, следует, что, «прагматическая», или эмоционально-регулятивная, функция сливается с «контактной» в глобальном понятии «фатики», то есть более общим понятием является контактная, а не прагматическая функция языка. Антитеза фатики и информатики признается крайне существенной большинством языковедов мира. Противопоставление жанров информативной речи и жанров фатической речи является одним из центральных (или центральным) принципов большинства существующих типологий речевых жанров. Всё более очевидным становится тот факт, что современная языковая практика, в частности устная публичная речь (в том числе и деловое общение), во многом отстает от привычных стилистических и этических норм. Меняются, так называемые, «языковые вкусы», создаётся практически новая норма, изменяется вариативность речевого поведения.

Необходимость рассмотрения и изучения фатических жанров устно-разговорного общения не оставляет никаких сомнений по той причине, что в современной лингвистике возрос интерес к исследованию закономерностей употребления языковых единиц, которые произносятся в конкретной ситуации общения, с определенной целью.

Как отмечалось ранее, фатическое общение направлено на контактоустановление и поддержание с собеседником речевых и социальных отношений, на их регулирование.

Одним из самых распространенных способов фатической коммуникации является smalltalk. Первым наиболее обстоятельным исследованием smalltalk как речевого жанра стала монография (ранее диссертация) К. Шнайдера. Исследователь определяет две типичные коммуникативные ситуации для smalltalk и ставит их в соответствие двум основным функциям этого жанра:

1) заполнение коммуникативной лакуны при встрече незнакомых или малознакомых людей, вынужденных находиться вместе некоторое время в одном пространстве;

2) намеренное завязывание социальных контактов с расчетом на будущие социальные взаимодействия.

Использование smalltalk высоко конвенционально и часто необходимо в некоторых ситуациях, в основном, официального или полуофициального общения. В современном языке жанр smalltalk закреплен за сферами деловой коммуникации и занимает важное место в официальном и полуофициальном стилях.

В начале деловых или служебных контактов (деловых встреч, переговоров, знакомств, представлений, конференций) жанр small-talk выполняет контактоустанавливающую функцию, а также функцию заполнения пауз, формирования имиджа коммуникантов и привлечения внимания.

В англоязычной лингвокультуре smalltalk имеет статус фрейма: стереотипный обмен фатическими репликами, целью которого является переход к собственно деловым переговорам. Разделение фатики и информативного (делового) общения маркируется фразами типа: Shall we get down to business? How can I help you?

Стоит отметить, что вопрос о самочувствии собеседника How are you? (Как дела? Как себя чувствуете?) по сути, является не столько вопросом, сколько приветствием. Ответ на этот вопрос должен быть кратким и позитивным, а не длинным и негативным. Наиболее типичными являются следующие ответные реплики: (I'm) fine/(I'm) well/(I'm) really very well/(I'm) great. Т.В. Ларина объясняет это тем, что в английской коммуникации ценятся внимание к собеседнику и жизненный оптимизм. Отсюда и выбор соответствующих стратегий: демонстрация заинтересованности в собеседнике (How're you?) и проявление оптимизма (I'm fine). Но при этом ценится личная автономия. Не принято делиться с собеседником своими проблемами и неприятностями и обременять ими других.

На конечной стадии общения smalltalk служит для демонстрация взаимного расположения друг к другу, внимательного, доброжелательного отношения, заинтересованности в продолжении контактов. Деловая беседа может быть завершена одной из следующих фраз: Goodbye and thanks for everything! Give my regards to... (До свидания и спасибо за всё. Передавайте привет.) Have a good journey! (Приятного путешествия!) Have a pleasant evening! (Хорошего вечера!)

Нет никаких жестких ограничений на выбор темы для smalltalk. Но при этом этикет данного жанра требует избегать тем, связанных с религией и политикой. Среди возможных тем для smalltalk можно выделить отдых, путешествия, проблемы общественного транспорта или общие интересы (если партнеры достаточно знают друг друга). При общении с незнакомым человеком цель smalltalk заключается в определении общих интересов, а также в обмене опытом. Антрополог Кейт Фокс, англичанка по происхождению отмечает, что выбор темы «погода» в качестве универсальной для smalltalk обусловлен, во-первых, тем, что это вероятно наиболее нейтральный предмет для начала социальных контактов, следственно это надежный

способ избежать социального дискомфорта, а во-вторых, тем, что погода является неотъемлемой частью повседневной жизни англичан. К. Фокс полагает, что реплики о погоде выполняют функцию приветствия, вытесняя традиционные 'How do you do?' и 'How are you?'; они приемлемы как в неформальных, так и в деловых и социальных контактах. Непрямой характер высказываний о погоде очевиден: фраза 'Nice day, isn't it?' означает 'I'd like to talk to you — would you talk to me?' [13, с. 3] При этом такие реплики уместны в трех случаях:

- когда вы приветствуете собеседника;
- когда необходимо приступить к разговору на определенную тему;
- когда беседа стопорится и наступает неловкое молчание.

Подводя итоги сказанному, следует отметить, что умение вести smalltalk, который является разновидностью фатической коммуникации, необходимо для успешной реализации делового общения. Особенно важно помнить об этом при деловых контактах с британцами, для которых фатическое общение является одной из доминантных черт коммуникативного поведения.

Коммуникативная роль говорящих и слушающих, манера их речевого поведения в рамках делового общения (переговоров) зависят от того, что выходит на первый план в сообщении — информация или контакт, в каких сферах общения одно подчиняется другому или одно берет верх над другим. Функционально можно классифицировать речевое поведение говорящих и слушающих следующим образом: фатическое речевое поведение (общение) и информативное речевое поведение (сообщение). С точки зрения коммуникативных ролей участников речевого акта, каждый из этих видов имеет различную организацию.

Основная задача фатического речевого поведения (иногда его называют ассоциативным способом общения) — говорить, чтобы высказаться и встретить понимание. В основном это обмен репликами, содержание которых ассоциативно связано друг с другом. Поддержание разговора может являться самоцелью.

При этом правила, используемые собеседниками, определяются ими скорее интуитивно. Сюда можно отнести обмен мнениями и чувствами, не логичный, но достаточно искренний. Коммуниканты имеют равные права, и они не стремятся прийти к единой точке зрения или решить какую-то проблему. Поэтому собеседники не особо соразмеряют и контролируют сказанное, не очень стараются подбирать «уместные» слова и фразы, почти не перебивают друг друга. Адресант чаще предпочитает сконструировать новое слово, чем отыскивать нужное обозначение в памяти. Словотворчество и речевой автоматизм делают процесс построения речи проще вследствие чего эти приемы активно используются при социальном взаимодействии. Стоит отметить, что фатическая речь максимально приближает слушающего к личности говорящего и при этом несет на себе отпечаток сиюминутности, ситуативной связанности.

Фатическая речь частично варьируется в зависимости от оппозиции близкие — неблизкие отношения. Можно представить следующую шкалу:

- между незнакомыми людьми фатическая речь помогает завязать знакомство, а также скоротать время в условиях вынужденного совместного пребывания (в транспорте, в очереди);
- фатическая речь между малознакомыми людьми позволяет укрепить знакомство;
- при случайном знакомстве фатическая речь позволяет соблюсти правила вежливого тона, когда молчать неловко;
- между хорошо знакомыми людьми фатическая речь позволяет сохранить сложившийся тип отношений, в то время как отказ от фатической речи является знаком желанья их изменить.

Информативное речевое поведение в социальном взаимодействии, является более уместным при деловом общении и может проявляться несколькими различными способами. Обратим внимание на следующие три:

1) совместное решение задачи: иными словами — направленность речевых высказываний на достижение общей точки зрения. Такой способ коммуникации предполагает наличие общей цели, что заметно ограничивает тематику. Также ограничивается набор адекватных для данного способа правил ведения разговора: каждое высказывание тщательно взвешивается, каждое слово достаточно строго подбирается и оценивается, нарушение правил, непонимание со стороны собеседника или отказ от решения, может привести к смене способа общения. Приемлемыми являются повторения и уточнения. Решения принимаются совместно при обоюдном согласии собеседников. После выработки решения взаимодействие прекращается или меняется способ общения;

2) задавание вопросов, при котором один из собеседников — задающий вопросы — заинтересован в получении некоторой информации. Его право задавать вопросы может быть определено социальной ролью (руководитель, подчиненный) либо соглашением о цели что-то узнать (тогда он получает разрешение задавать вопросы). Право спрашиваемого — уклониться от ответа, задать встречный вопрос, обсудить заданный вопрос. Обычно спрашивающий получает не полные ответы. Исчерпывающие, подробные ответы считаются нарушением правил, равно, как и неадекватные ответы, неприемлемые способы уклонения от ответа, повторяющиеся ответы по ассоциации. Тема общения не всегда однозначно определена. Допустимыми являются повторения и уточнения, т. е. избыточность. Слова и реплики зачастую более тщательно взвешиваются, чем при ассоциативном способе общения;

3) уточнение понимания. Этот способ общения следует за другими способами. Он несколько напоминает решение задач (наличием цели, ограничением ассоциативных реплик), при этом как бы решается задача о причинах недопонимания. Сходство с задаванием вопросов состоит в попытке выяснить путем переспросов, в чем за-

ключается неправильное понимание, какие правила нарушены. Оба партнера имеют право в любой момент выйти из данного способа общения, заявив, что уже понятно, уже правильно и можно перейти к другому способу общения.

Неотъемлемой частью делового дискурса являются следующие формы коммуникативной тактики, используемые в информативном виде речевого поведения:

- включение партнера в свою логику путем приглашения подумать вместе;
- позитивное и уважительное рассмотрение его мыслей;
- отстраненность содержания речи от слушателя, движение по внутренней логике предмета (позиция независимости).

Согласно Е.В. Ключеву: «Информации фатические акты не передают» но «назвать их при этом не информирующими актами нельзя: фатика информирует собеседника ничуть не хуже, чем не фатика» [5, с. 187]. Следственно, ограничиваться лишь «информатикой» не стоит. Еще одно высказывание лингвиста в пользу фатик: «Текст, состоящий исключительно из информативно насыщенных, а тем более, информативно сильно насыщенных блоков, постепенно перестает быть интересным адресату» [5, с. 189].

Плодотворное взаимодействие собеседников при деловом дискурсе возможно при согласованном принятии обоими собеседниками одного и того же способа общения. Если это не удастся сразу, то выбирается приемлемый способ общения или разговор прерывается по инициативе любого из партнеров.

Таким образом, фатическое речевое поведение становится непременным атрибутом делового общения, хотя

основа последнего, все же состоит в информативной составляющей. Целью фатического речевого поведения является установление и постоянное поддержание контакта с аудиторией, а также создание комфортной обстановки для восприятия текста адресанта, обеспечиваемое умением говорить с аудиторией на её языке.

Необходимым, однако, не достаточным условием эффективной речевой коммуникации является умение слушать. Это умение крайне важно не только для реципиента, но и для коммуникатора.

«Умение слушать — редкая способность и высоко ценится. Гораздо чаще стремятся перебить...» — пишет Д.А. Гранин в романе «Картина». Большинство людей, по мнению ученых, плохо умеют слушать слова других, Это особенно актуально, если последние не задевают реальных интересов слушающих. Между тем умение слушать — это необходимое условие адекватного понимания позиции оппонента, верной оценки существующих с ним разногласий, залог успешного ведения переговоров, беседы.

Слушание является процессом восприятия, осмысления и понимания речи говорящего. Это возможность сосредоточиться на речи партнера, способность выделить из его сообщения идеи, мысли, эмоции. Это психологическая готовность к контакту с другим человеком.

Успех речевого акта, в конечном счете, зависит не только от применяемых речевых жанров (в данном случае — фатических), но и от соблюдения баланса между необходимой степенью информативности и допустимой степенью фатического поведения, при этом последнее должно быть уместным.

Литература:

1. Азимов, Э. Г. Новый словарь методических терминов и понятий/Азимов Э. Г., Щукин А. Н. — М.: ИКАР. 2009. — 448 с.
2. Андреева, С. В. Элементарные конструктивно-синтаксические единицы устной речи их коммуникативный потенциал: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2005. — 347 с.
3. Винокур, Т. Г. Говорящий и слушающий. Варианты речевого поведения. — М., 1993. — 172 с.
4. Витгенштейн, Л. Философские исследования [Текст]/Л. Витгенштейн // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI. — М., 1985. — с. 79–128.
5. Ключев, Е. В. Речевая коммуникация/Е. В. Ключев — М.,: Рипол Классик. 2002. — 320 с.
6. Ларина, Т. В. Категория вежливости и стиль коммуникации. Сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций [Текст]/Т. В. Ларина. — М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009. — 516 с.
7. Лукашук, И. И. Искусство деловых переговоров: учебно-практическое пособие/И. И. Лукашук. — М.: БЕК, 2002. — 202 с.
8. Максимов, В. И. Русский язык и культура речи/В. И. Максимов. — М., 2001. — 413 с.
9. Остин, Дж. Л. Слово как действие [Текст]/Дж. Л. Остин // Новое в зарубежной лингвистике. Теория речевых актов. — М., 1986. — Вып. XVII.
10. Рамендик, Д. М. Деловое общение/Д. М. Рамендик. — М.: Академия, 2003. — 219 с.
11. Сухов, А. Н. Реальная социальная психология: учебное пособие для студентов высших учебных заведений/А. Н. Сухов. М., 2004. — 350 с.
12. Фенина, В. В. Речевые жанры smalltalk и светская беседа в англо-американской и русской культурах: автореф. дис. ... канд. филологических наук. Саратов, 2005. — 241 с.
13. Фокс, К. Наблюдая за англичанами. Скрытые правила поведения [Текст]/К. Фокс. М.,: Рипол Классик. 2008. — 512 с.

14. Якобсон, Р.О. Лингвистика и поэтика/Р.О. Якобсон. М., 1975. — 469 с.
15. Якобсон, Р.О. Речевая коммуникация. Язык в отношении к другим системам коммуникации/Р.О. Якобсон // Избранные работы. — М.: Прогресс, 1985. — с. 306–330.

Лингвопоэтические свойства парантез

Жамолиддинова Дильноза Мирхожиддиновна, кандидат филологических наук, доцент;
Рахматуллаева Дилафруз Шухратовна, преподаватель узбекского языка
Кокандский государственный педагогический институт (Узбекистан)

Properties of the parenthetical constructions

При рассмотрении вопроса о возможности использования парантетических конструкций в художественных текстах необходимо остановиться на существовании разницы вставок и видов ввода в речь.

На наш взгляд, существование такой разницы связано с различием семантико-функционального значения, то есть, несмотря на единое мнение по этому вопросу, вставные конструкции выражают мнение говорящего, а вводные конструкции передают дополнительную информацию.

Как отмечает Патроева Н.В.: «Вводные сочетания слов в процессе многократного использования в различных функциональных сферах литературного языка постепенно превращались в воспроизводимые в готовом виде клише, устойчивые по составу синтагмы» [1]

Точно также и вводные конструкции и закрепившиеся за ними значения вошли в *узбекскую* речь как клише. По нашим данным, такие вводные слова как

эхтимол, чамаси, шекилли, дарҳақиқат, албатта, демак, хуллас, қисқаси, менимча, эсиз, бахтимизга, айтгандай, ўйлайманки, аниқки, биринчидан, қолаверса, шундай қилиб, бунинг устига, менинг назаримда, унинг айтишича, ростини айтсам, менга қолса, гап шундаки, мен сизга айтсам

имеют субъективно-оценочные функции, оценивающие достоверность ситуации путем ссылки на «чужую» точку зрения.

Говорящий не задумывается над образованием новых вводных конструкций, а они существуют уже как устойчивые конструкции.

Напротив, на наш взгляд, вставные конструкции не имеют таких свойств.

По меньшей мере, говорящий не выражает мысли на основе готовых клише, так как не бывает готовых вставок. (Их можно разделить в зависимости от функционально-семантических свойств в качестве экспрессивно-оценочных вставок на три основные группы)

Использование вводных конструкций зависит от цели автора и от специфики высказывания. Научные исследо-

вания в области русской художественной литературы показывают, что вводные конструкции (парантезы) превратились в важнейшее средство выражения различной степени достоверности сообщения (уверенность, неуверенность, возможность, предположение и т.п.)

Мы считаем, что при оценке видения автора использование им вводных конструкций имеет большее значение чем значение вставок (включений).

Конечно, важное художественно-эстетическое значение может иметь иногда использование вставок в художественном тексте. Так, если вставка повторно используется в речи говорящего, то она приобретает своеобразный поэтический оттенок или служит, чтобы подчеркнуть то или иное состояние героя и на основе этого можно судить о мастерстве писателя.

В языкознании существует мнение о том, что вставки выражают субъективное мнение, а вводные конструкции не имеют такого свойства, они выражают только объективное состояние. Но, по нашему мнению, внесения тоже могут по своему выражать субъективное значение, то есть дать даже более экспрессивную оценку.

Парантетические конструкции осложняют семаническую и художественную структуру текста.

Они характеризуются тем, что вносят в текст большое содержание.

Это объясняется тем, события описываемые в художественном тексте, проходят через призму автора, описывая события непосредственно выражает своё отношение. Но он выражает свои мысли, используя намеренно художественные средства воздействия. Таким образом, возрастает потребность в использовании парантетических конструкций. Являясь самостоятельным интонационно, графически и синтаксически, точнее говоря, выделяясь в тексте от главного предложения, парантетические конструкции обогащают текст или предложение необходимой информацией, вносят в неопределённые места ясность, объясняют, напоминают и выражают переживания. При этом художественный текст благодаря парантезам приобретает лирические оттенки.

Необходимо подчеркнуть, что использование парантез в художественных текстах непосредственно усиливает их лирическое влияние, так как такие вводные структуры привлекают особое внимание читателя.

Это можно явно увидеть в анализируемых художественных текстах: *У ёгини сўрасангиз (одам айтишгаям уялади),...мендек «замонавий» ташкилотчи йигит ёшим йттиздан ошиб бирорта қизнинг қўлидан уш-ламабман* (О. Хошимов. Роман «Между двумя дверями»)

Литература:

1. Патроева, Н. В. Вводные конструкции в лирическом тексте. 2013
2. Шишкина, И. С. Парантетические конструкции в художественном и публицистическом тексте: структура, семантика, прагматика. 2012

Звуковая палитра текста как способ интерпретации его внутренней символики

Кеваева Мария Николаевна, магистрант

Научный руководитель: Водоватова Татьяна Евгеньевна, доктор филологических наук, профессор

Международный институт рынка (г. Самара)

Настоящая работа посвящена исследованию фоносемантических особенностей художественного поэтического текста на примере творчества английской поэтессы Эдит Луизы Ситуэлл (Edith Louisa Sitwell). Луиза Ситуэлл — яркая представительница английского имажизма, направления, ставившего своей главной целью создание у читателя яркого образа. Основными характеристиками направления является использование неожиданных сравнений, отказ от канонической рифмы, использование верлибра (свободного стиха), особое внимание мелодичности стиха и созданию звуковых образов. Последняя особенность названного поэтического направления легла в основу данного исследования.

Проблема звуко-символизма, то есть фонетически мотивированной связи между фонетической оболочкой и денотатом слова, неоднократно изучалась в рамках психолингвистики. Исследователей привлекали проблемы фонетической мотивированности языкового знака (Журавлев А. П., Воронин С. В.), воздействия фонетики (звуковой инструментальности) текста на слушателя (Залевская А. А., Леонтьев А. А.), выявлялась роль звуко-символических средств в актуализации языковой картины мира (Якобсон Р. О., Наумова Н. А.).

Основой для нашего исследования выступила таблица цветового восприятия звукобукв, представленная в книге А. П. Журавлева «Звук и смысл». Согласно этой таблице, каждому звуку русской речи соответствует свое цветовое и символическое значение. Так, звукобуква «а», согласно автору, ассоциируется с густо-красным цветом и символизирует начало, власть и инициативность, звукобуква и, напротив, окрашена в синий цвет и ассоциируется с поня-

Творческие писатели часто используют повторяющиеся парантезы.

При этом одна и та же мысль повторяется дважды, мысль высказанная в основном предложении повторяется в парантетической конструкции.

Из вышесказанного необходимо подчеркнуть, что вводные типы парантетических конструкций являются лингвопоэтическим средством художественного текста.

тием чего-то маленького и нежного [Журавлев, 1991, с. 148]. Подобная таблица, но уже для английского языка, представлена в работе Л. П. Прокофьевой «Изучение звуко-цветовой ассоциативности в европейских языках: история и современность» [Прокофьева, 2008, с. 259]. Следует отметить, что все эти данные были получены экспериментально, путем опроса информантов. Этот метод психолингвистического исследования, между тем, не является абсолютно достоверным. Во-первых, невозможно опросить абсолютно всех носителей данного языка, что снижает убедительность результатов. Во-вторых, один и тот же человек в зависимости от настроения может дать совершенно разные ответы на одни и те же вопросы, в результате чего страдает объективность полученных данных.

Для обеспечения большей надежности результатов, в нашем исследовании звуко-символизма в поэтических произведениях мы предлагаем начать анализ с изучения функционирования фонем в тексте и лишь затем подтвердить либо опровергнуть полученные результаты путем опроса информантов. В настоящей статье мы останавливаемся на описании первого этапа исследования.

Объектом нашего исследования являются цветовые ассоциации фонем, поэтому в качестве материала исследования мы решили выбрать колоронимы — названия цветовых оттенков. Мы разделяем позицию А. П. Журавлева о «коллективной интуиции» людей, когда в процессе словотворчества носители интуитивно отбирают те наименования, которые своей звуковой частотой наилучшим образом ассоциируются с соответствующим цветом, чтобы цветовое устройство мира отразилось в цветовом устройстве языка.

Анализ 500 единиц колоронимов (по 50 наименований оттенков красного, оранжевого, желтого, зеленого, синего, фиолетового, черного, серого, коричневого и белого цветов) позволил нам выявить фонемы, наиболее частотные для названий определенных оттенков. Однако при этом мы отметили схожую встречаемость некоторых фонем в составе колоронимов, обозначающих совершенно разные цвета. Так, фонема *l* встречается 59 раз в названиях оттенков синего цвета (*blue, steel, ceil*), 52 — желтого (*yellow, sunglow, old gold*) и 51 — фиолетового (*vi-olet, lilac, lavender*), что несомненно, вызовет затруднение при анализе цветового настроения поэтического произведения. Нами было выдвинуто предположение, что на цветовое восприятие читателя оказывают влияние не просто отдельные фонемы, а фонемные сочетания — фонестемы. Повторный анализ списка колоронимов позволил выявить фонестемы, типичные для каждого цвета. Результаты оформлены в табл. 4, опубликованной в статье «Звуковая палитра поэтического текста» [Кеваева 2015].

Выяснилось, что в зависимости от окружения, одна и та же фонема будет иметь различные цветовые ассоциации. Так, фонема *g* в сочетании [gei] имеет, согласно нашему исследованию, ассоциацию с серым цветом, в сочетании [di] чаще всего употребляется в названиях оттенков оранжевого цвета, [i] — красного и т.д.

Следующим этапом исследования стало изучение функционирования цветофоном в рамках конкретных текстов. Их сочетание в поэтическом произведении создает своеобразную звуковую палитру текста, которую можно определить как фонемный состав текста, оказывающий определенное эмоциональное воздействие на читателя путем особой частотности употребления и взаимодействия фонем между собой. Изучение звуковой палитры текста включало в себя несколько шагов: транскрибирование текста; определение его фонемного состава и частотности фонем; определение цветов, соответствующих данным сочетаниям фонем; наконец, выяснение соответствия звуковой палитры содержанию стихотворения.

Анализ 81 текста стихотворений общим объемом 154326 знаков позволил выделить в творчестве Э. Ситуэлла несколько тематических групп, каждая из которых имеет свои характерные цвета в палитре восприятия.

Первая, наиболее многочисленная группа — это, конечно же, любовная лирика. Большинство из нас при упоминании любви вспоминает красный и розовый цвета (Ср. «*Девушку в розовом как-то я встретил, \Розовым взор мой был затуманен. \Она улыбнулась, ей я ответил. \Был я улыбкою тайною ранен*» — Б.И. Корнеев (1917)), автор же видит свою любовь в золотистых тонах, возникающих в нашем воображении при помощи повторения фонемных сочетаний [gəv], [nd] и [ld]. Золото — символ мужского начала, поэтому возлюбленный в произведениях Ситуэлла выступает либо обладателем золотисто-русых волос ('*dire gold of the comet's wind-blown hair*' — *The Web Of Eros*), либо в образе льва с золотисто-огненной шкурой, чье сияние не может убить даже

смерть ('*When you are amber dust, — no more a raging fire like the heat of the Sun*' — *Heart And Mind*) и наконец, в образе самого Солнца, беседующего с Луной — символ единения женского и мужского начал ('*Said the Sun to the Moon- 'When you are but a lonely white crone, \And I, a dead King in my golden armour somewhere in a dark wood, \Remember only this of our hopeless love*' — *Heart And Mind*).

Однако наряду с субъективным авторским восприятием любви в золотистых тонах в произведениях также присутствует общепризнанный цвет пылающей страсти — красный ('*The myrrh-lit flame that gave both death and birth*' — *The Web Of Eros*), воплощенный при помощи фонестем [aɪə] и [æɪn].

Для поэзии имажистов свойственно обращение к античной символической. Любовь в античности — смысл существования, воплощение жизни, поэтому неудивительно, что в гамме любовной лирики Э. Ситуэлла прослеживается зеленый цвет — символ надежды, зарождения новой жизни и гармонии. Автор видит в своем возлюбленном воплощение античного божества и в качестве приношения осыпает его фруктами, возлагает на голову влажные от росы ветви ('*I bring you branches green with dew \And fruits that you may crown anew*' — *Interlude*).

Однако любовь — это не только радость наслаждения, это еще и боль разлуки, горечь непонимания и холодный пепел на месте некогда пылающего костра страстей. Вот почему в любовной лирике английской поэтессы присутствует пласт произведений, написанных в подчеркнуто воздержанной холодно-белой гамме. В этих текстах особенно частотны фонестемы [st], [li] — отвечающие за ассоциации с белым цветом, символизирующим не только чистоту и отрешенность от мира, но также и смерть, которая в данном случае может символизировать смерть пылких чувств ('*these tears for joy's bier*' — *By the Lake*). Тему смерти также символизирует серый цвет (фонестемы [ei], [ɔ:]), создающий подавленное настроение, ощущение тоски, депрессии (*Bells of gray crystal break on each bough* — *Bells of Gray Crystal*).

Период творчества поэтов-имажистов пришелся на Первую и Вторую мировые войны, что не могло не отразиться на тематике их произведений. *Still Falls The Rain*, положенное на музыку британским композитором Эдвардом Бриттеном, является одним из наиболее известных стихотворений Э. Ситуэлла. В нем отражены размышления о звериной жестокости людей друг к другу на войне и Божьем сострадании. Образ Божественного присутствия передается при помощи фонестемы [lai], передающей ассоциации с фиолетовым цветом — символом Бога, сверхъестественного и мистического начала. В силу своего знатного дворянского происхождения Э. Ситуэлла не пришлось служить на фронте, поэтому в тексте отсутствуют яркие образы взрывов, звуки выстрелов. Стихотворение представляет собой как бы взгляд со стороны: что осталось на поле сражения после боя. Вот почему вместо боевой ярости настроение стихотворения рисуется в серых тонах

безнадежности, психологической подавленности, передаваемыми фонестемами серого цвета [geɪ], [ɜ:]. Другое стихотворение данной тематики — *The Dancers*, также отличается мрачными и унылыми тонами: синий цвет, достигающийся при помощи фонемного сочетания [bl], создает ощущение депрессии. У этого цвета «нет дна», он никогда не кончается, он затягивает в себя, опьяняет, создает предпосылку для глубокого размышления над жизнью; зовет к нахождению смысла, истины. Но при этом не дает ответа в понимании смысла жизни; вгоняет в меланхолию, слабость. Несмотря на то, что в стихотворении присутствуют лужи крови на полу, мы не отметили использования красного цвета. Он слишком яркий, будоражащий, тогда как здесь царит полная потеря реальности. В безмятежных танцорах автор, по-видимому, воплотила образ людей своего круга, которые танцевали и развлекались, пока где-то на фронте за их благополучие погибали сотни людей.

Далее в творчестве Э. Ситуэлл можно выделить произведения, в которых прослеживается тема домашнего быта и взаимоотношений в семье. Изучив биографию писательницы, мы видим, что отношения с родителями у нее были весьма сложные. Так, отец заставлял заковывать ее в железную конструкцию для «излечения» болезни позвоночника. Сама Ситуэлл писала, что ее родители «всегда были для нее незнакомцами»/Перевод наш [Sitwell 2011]. Лучшим другом в детские годы была для писательницы ее гувернантка, Хелен Рутхэм. С ней Ситуэлл не рассталась даже тогда, когда после перенесенных операций по излечению рака Хелен превратилась в инвалида. Девушки вместе переехали в Париж и жили там до смерти Рутхэм в 1938 году.

Тем не менее, несчастное детство не помешало Э. Ситуэлл создать ряд стихотворений, наполненных яркими образами, похожими на впечатления ребенка. Такими образами изобилует *The Lady With The Sewing-Machine*: белое лицо женщины, похожее на циферблат (*face as white as any clock's*), желтое канареечное солнце (*yellow sun shakes like a canary*), пестрая Шотландская шаль и лоскутное одеяло, зеленая петрушка и шпинат, которого дети терпеть не могут. Звуковая палитра текста полностью соответствует контексту. Зеленый оттенок в ней передается путем употребления сочетания [i:n] — *green, Greenwich, meaningless*. Желтый — фонемой [əu] — *close, yellow, grow, hoping*, белый — сочетанием [s t] — *stands, dusty, stitch (2)*. Кроме этого, в звуковой палитре также присутствует фиолетовый цвет, достигаемый использованием сочетания [laɪ] — *life (2), like (2)*, который не упоминается в тексте. Однако этот оттенок удачно дополняет образ описываемой женщины. Фиолетовый цвет предпочитают личности креативные, к которым вполне логично отнести и швей. В психологии этот цвет предполагает сильную привязанность к вещам, людям и образу жизни. Именно по этой причине героиня так боится, что автор вырастет и покинет ее. Идеальная жизнь женщины — покой и тепло под ее лоскутным оде-

ялом. Мы не знаем, занималась ли шитьем мать писательницы, знаем только, что из-за разногласий Ситуэлл даже не приехала на ее похороны в 1937 году. Возможно, в образе женщины со швейной машинкой запечатлен образ гувернантки, а возможно, в нем нашли отражение все те качества, которые писательница желала видеть, но не получала от матери: заботу, добродушную ворчливость, уют, переживание за судьбу своего ребенка.

Следующее близкое по впечатлениям стихотворение — *Aubade*. Среди 429 фонем данного текста хочется отметить широкое использование фонемы [eɪ] — *Jane (4), crane (2), again (2), brain, rain, flames* и т.д. — характерной для оттенков серого цвета. В средневековье серую одежду носил простой люд, поэтому он считался цветом низости и убожества. В данном стихотворении главной героиней является Джейн — скорее всего, служанка, встающая спозаранку на работу. Серый цвет в данном случае очень хорошо отражает ее характер «серой мышки». Как отмечает автор, девушка не склонна выражать вслух свое мнение и вообще, здраво рассуждать, полностью поглощенная в свою серую обыденную рутину (*light will never harden into sight, will never penetrate your brain*).

Другая немаловажная тематическая группа — произведения, посвященные теме Времени и Вечности. В их палитре преобладают приглушенные тона: серый и коричневый. Коричневый — цвет увядания и старости. Автор использует его в стихотворении *Solo for Ear Trumpet* для создания образа старой глухой леди, которая упорно не осознает, что пришел конец света, принимая Трубный звук за баловство уличных мальчишек. Вероятно, под образом старой родственницы автор имела в виду не конкретного человека, а все светское общество, закоснелое в своих взглядах и не приемлющее никаких перемен.

Стихотворение *Four In The Morning* написано преимущественно в серой гамме. Такая ассоциация достигается путем широкого использования фонемы [eɪ], и соответствует содержанию, поскольку главными героями выступают призраки, а серый цвет, как цвет праха, ассоциируется со смертью, трауром и душой. В серых же красках описывает автор светское общество в *Came The Great Popinjay*. Опять же, серый цвет здесь ассоциируется со смертью, которая прерывает светский праздник, задувая свечу жизни. Также серый — это цвет джентльменов, цвет высшего света, символ безразличия, скуки, холодности, эгоизма, отказа от обязательств, нарциссизма. Это соответствует контексту, где главный герой — автор называет его POPINJAY, что можно перевести как «хлыст, щеголь», — нюхая свою бутоньерку, заходит в некое темное, грязное помещение, где в клетках поют птицы. Вероятно, так автор хотела передать атмосферу светских салонов, причем не внешний блеск и величие, а моральный настрой. Серый цвет в данном случае весьма ярко отражает атмосферу подлости, отгороженности и рутинности.

На этом коричнево-сером фоне особенно ярко выделяются образы, прерывающие обыденный ход вещей: в *Solo*

for Ear Trumpet это повозка, своим бесцеремонным грохотом нарушившая мир и покой глуховатой леди. Образ колесницы в христианстве символизирует церковь как средство передвижения верующих на Небеса, возможно поэтому при его создании автор использует фонестемы [vai] и [lai] (*violent from light to light*), ответственные за ассоциации с фиолетовым цветом — цветом тайны, мистики, дух всемогущего Бога и духовной любви. В *Four In The Morning* серую призрачную пелену разрезает фигура добродушного призрака негра, окрашенная в синий цвет. Главный герой, несмотря на обреченность своего положения, бодр и весел и совсем не похож на классический образ унылого, воющего призрака. В данном случае синий цвет, передаваемый сочетанием [bl] — *blue* (2), *blown* — символ свободы, широты души. Поэтому большая часть стихотворения — это описание путешествия духа негра: соревнуясь в скорости с ветром, он проплывает мимо белого кружева домов, слушает прибой моря, любит военный парадом и теряется на бесконечной дороге в Вечность.

Наконец, последняя тематическая группа в творчестве Э. Ситуэлл — поэзия абсурда. Признанный литературный критик Джон Леманн, в своем труде *A Nest of Tigers: The Sitwells in Their Times*, отмечал, что Э. Ситуэлл «имела обыкновение в силу необычайной живости своей фантазии настолько перегружать текст различными символами, что все они смешивались в один яркий и беспорядочный поток» [Lehmann 1968]. Перевод наш. Палитра таких произведений отличается диким буйством самых разных красок. К примеру, в *Clown's Houses* фонемный анализ выявил окрашенность текста в восемь оттенков, от ярко-красного, до мертвенно-бледного. На фоне бу-

жно-серого унылого неба, белых напудренных лиц и стеклянного душного воздуха ярко выделяются раскрашенные игрушки, звездно-яркие маски (*star-bright masks*), назойливо-зеленая трава (*shrill-green grass*). Содержание поражает обилием экспрессивных образов, которые сменяют друг друга, смешиваясь в безудержном ритме циркового представления. Участники праздничного карнавала, который можно интерпретировать как праздник жизни, представляются атому актерами, чьи истинные лица прикрыты масками: юные херувимы в масках птиц, неизвестные люди в сияющих масках молодости (*star-bright masks for youth to wear*). Повсюду царят ужимки, фальшь, «обеихьянья грация», как метко называет такое поведение автор (*simian grace*). Жонглирующие клоуны сменяются образами пылающего, как глаз демона, солнца (*glowing sun, a demon's eye*), искаженным образом Пьеро в черной маске, танцующим пламенем свечей, которых в конце проглатывает непроницаемая мгла потаенных комнат.

Подводя итог, можно с уверенностью сказать, что предлагаемый нами цветовой фоносемантический анализ текста открывает большие возможности для его художественной интерпретации. Символика цвета помогает уловить настроение произведения, увидеть скрытые символы и значения, как следствие, более полно понять интенцию автора. Практическая ценность нашего подхода заключается также в использовании его при художественном переводе: имея на руках таблицу цветовых соответствий фонем для исходного и переводимого языков, переводчик сможет создавать тексты, по своему восприятию максимально приближенные к тексту оригинала.

Литература:

1. <http://mironovacolor.org/> — Миронова Л. Н. 2004 — 2014. Цвет — это что? Статьи по курсу колористики для художников-дизайнеров
2. <http://psyfactor.org/color.htm> — Центр «ПСИ-ФАКТОР». Психология цвета
3. <http://tapemark.narod.ru/les/index.html> — Лингвистический энциклопедический словарь.
4. <http://www.yugzone.ru/psy/colors.htm> — Владимир Никонов «Психология цвета». По материалам авторского курса лекций Нелюбова М. В.
5. Lehmann, J. *A Nest of Tigers: The Sitwells in Their Times*. — Little, Brown [1st American ed.] edition. — 1968. — 295 p.
6. Sitwell, E. *Avant garde poet, English genius Richard Green*. — Hachette Digital London, 2011. — 544 p.
7. www.poetryfoundation.org/foundation/about — Онлайн-журнал Poetry Foundation
8. www.symbolarium.ru — Онлайн-энциклопедия символики и геральдики
9. Журавлев, А. П. Звук и смысл. — М.: Просвещение, 1991. — 160 с.
10. Кебаева, М. Н. Звуковая палитра поэтического текста // Современные научные исследования и инновации. 2015. № 5 [Электронный ресурс]. URL: <http://web.snauka.ru/issues/2015/05/45820> (дата обращения: 22.10.2015).
11. Кудрявицкий, А. И. Антология имагизма. — М.: Изд-во «Прогресс», 2001.
12. Прокофьева, Л. П. Изучение звуко-цветовой ассоциативности в европейских языках: история и современность // Вестник нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского, 2008. — № 4. — с. 256–262.
13. Тихонова-Родина, Е. А. К истокам фоносемантики: Фердинан Мендоза о псевдофотостезии (синестезии) // Предложение и слово: Межвузовский сборник научных трудов. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2002. с. 773–778

Воплощение сновидений в эстетическое явление

Киличева Мехринисо Ражабовна, магистр английской литературы, преподаватель английского языка
Бухарский государственный университет (Узбекистан)

Шодиева Дилором Юнусовна, учитель русского языка и литературы
Академический лицей при Бухарском государственном университете (Узбекистан)

Сновидения в духовном мире человека являются сложным и в то же время таинственным явлением. С глубокой древности и по сей день, сделаны немало усилий, чтобы должным образом объяснить этот процесс, но до сих пор трудно найти источники, которые могли бы освятить это явление полностью. И поэтому народ всегда относился к сновидениям, как к явлению таинственного, загадочного мира.

В разные периоды человеческой цивилизации к сновидениям относились по-разному. В сознании первобытного человека сновидения являлись как бы средством связи, общения с «богами», высшими силами. Поэтому для первобытных людей сновидения считались священными. Строго следили запретам и указаниям, которые являлись во снах. В отличие от современного человека, относящегося к сновидениям, как отражение событий, хаотичных, происходящих без определённой цели и не имеющего никакого значения, у первобытного человека отношения к сновидениям было особо уважительное. Они рассматривали сновидение как чёткое отражение внутреннего состояния и внешнего мира человека, частицей его духовного облика. К сновидениям было до того серьёзные отношения, что строго следили толкованиям снов. Не каждый имел право толковать сны. Разрешалось толковать сновидения только тем, кто смог подняться до определённого уровня от главы племени до степени мудреца, которые прошли специальные ритуалы.

Сновидения предупреждали о разных событиях, которые могли произойти со сновидцем, по этому поводу искали толкования различным приметам во сне. Потому что в таких снах сообщалось о каких-либо событиях.

До средневекового периода толкование сновидений изучались в виде сведений, информации, как это было принято — по народным приметам; а в средние века уже сны исследовались, исходя из религиозных убеждений, и вообще начали изучать, опираясь на религиозные и духовные основы. А в эпоху Возрождения психологию и интерпретацию сновидений связали с оккультизмом, и толкование снов начали изучать, основываясь на эту науку. После эпохи Возрождения возникли несколько направлений, одно из них — иррационализм — сторонники этого направления интерпретацию снов связывают с разными психическими состояниями человека; бредовым состоянием, искушением, тревогой и беспокойством при травматических состояниях мозга.

Можно сказать, что до сих пор о сновидениях нет единой теории, конкретного мышления. Сновидения и их толкования в разных сферах и направлениях изуча-

лись по-разному — в истории, этнографии, по-своему изучалось в отрасли экспериментальной психологии и уместно особо отметить, что в сфере медицины исследовалось и как в виде диагноза.

Сновидения, с помощью духа и его управления, предупреждают беспомощных людей о предстоящих опасностях, предсказывают им будущее, а могут и служить для просвещения человека. Испокон веков и из истории многих стран известно, что сновидения являлись для многих людей провидением и в течение жизни они признавали большую пользу снов. А не питать доверие сновидениям — это отрицание законов природы. А отрицание законов природы — это значить отрицать самого себя.

С давних времён сновидениям относились, как к неотъемлемой части человеческой жизни. Во многих исторических произведениях и научных трактатах и Востока, и Запада очень часто встречаются сведения о сновидениях или о мотивах и приметах связанных с ними.

Первобытные люди относились к сновидениям с большим вниманием; не могли представить себе завтрашний день, будущее без снов.

В духовной жизни народа сновидения и их толкование занимает особое место. В одном из древних мифов упоминается, что сотворение мира изначально было заложено во сне. В этом мифическом сказании о создании мира, говорится о том, что бог сотворил этот прекрасный мир во сне. [1]

Кроме того, жизнь многих исторических личностей Огузхана, Амира Тимура, Бабур были тесно связаны со сновидениями. Особое значение имеет здесь то, что эти личности и Амир Тимур, и Бабур свои сновидения толковали основательно с точки зрения трезво мыслящего психолога, а не относились ко снам как туманным (неясным) и не имеющим особое значение состояниям.

Особое внимание уделялось сновидениям в произведениях восточных классиков Юсуфа Хос Хаджиба, Ахмада Югнаки, Ахмада Яссеви, Алишера Наваи, Захередина Мухаммада Бабур. В произведениях Алишера Наваи «Семь планет», «Стена Искандера», «Ветры любви» и в произведении Бабур «Бабурнаме» приведены яркие образцы сновидений. Следует особо отметить, что от далёкого прошлого до наших дней трудно найти художника слова, которого не обращался бы к теме сновидений.

Не бывает сновидений, не имеющего никакого отношения или значения к сновидцу. Могут быть только обстоятельства, которые другие или не смогли различить значение сновидений, или не смогли правильно истолковать его, или же просто не смогли выделить те места сно-

видений, которые были бы связаны с жизненными обстоятельствами сновидца. Если Алишер Наваи рассматривал сновидения, как зеркало души человека, таинственный процесс, происходящий внутри его; то Имам Газели, говоря о сновидениях, в основном опирается на Великий источник мусульман — Каран и на изречения и наставления пророка Мухаммада — Хадисы. Изучив Каран и Хадисы, основываясь на свои интерпретации, Имам Газели создает научное учение о толкование сновидений. Ещё в XI веке Имам Газели сновидения человека непосредственно связывает его нравственно-эстетическим, а ещё точнее его духовным обликом, «Это один из явлений чудес глубины творческой души человека», — определение даёт Имам снам. «Причина вещей сновидений, — говорит Имам Газели, — это воздействие сверхъестественных сил во время снов. Во сне человек находится под воздействием чувств и эмоций, а проснувшись, человек не обращает внимания на чувства, повинуется рас-судку». [2]

В литературе много примеров, где сновидения использованы в качестве мотива произведений. В литературе, где применены сновидения, можно подметить, невидимые простым глазом множество различий, и это объясняется связью и воздействием той исторической эпохи, обществом, в котором жил автор литературного произведения. Самым приемлемым способом исследования сновидений как эстетического явления, является расследование сновидений в исторической цепи их применения в жизненных обстоятельствах человека.

Очень часто можно встретить мотивы сновидений в Западной литературе. В течении многих веков, такие произведения подчёркивают не привлекательность сновидений, а отражают изменения в сознании человека его представления о явлениях природы и сновидений. Первые Западные источники, нам дают информацию о том, что люди верили в осуществлении сновидений богами, дьяволом, чертями и духами умерших. Сновидения воздействовали людям особым образом и давали знаки о предстоящих событиях. Этот мотив отражается в произведениях Гомера. Особенно, в поэме «Илиада» Зевс, приснившись во сне Агамемнона, приказывает Ахейцам вооружиться. И в это же время предупреждается о судьбе Трои, что они потеряют Троию. Агамемнон в совете старейшин произносит речь о том, что он проверит готовность своих воинов и прекратив осаду, возвращается домой. В итоге возникает страх и беспорядок среди воинов, но с мудрость Одиссея спасает их из этой трудной ситуации. В другом произведении Гомера жена Одиссея Пенелопа видит во сне, что орёл убивает двадцать гусей. Это сновидение истолковывается долголетним морским путешествием её мужа, где Одиссея победив в бою, удачно возвращается домой. [3]

По мнению Греческий историк Геродот сновиденья являются отражением мыслей и тревожных переживаний бодрствующего состояния человека. С точки зрения Ге-

родота сновиденья являются зеркалом реальности. До периода Элизабет в английской литературе это убеждение Геродота о сновиденьях формировалось как широко распространённое мировоззрение. Это ярко выразилось в творчестве Шекспира. Его «Макбет» полон страшными и тревожными снами, завязавшимися из-за совершенного греха. Другое произведение Шекспира «Ричард III» тоже полон эпизодами сновидений, герою произведения Кларенсу приснился тревожный сон и Ричард, считающий по классическим традициям сновидений божественными, беспокоится об этом. Герои произведения «Сон в летнюю ночь» во сне пережили волшебство: в сумерках леса и лабиринте их любовных взаимоотношений с ними происходит чудесные метаморфозы. По вине лесного духа Пака, путающего людей, волшебное зелье заставляет их хаотически менять предметы любви. Заглавие пьесы как бы даёт понятие, что сама жизнь является сном.

Можно сделать вывод, что в знаменитых произведениях Шекспира «Ромео и Джульетта», «Генри IV», «Мера за меру» сновиденья являются ведущей тематикой произведения или же композиционным средством в изложении сюжета. [3]

По мнению Манфреда Вейбхорна из-за материалистической философии Бакона, Локка, Гоббса в XVII веке престиж художественных сновидений заметно снизился. Эти три эмпирика занимались теорией измерительного мира (метафизикой) и очень мало им написаны, о субъективных, то есть о частных ситуациях. Подобные идеи сохранились и в рационалистической, просветительской литературе 1700 — годов. [4]

В XVII веке начало движения романистов дало возможность воссоздания субъективных явлений. Такое явление в литературе представило вероятность возвращения сновидений как темы произведения. В итоге, неудовлетворённость от существующей системы XIX века, возродило интерес к новому течению — интерес к сновиденьям. Примером этому могут послужить произведения многих писателей, как Сэмюэла Тейлора Кольриджа «Кубла Хан», Льюиса Карола «Алиса в стране чудес». Сюжет этих произведений с начало до конца основываются на мотивы сновидений.

Современная литература сильно подвергся воздействию психологической теории Зигмунда Фрейда. Сподвижники Фрейда соединили в одно целое мотивы сновидений и художественную литературу. Современные писатели используют сновиденья не только для раскрытия психологических черт своих героев, но и большей мере используются для сюрреалистического толкования сновидений своих героев. Это можно ярко себе представить на примере произведений Жеймса Жойя «Иллюзия».

Воплощение сновидений в художественной литературе как эстетическое явление — это не только демонстрация наших интересов к ночным виденьям, но и является выражением наших понятий и взглядов о сновиденьях каждого поколения.

Литература:

1. O'gal Bahouddin «Turk mifologiyasi» Anqara 1971-y.
2. G'azzoliy, I. «Daqoqiy ul-axbor» // Yoshlik 1996-y. 1-son
3. www.dreamresearch.ca
4. Weldhorn, M. 1988. The dictionary of literary themes and motifs, vol. 1, pp. 406—414. NewYork: Greenwood.

Принципы изучения этимологического значения и символики компонента зоонима в составе русских и английских фразеологических единиц

Киндря Наталья Александровна, кандидат филологических наук, доцент
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации

В статье рассмотрены принципы изучения этимологического значения и символики компонента зоонима в составе русских и английских фразеологических единиц (ФЕ). Общеизвестно, что фразеология — это сокровищница языка. Во фразеологизмах находит отражение история народа, своеобразие его культуры и быта. В ходе исследования удалось проследить связь фразеологии не только с этимологией, но и с символикой, попытаться обосновать употребление конкретного компонента-зоонима в той или иной ФЕ как с точки зрения его символического смысла, так и с позиции этимологии, в тех случаях, где это представляется возможным.

Ключевые слова: *этимология, символика, фразеологические единицы, компоненты-зоонимы, мифопоэтическое мышление, картина мира.*

Проблема «язык и культура» давно интересует языковедов. Уже первые этимологические поиски античных грамматиков стимулировались идеей реконструкции «истинного представления о слове, стремлением за каждым словом увидеть «первородный» образ предмета или явления. История и этимология фразеологических единиц (ФЕ) в этом отношении представляются более перспективными, так как соединение слов — это уже какой-то связанный рассказ, более или менее выкристаллизованный образ. Исходя из того, что язык важнейший элемент человеческой культуры, в исследовании сделана попытка проследить отражение языческой символики в семантической эволюции индоевропейских языков. Основным инструментом такого анализа является сравнительное этимологическое исследование. Исследование основано на так называемой множественной этимологии, то есть, допускает существование нескольких (иногда — многих) семаσιологических связей в истории того или иного значения. В эксплицитном виде теория множественной этимологии разработана В. Н. Топоровым, который рассматривает отдельные этимологические решения как различные степени приближения к матрице этимологической относительности. Так называемые «одномерные» этимологии, то есть такие, которые допускают только одно этимологическое решение, отвергая все остальные, представляются нам неудовлетворительными. Исходя из выше сказанного, изучение ФЕ — одна из наиболее актуальных проблем лингвистики. Изучение ФЕ дает возможность подойти к изучению «картины мира». Рассмотрение различных «картин мира» типичных для носителей ранних

человеческих цивилизаций, открывает неисчерпаемые возможности для обнаружения древнейших когнитивных процессов, что, в свою очередь, позволяет установить семасиологические универсалии — законы соотношения, порядка следования и эволюции значений в индоевропейских языках. [1,2]

В древнюю эпоху господствовала иная система смыслов и способов их присвоения, чем в наши дни. Тем самым и номинация могла проходить по совершенно иным основаниям, чем номинация в современных языках. Это объясняет, почему этимология многих слов, несомненно, относящихся к очень древним слоям лексики остается затемненной даже для исследователей. При реконструкции той части архаической модели мира, которая отводится животным, следует принять во внимание объективные особенности жизни в ту эпоху. Как известно, у культурных народов древнего мира эпоха приручения домашних животных теряется во мраке времени. Процесс одомашнивания животных протекал приблизительно во время формирования индоевропейской языковой общности. Историки отмечают, что указать экономические причины этого процесса крайне трудно, учитывая вид приручаемых животных и отдачу, которую от них можно было получить. Жертвоприношение было одной из главнейших форм отправления языческого культа, которая использовалась в целях общения с божеством, искупления вины, раскаяния, благодарения, очищения, примирения, молитвы, изгнания злых сил. В жертву приносились человек, животные, их кровь, человеческое семя. Производились возлияния и жертвенная трапеза. Нередко предмет жертвоприношения бросали в огонь. Обряд жерт-

воприношения обязательно включал в себя связывание жертвы, так как «узел» имел сакральное значение — изгнание злых духов. [1,2]

Приведем пример этимологического анализа названий животных на примере названия Козла. Козел (goat). Индоевроп. *ghaid-«козел» (лат. haedus «козел»). Козел служил обычным предметом жертвоприношения: его бросали в огонь. В связи с этим рассматриваемое слово можно сопоставить с индоевроп. sandere «гореть, жечь». Типологически ср.: др.-англ. eowu «овца», но греч. εἶω «жгу»; лат. agnus «ягненок», но др.-инд. agnih «огонь»; нем. Bock «козел», но индоевроп. *bhok-«гореть»; нем. Ziege «коза», но индоевроп.*teg «гореть». Англ. goat «козел» можно также сопоставить с русск. «кадить, чадить»; прусск. accodis «дымоход».

Козел. Общеслав. *koza, *kozyль (вместо ожидаемого *kozь). Индоевропейская основа *kog'-ā-: *kog'-o или *kag'-o. Ср. гот. hakuls — «плащ» (< «плащ из кожи»); др.-исл. hogul-l — тж.; др.-в.-нем. hachul — тж. По значению это слово (в германских языках) соответствует русск. козух, от кожа, производное от общеслав. *koza. Чешские лингвисты предлагают объяснение *koza из *oza (ср. др.-инд. ajā, ajah — «козел», ajā — «коза», что было бы идеальным продолжением индоевроп. *ogā-); k, согласно этому предположению протетическое, на экспрессивной почве; приставное k они видят и в общеслав. *kostь < *ostь и в некоторых других словах. Может быть, это начальное k — результат какого-то переразложения, и все слово в целом — остаток какого-то сложного, двухосновного образования, у которого первая часть оканчивается на k. Нечто подобное в слове зорить (из разорить). Другие языковеды, напротив, считают, что в др. — инд. слове начальное k- отпало. Ср., однако, литовск. ožys — «козел», откуда ožká — «коза» при др.-рус. язъно, ст.-сл. азно — «кожа». Надо полагать, что эти две группы слов (общеслав. *koza, др.-инд. ajā и пр.) в этимологическом отношении не связаны одна с другой. [2]

Козел. Общеслав. Этимология не установлена. Наиболее предпочтительным является объяснение как старого заимствования из алтайских языков, в которых оно выступает как производное от междометного подзывания животного. [6]

Итак, в данной части исследования был установлен метафорический образ, который лег в основу зоонима и мотивировал его. Было прослежено не только развитие этой метафоры, а также и формирование символики отдельных понятий.

Генезис названий животных в индоевропейских языках протекал в то время, когда основным механизмом номинации являлось не сравнение, а отождествление, что не позволяет говорить о выявленных семантических связях как связях метафорических или метонимических. При номинации животных основанием являлась функция данного объекта в том виде, как она осмысливалась в рамках культуры архаического общества, а не внешний признак или группа признаков объекта номинации.

Следует отметить, что значительная часть зоонимов представляет собой устойчивый план общеиндоевропейской лексики. Лишь для незначительного числа лексем не удастся обнаружить соответствий вне пределов германского языкового ареала. Примечательно, что в эту группу в основном входят названия мелких животных, а также ряд названий домашних животных.

Как известно, человеку издревле свойственно отождествлять свое поведение с поведением различных животных, что и привело к возникновению фразеологизмов с компонентом-зоонимом. В человеческом сознании животные (звери, птицы, рыбы, насекомые и другие представители фауны) выступают как символы, на основе которых составляются образные картины тех или иных аспектов бытия. Некоторые животные выступают как главы целых кланов.

В исследовании сделана также попытка проследить отражение языческой символики в ФЕ и посмотреть сохранился ли первоначальный мифопоэтический образ компонента-зоонима в современном понимании данной ФЕ или утратил свое первоначальное значение.

Например, в греко-римской традиции козел олицетворяет мужество, изобилие жизненной силы, созидательной энергии, тогда как коза символизирует женскую силу, плодovitость и изобилие. Козел посвящался Зевсу Диктиносу, вскормленному козой Амальтеей, шкура которой стала его щитом, а рог превратился в рог изобилия. Дикий козел посвящен также Артемиде и является одним из обликов Диониса. Сатиры и бог Пан имеют в своем облике козлиные черты — ноги, рога, бороду. У евреев козел олицетворяет похотливость и распутство, а в христианстве он является одним из образов дьявола, олицетворением греха, похоти и непостоянства. У индусов козел символизирует огонь и созидательную силу; наряду с бараном он является атрибутом бога огня Агни. В скандинавской мифологии колесница бога войны Тора запряжена козлами. В шумеро-семитской традиции козел часто появляется вместе с Мардуком и богинями-охотницами. Символика козла включает в себя еще один образ — «козла отпущения», символ перекладывания собственной вины на кого-либо другого. [4]

Козел отпущения. Человек, на которого перекладывают, возлагают чужую вину, ответственность за чужие провинности. **Scapegoat.** Например: Что греха таить, подмывает самолично увидеть, какой неожиданный фортель выкинет сегодня начальник, кого изберет козлом отпущения. В. Попов, Обретешь в бою. Everyone wanted to hear what surprise the superintendent would spring this time and to know who his latest scapegoat was.

Выражение из Библии (Левит, 16, 21–22; 16, 9, 10). Возникло на основе особого обряда возложения грехов всего народа на живого козла, существовавшего у древних евреев. Такой обряд совершался особо в случае осквернения евреями святилища, где находился ковчег завета. В искупление греха полагалось принести в жертву барана и двух козлов. Баран сжигался, а из козлов один закалывался «в жертву за грех» и его кровью кропилась крышка

ковчегу. На второго козла перекладывались особой молитвой все грехи еврейского народа и все их беззакония. В день грехоотпущения первосвященник возлагал обе руки на голову живого козла в знак возложения на него всех грехов еврейского народа, после чего козел отсылался в пустыню «чтобы он понес на себе их беззакония в землю непроходимую» (Левит, 16, 9, 10). Все присутствующие на обряде считались очищенными. [4]

Козел служил обычным предметом жертвоприношения: его бросали в огонь. В связи с этим рассматриваемое слово можно сопоставить с индоевроп. *sandere* «гореть, жечь». Следовательно, в данной ФЕ название козла соответствует мифопоэтическому представлению о нем.

Отставной козы барабанщик. Человек, не заслуживающий никакого внимания, никому не нужный, такой, с которым не считаются. Выражение идет от широко распространенной в старину ярмарочной забавы водить напоказ ручного медведя, которого сопровождали пляшущий мальчик, наряженный козой, и барабанщик, который бил в барабан, как бы аккомпанируя этой пляске. Это и был «kozy барабанщик». (А.И. Молотков, ФСРЯ, 1978:33). Неудивительно, что слово коза использовалось в русской фразеологии с пренебрежительным оттенком. Одно из устаревших значений этого слова — «наряженный козой мальчик, с которым обычно ходили вожак ручных медведей для потехи публики». Именно к нему и восходит выражение отставной козы барабанщик. Так шутливо называли в прошлом веке человека без определенных занятий, перебивающегося случайными заработками и подачками и в то же время такого, который не прочь покичиться своим якобы высоким прежде положением. Роль барабанщика в таком представлении была третьестепенной. Главным актером был медведь, на «вторых ролях» шла «коза» (вернее, ряженный под нее мальчик), изображавшая работника при дрессировке медведя. Барабанщик колотил в самодельный барабан, но его звуков слышно не было, и тогда «коза», подпрыгивая, сама била в лукошко. Понятно, почему роль такого барабанщика, да еще «отставной козы», вошла в поговорку. [4]

Также типологически ср.: др.-англ. *eowu* «овца», но греч. *εἴω* «жгу»; лат. *agnus* «ягненок», но др.-инд. *agnih* «огонь»; нем. *Wock* «козел», но индоевроп. **bhok-* «гореть»; нем. *Ziege* «коза», но индоевроп. **teg* «гореть». Англ. *goat* «козел» можно также сопоставить с русск. «кадить, чадить»; прусск. *assodis* «дымоход». [2] В данной ФЕ мы можем также проследить мифопоэтическое представление о козле как о жертвенном животом. Так как мы можем предположить, что, принося козла в жертву, архаичные люди производили своеобразные ритуальные танцы под звуки барабана. Следовательно, в данной ФЕ мы можем проследить отголоски древнего, давно забытого образа Козла, лежащего в приведенной ФЕ.

Забить козла. Сыграть в домино. Домино, как известно, — это видоизмененная игра в кости, которую мы знаем по пиратским рассказам, но в которую люди играли за много тысячелетий до капитана флинта.

Римский император Август, например, например, очень любил эту игру. Вот что он писал в письме Тиберию: «За обедом, милый Тиберий, гости у нас были все те же, да еще пришли Виниций да Силий старший. За едой и вчера и сегодня мы играли по-стариковски: бросали кости. И у кого выпадает «собака» или шестерка, тот ставил на кон по динарию за кость, а у кого выпадет «Венера», тот забирал деньги».

Игральные кости имели у римлян продолговатую форму и были с 1, 2, 3, 4 и 7 очками. «Собакой», о которой вспоминает император, назывался худший бросок, когда на всех костях была единица, «Венера» — лучший, когда все кости падали разными очками.

У римлян — «собака», а у русских — «козел». Оба животных в языке имеют отрицательную символику, поэтому и вошли в терминологию игры в кости.

Козел в выражении забить козла не имеет никакого отношения ни к настоящему, ни к карточному козлу. Это тоже результат ошибки, вызванной формальным смешением двух слов. Среди них есть и целый ряд слов, похожих на нашего козла: козелок, козлок, козён, козан, козанык, козн. Все они означают одно и то же: костяшку, сустав из ног молодого рогатого скота, употребляемую для игры в бабки-козны. Игра в козны, бабки — это лишь одна из разновидностей игры в кости. Вполне возможно, что когда в народе распространился новый вид этой игры — домино, то русские игроки воспользовались своей старой, привычной терминологией. Не случайно и пластинки с обозначением очков при игре в домино называют костяшками.

Забить козна первоначально означало, по-видимому, «начать бить, сбивать козны, бабки, алычики». Но сходство слов козн, козон (козлок, козелок) с козелом больно соблазнительно. Тем более что первое неизвестно какого происхождения, его трудно как-либо мотивировать. А козел вызывает столько ассоциаций, причем ассоциаций отрицательных, экспрессивных. Бить козла, забивать его было вполне оправданным с точки зрения языковой логики: было за что. И мы вовсе не зря вспомнили все те фразеологические ассоциации, которые вызывает слово козел. Ведь именно они способствовали превращению мирного предложения начать игру в козны в боевой клич любителей домино.

Древний обычай закалывать козлов и приносить их в жертву действительно существовал у многих народов. В греческой бане «Бабрий» виноградная лоза, листья которой обглоданы козлом, угрожает последнему: «Ничего, я и без листьев дам людям виноград. А ты, мерзкое животное, будешь принесен в жертву богам, когда сделают вино». [4]

Такие жертвы приносились в Древней Греции после уборки винограда — во время так называемых дионисий, празднеств, посвященных богу вина Дионису. Жертвовали козлов и богине охоты Диане. А легендарный царь Приам приказал заколоть в жертву «блеющих козлов» лишь для того, чтобы избежать зла, предвещаемого ему дурными снами. По средневековым же немецким поверьям, ведьмы, собравшись на шабаш, сжигают козла и делят его пепел между собой.

Впрочем, и в русских сказках козел, а чаще коза тоже становятся жертвами человека.

Но что там древние сказки и легенды! В некоторых странах до сих пор козлов приносят в жертву по самым различным поводам [4]. Следовательно, в данной ФЕ мы также находим отголоски мифологического образа козла.

Комментируя фразеологические обороты или лексические единицы, отражающие элементы национальной обрванной символики, можно идти двумя противоположными путями: от языка к отражаемой действительности и от действительности к отражению ее в языке.

Выводы, полученные в результате этимологического исследования зоонимов, выходят за его рамки. Это определяется тем, что на самом деле мифологическое мышление не исчезло. Современная цивилизация сохраняет его не только в виде пережитков верований, но и постоянно творит новые мифы. Мифотворческая сила слова активно используется в системах массовой пропаганды. Поэтому познание механизмов функционирования семантики как составной части идеального необходимо как для совершенствования воздействия слова на коллектив, так и для выработки противоядия от магии слова.

Литература:

1. Маковский, М. М. Историко-этимологический словарь современного английского языка. Слово в зеркале человеческой культуры. — М.: Издательский дом «Диалог», 2000. — 418 с.
2. Маковский, М. М. Этимологический словарь современного немецкого языка. Слово в зеркале человеческой культуры. — М.: Изд-во «Азбуковник», 2004. — 630 с.
3. Мелерович, А. М., Мокиенко В. М. Фразеологизмы в русской речи. — М.: «Русские словари», «Астрель», 2001. — 656 с.
4. Турскова, Т. А. Новый справочник символов и знаков. — М.: РИПОЛ КЛАССИК, 2003. — 800 с.
5. Фразеологический словарь русского языка. Гл. ред. Молотков А. И. — М.: «Русский язык», 1978. — 544 с.
6. Черных, П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. — М.: Русский язык, 2001. — т. 1. А-П 623 с.

Из истории изучения олонхо в секторе якутского фольклора Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН

Кузьмина Айтилина Ахметовна, кандидат филологических наук, научный сотрудник
Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН (г. Якутск)

Статья посвящена оценке роли изучения якутского героического эпоса сотрудниками сектора якутского фольклора ИГИИПМНС СО РАН. За 80 лет якутские фольклористы собрали огромный материал по олонхо, опубликовали эпические тексты и исследовали эпос с разных ракурсов.

Ключевые слова: фольклор, олонхо, история изучения, собрание, публикация, научное исследование, сектор якутского фольклора, ИГИИПМНС СО РАН.

Олонхо как героический эпос является самым крупным жанром, кульминацией якутского фольклора. Его изучение началось с дореволюционного времени, и со дня образования Института языка и культуры при СНК ЯАССР в 1935 г. изучение якутского фольклора, в том числе олонхо, было определено как одно из его фундаментальных направлений. В целях изучения якутского фольклора выделялась самостоятельная структурная единица или отдельная тематическая группа. Сектор при этом назывался по-разному, исходя из текущих целей и задач. В 2008 г. путем реорганизации центра олонхо Института гуманитарных исследований АН РС (Я) был создан сектор якутского фольклора.

Важным событием мирового значения является то, что, благодаря титаническому труду сотрудников центра

олонхо, в 2005 г. якутский героический эпос олонхо был провозглашен ЮНЕСКО Шедвром Устного и Нематериального Наследия Человечества. В связи с этим в Республике Саха (Якутия) разработаны Государственная целевая программа по «Сохранению, изучению и распространению якутского эпоса олонхо на 2007–2015 гг.», Республиканская целевая программа «Сохранение, изучение и распространение якутского героического эпоса Олонхо на 2009–2011 гг. и её основные направления до 2015 г.», Государственная программа Республики Саха (Якутия) «Создание условий для духовно-культурного развития народов Якутии на 2012–2016 годы» [15, с. 4].

Первым научным сотрудником, исследовавшим олонхо в нашем институте был, П. А. Ойунский. В своей историко-этнографической статье «Якутская сказка (олонхо), её

сюжет и содержание» он использовал принципы исторической школы эпосоведения [23]. Также он является автором олонхо «Ньургун Боотур Стремительный», оказавшим огромное влияние на зарождение и развитие литературы и ставшим ныне достоянием российского и мирового читателя.

С.И. Боло, А.А. Саввин в конце 1930-х — начале 1940-х гг. объездили почти всю территорию Якутии и собрали бесценные материалы по фольклору, этнографии, в том числе олонхо. Во время фольклорно-диалектологической экспедиции в вилюйской группе районов (1938–1939 гг.) они записали олонхо от знаменитых сказителей С.Н. Каратаева — «Тонг Саар бухатыыр», С.С. Афанасьева — «Одун Чураа», М.З. Мартынова — «Оҕо Дуолан».

Г.В. Ксенофонов известен как этнограф, собиравший исторические предания. Однако не менее ценны его записи имен олонхосутов и их репертуаров, кратких содержаниях и переводов олонхо [14; 26].

С имени Г.У. Эргиса начинается целенаправленное научное исследование олонхо. Он в 1947 г. подготовил академическое издание олонхо К.Г. Оросина «Ньургун Боотур Стремительный», написал к нему вступительную статью «Якутский богатырский эпос-олонхо», где рассмотрел жанровое своеобразие, поэтику олонхо, историю сбора и публикации эпических текстов. Г.У. Эргис выделил особенности бытования, исполнения и импровизации в олонхо [22]. В труде ученого «Очерки по якутскому фольклору» выделены главы об олонхо, где исследователь выносит суждения об олонхо [27]. В первом разделе главы приведены сведения о бытовании якутского эпоса, об особенностях исполнения олонхо, во втором разделе выделены исторические условия зарождения олонхо, проанализированы сюжетно-композиционная структура, образы, особенности художественной формы якутского эпоса.

И.В. Пухов систематизировал образы якутского героического эпоса на основе 68 текстов олонхо. В 1962 г. вышла его монография «Якутский героический эпос олонхо. Основные образы», которая является, по сути, первым исследованием теоретического характера [25]. В дальнейшем он разработал принципы сравнительно-типологического изучения олонхо и эпосов алтае-саянских народов, доказывая их историко-культурное и генетическое родство [24].

Существенный вклад в изучение якутского олонхо внес эпосовед Н.В. Емельянов. В первую очередь следует отметить его полевыми работами. В 1960 г. во время Вилюйской фольклорной экспедиции в Ленинском (Нюрбинском) районе он вместе с П.Е. Ефремовым и местными учителями-энтузиастами записали олонхо И.М. Харитонова — «Кулдус Бөҕө бухатыыр», Н.Г. Тагорова — «Уол Эр Соҕотох», Г.В. Дуякова — «Кыыс Дьуурайа бухатыыр», Н.Г. Иванова — «Оҕо Дьулаах бухатыыр», И.Е. Торохова — «Күн Саарыстыба Бухатыыр», С.В. Петрова — «Оҕо Дьулаах бухатыыр» [1, с. 40]. Затем он начал составлять краткое содержание эпических текстов, хранящихся в основном в архиве ЯНЦ СО РАН (ныне — Ру-

копийный отдел ИГиИПМНС СО РАН). Сюжеты олонхо были систематизированы по трем группам: 1) о заселении Среднего мира, 2) о родоначальниках ураангхай-саха, 3) о защитниках племени айыы аймага. Им изданы монографии по сюжетике якутского эпоса: «Сюжеты якутских олонхо» [9], «Сюжеты ранних типов якутских олонхо» [8], «Сюжеты олонхо о родоначальниках племени» [7], «Сюжеты олонхо о защитниках племени» [6]. Его систематизация послужила основой для дальнейшего исследования сюжетов олонхо.

В.Т. Петров стал первым якутом — доктором наук по фольклористике. Он исследовал связи фольклора и литературы. В 1989 г. защитил докторскую диссертацию «Взаимодействие традиций в младописьменных литературах. Национальный фольклор и русская классика». Областью его научного интереса было также этническое сознание в эпосе [1, с. 56].

П.Е. Ефремов известен как исследователь долганского олонхо. В 1984 г. была издана монография «Долганское олонхо», где были выявлены особенности сюжеттики, образов, художественно-изобразительных средств эпоса данной этнолокальной традиции [10]. П.Е. Ефремовым собрано много записей долганской эпической традиции, которые сейчас хранятся в фонотеке сектора якутского фольклора, и олонхо нюрбинского сказителя И.М. Харитонова «Кулдус Би±и бухатыыр» [1, с. 41].

Сказительское искусство якутских олонхосутов стало предметом специального изучения д. ф. н., профессора В.В. Илларионова. В 1982 г. была издана его работа «Искусство якутских олонхосутов», где он подробно рассматривает устную сказительскую традицию, уделяя особое внимание сказительской школе. В.В. Илларионов на основе сопоставления записей олонхо, произведенных со слов одного и того же олонхосута в разное время, исследует вариативность олонхо (на сюжетно-композиционном и художественно-изобразительном уровне) [12]. Продолжением этого труда является книга «Якутское сказительство и проблемы возрождения олонхо», где автор рассматривает эпическое творчество отдельных сказителей [13]. В.В. Илларионов также известен как собиратель и публикатор эпических текстов. В 1960–1970-х гг. он стал записывать олонхо на магнитофоне. В последнее время он плодотворно занимается изданием текстов олонхо.

Один из старейших сотрудников сектора якутского фольклора, П.Н. Дмитриев провел большую работу по собиранию и публикации олонхо: он записал около 30 сказаний. Несколько его статей посвящены эпической формульности олонхо.

С.П. Ойунская выступила как сосоставитель-переводчик олонхо «Кыыс Дэбилийэ» и «Могучий Эр Соҕотох» для серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока». С 1988 г. занялась исследованием и публикацией литературного и научного наследия своего отца П.А. Ойунского. Вместе с П.Н. Дмитриевым подготавливали юбилейное издание его олонхо «Дьулуруйар Ньургун Боотур».

Доктор исторических наук, этнограф, фольклорист, заведующий сектором якутского фольклора (2008–2011 гг.), Н.А. Алексеев внес большой вклад в издание якутского олонхо в качестве члена редколлегии серий «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока» и «Саха боотурдара». В своих этнографических трудах он часто использовал в качестве материала тексты олонхо [2].

В монографии Д.Т. Бурцева «Якутский эпос олонхо как жанр» эпос впервые представлен как целостная система жанрового содержания и формы. Жанр олонхо трактуется им как способ саморегулирования фольклорного художественного процесса и комплекс, состоящий из четырех системных элементов: жанрового сознания, знания законов жанра сказителем, сферы жанра олонхо-произведения, восприятия жанровой сферы исполняемого олонхо публикой [3].

В.М. Никифоров ранее специализировался по якутским народным преданиям. Затем он стал уделять внимание вопросам происхождения олонхо. Монография В.М. Никифорова «Стадии эпических коллизий в олонхо: Формы фольклорной и книжной трансформации» посвящена вопросам изучения генетических предпосылок становления якутского героического эпоса олонхо [21]. Исследователь выделяет древнейшие этапы формирования эпической традиции: туранский, хунно-китайский, теле-уйгурский, древнетюркский, кыргызский, монгольский, урянхайский. Продолжением этих идей является следующая монография «От архаического олонхо к раннефеодальному эпосу: история фиксаций и специфика интерпретаций» [20].

Следует особо подчеркнуть научно-исследовательскую и научно-организаторскую работу С.Д. Мухоплевой, которая, будучи заведующей центром олонхо ИГИ АН РС (Я), организовала ЯРОО «Ассоциация Олонхо», которое инициировало выдвижение якутского героического эпоса в ЮНЕСКО в список Шедеров Устного Нематериального и Культурного Наследия Человечества. Проведение международных научных конференций по сравнительному изучению олонхо в контексте эпического наследия народов мира дало толчок сравнительно-типологическому исследованию якутского героического сказания. По ее инициативе была основана серия «Саха боотурдара», согласно ее концепции, должны быть изданы 21 том — образцовых текстов олонхо каждого улуса, локальной традиции. С.Д. Мухоплева занимается также разработкой теоретических вопросов жанрового состава, текстологии и архивации олонхо. Несколько её статей посвящено самозаписям олонхо [18; 19].

А.Е. Захарова подготовила монографию «Архаическая ритуально-обрядовая символика народа саха (по материалам олонхо)», где предпринята попытка реконструкции архаической ритуально-обрядовой символики народа саха на материалах якутского героического эпоса [11]. А.Е. Захарова также провела организационную работу по включению олонхо в список Шедеров Устного Нематериального и Культурного Наследия Человечества. Сейчас она руководит Республиканским центром олонхо.

Е.И. Избекова — один из первых специалистов по лингвофольклористике, занимается разработкой проблемы сакральной символики эпического языка. В 2000 г. она защитила кандидатскую диссертацию «Числительные олонхо. Структура и семантика». Она является автором многих документальных фильмов о деятелях культуры и искусства республики.

В изучении эпоса большую роль играет и музыковедческое направление. Доктор искусствоведения, заведующая сектором якутского фольклора ИГИиПМНС СО РАН А.С. Ларионова исследует жанрово-тематические, локальные особенности якутской песенности, в том числе олонхо [16; 17].

Область научных интересов Н.В. Покатиловой связана с типологией взаимодействия устной и письменной традиций; с генезисом литературного текста и в связи с этим — с генетическим аспектом исторической поэтики; с изучением архаических форм стиха в якутской традиции; с исследованием жанровых трансформаций в фольклоре и в литературе, с проблемой авторства и эволюции повествовательных форм.

Н.А. Дьяконова активно участвовала в пропаганде олонхо, создании ЯРОО «Ассоциация Олонхо», в подготовке томов серии «Саха боотурдара». В 2007–2008 гг. в целях мониторинга за состоянием бытования фольклора, олонхо она побывала в составе трех экспедиций: в Верхоянском, Хангаласском улусах, в вилюйской группе районов. Сделала запись исполнения олонхо П.Е. Решетникова, Н.В. Осипова — Чоомуут, В.И. Иванова — Чиллэ [1, с. 38–39].

В.П. Еремеев записал в 1975 г. олонхо В.О. Каратаева «Эрбэхтэй Бэргэн», является автором ряда статей по эпическому творчеству олонхосутов [1, с. 40–41].

Молодые сотрудники сектора продолжают исследовательские традиции своих старших коллег. А.Н. Данилова — исследователь женских образов в якутском олонхо. Она изучает семантику именных формул, композиции эпосов, в которых главными героями являются образы богатырш. В 2014 г. вышла её монография «Образ женщины-богатырки в якутском олонхо». А.Н. Данилова занимается также публикацией текстов олонхо. А.А. Кузьмина изучает вилюйскую эпическую традицию. В 2014 г. была опубликована её монография «Олонхо Вилюйского региона: бытование, сюжетно-композиционная структура, образы». А.А. Кузьмина подготовила к печати тексты олонхо, справочник олонхосутов Нюрбинского улуса. Н.А. Оросина исследует таттинскую локальную традицию. В 2015 г. защитила кандидатскую диссертацию «Таттинская локальная традиция якутского эпоса олонхо: формы бытования, основные образы и мотивы». Н.В. Павлова специализируется по якутским волшебным сказкам. Однако область ее интересов охватывает и межжанровые связи сказки и олонхо [5].

Следует отметить бесценный труд лаборантов по сохранению и увековечиванию эпического наследия. Так, Л.Ф. Рожина с 1968 г. работает с архивными материалами.

Она — составитель фольклорных сборников «Ньыр-бакаан удьурдара», «Песни круговых танцев» и многих текстов олонхо. Н. С. Наумова расшифровывает и набирает тексты олонхо. Так, при её участии изданы около 10 текстов героических сказаний якутов.

Таким образом, сектор якутского фольклора с самого начала создания института, т.е. в течение 80 лет, занимается собиранием, публикацией и изучением якутского героического эпоса олонхо. В Рукописном отделе ИГИиПМНС СО РАН, фонотеке сектора якутского фольклора ИГИиПМНС СО РАН хранится большинство рукописей, аудиозаписей эпического наследия саха. Наряду с на-

учным исследованием якутского эпоса, сотрудники сектора также получили солидный опыт по изданию текстов олонхо. Проведение международных, всероссийских конференций по проблемам эпоса оказало положительное влияние на налаживание связей с фольклористами не только из других регионов России, но и всего мира. Создание ЯРОО «Ассоциация Олонхо» на базе нашего института, конкретно в нашем секторе (отделе), сыграло огромную роль не только в провозглашении якутского героического эпоса в ЮНЕСКО Шедевром Устного Нематериального и Культурного Наследия Человечества, но и в возрождении национальной культуры якутского народа в XXI в.

Литература:

1. Алгыстаах Айыы аартыгынан: ыйынныктар, ахтыылар/сост. А.А. Дмитриева, Р.Н. Николаева; отв. ред. С.Д. Мухоплева. — Якутск: Бичик, 2012. — 160 с.
2. Алексеев, Н.А. Миф о духе-хозяйке земли в якутском героическом эпосе // Алексеев Н.А. Этнография и фольклор народов Сибири. — Новосибирск, 2008. — с. 411–415.
3. Бурцев, Д.Т. Якутский эпос олонхо как жанр. — Новосибирск, 1998. — 85 с.
4. Героический эпос якутов «олонхо» // Архив ЯНЦ СО РАН. Ф. 4. Оп. 1. Д. 108. 304 л.
5. Данилова, А.Н., Павлова Н.В. Мотив оживления героя в якутских волшебных сказках и олонхо // Вестник Челябинского педагогического университета. — 2012 г. — № 8. — с. 216–225.
6. Емельянов, Н.В. Сюжеты олонхо о защитниках племени. — Новосибирск: Наука, 2000. — 192 с.
7. Емельянов, Н.В. Сюжеты олонхо о родоначальниках племени. — М.: Наука, 1990. — 207 с.
8. Емельянов, Н.В. Сюжеты ранних типов якутских олонхо. — М.: Наука, 1983. — 246 с.
9. Емельянов, Н.В. Сюжеты якутских олонхо. — М.: Наука, 1980. — 375 с.
10. Ефремов, П.Е. Долганское олонхо. — Якутск: Кн. изд-во, 1984. — 133 с.
11. Захарова, А.Е. Архаическая ритуально-обрядовая символика народа саха (по материалам олонхо). — Новосибирск: Наука, 2004. — 312 с.
12. Илларионов, В.В. Искусство якутских олонхосутов. — Якутск, 1982. — 123 с.
13. Илларионов, В.В. Якутское сказительство и проблемы возрождения олонхо. — Новосибирск: Наука, 2006. — 191 с.
14. Ксенофонтов, Г.В. 1) Древо жизни в якутских богатырских былинах (перевод из олонхо «Эр Оҕо Эрбийэ-лээн Боотур») на 13 л. Машинопись. 2) Якутские былины (героические саги) на 24 л. Рукопись // Архив ЯНЦ СО РАН. Ф. 4. Оп. 1. Д. 109.
15. Кузьмина, А.А. Олонхо Вилюйского региона: бытование, сюжетно-композиционная структура, образы. — Новосибирск: Наука, 2014. — 160 с.
16. Ларионова, А.С. Вербальное и музыкальное в якутском дьэирэтии ырыа. — Новосибирск: Наука, 2004. — 324 с.
17. Ларионова, А.С. Региональные особенности традиционных песен якутов // Г.В. Ксенофонтов: Возвращение к себе: сб. науч. ст. — Якутск: ИГИ АН РС (Я), 1998. — с. 100–104.
18. Мухоплева, С.Д. Самозаписи якутского героического эпоса-олонхо в дореволюционный период // Материалы III Международной научной конференции «Эпический текст: проблемы и перспективы изучения» (заочная, ноябрь 2010). — Пятигорск: Изд-во ПГЛУ, 2010. — с. 119–127.
19. Мухоплева, С.Д. Типы самозаписей олонхо советского периода // Северо-восточный гуманитарный вестник. — 2011. — № 2. — с. 112–119.
20. Никифоров, В.М. От архаического олонхо к раннефеодальному эпосу: история фиксаций и специфика интерпретаций. — Новосибирск, 2010. — 136 с.
21. Никифоров, В.М. Стадии эпических коллизий в олонхо. Формы фольклорной и книжной трансформации. — Новосибирск, 2002. — 208 с.
22. Нюргун Боотур Стремительный/текст К.Г. Оросина; ред., предисл. и коммент. Г.У. Эргиса. — Якутск, 1947. — 410 с.
23. Ойунский, П.А. Якутская сказка (олонхо), ее сюжет и содержание // П.А. Ойуунускай. Айымнылар, ахтыылар, этиилэр, ыстатыйалар, кэпсээннэр. — Сэттис том. — Якутск: Якут. кн. изд-во, 1962. — с. 128–194.
24. Пухов, И.В. Героический эпос алтае-саянских народов и якутское олонхо. — Якутск: Изд-во ЯФ СО РАН, 2004. — 327 с.

25. Пухов, И. В. Якутский героический эпос олонхо. Основные образы. — М.: Изд-во АН СССР, 1962. — 256 с.
 26. Сюжеты якутских олонхо, составленные Г. В. Ксенофоновым // Архив ЯНЦ СО РАН. Ф. 4. Оп. 1. Д. 107. 43 л.
 27. Эргис, Г. У. Очерки по якутскому фольклору. — М.: Наука, 1974. — 402 с.

Муза-Ахматова (на примере анализа цикла стихотворений М. Цветаевой «Ахматовой»)

Култышева Ольга Михайловна, доктор филологических наук, профессор;
 Бельков Антон Евгеньевич, магистрант
 Нижневартровский государственный университет (Тюменская обл.)

Цикл стихотворений «Ахматовой» Марина Цветаева посвятила Анне Ахматовой, которая являлась для молодой поэтессы примером для подражания, кумиром, образцом. В годы написания данного цикла Цветаева была романтически увлечена как её творчеством, так и её личностью. Марина Цветаева взяла на себя смелость назвать своего кумира Музой — творчество Ахматовой поспособствовало созданию ряда стихотворений.

Ключевые слова: муза-Ахматова, М. Цветаева, цикл стихотворений «Ахматова», лирическая героиня, лирический мотив.

В центре цикла стихов М. Цветаевой — романтическая личность, которая не может быть понята современниками и потомками, но и не ищет примитивного понимания, обывательского сочувствия. Один из образов, который является воплощением Музы в творчестве Марины Цветаевой, — это образ, обращённый к поэту-современнику А. Ахматовой.

Муза-Ахматова предстаёт перед читателем в разных версиях. В данной статье рассмотрим эти вариации.

В первом стихотворении цикла Цветаева называет Ахматову «Музой плача», тем самым подчёркивая глубокое душевное и лирическое начало, которое так важно для создания проникновенных стихотворений.

Цветаева настолько боготворит Ахматову, что готова отдать ей свои душу и сердце. Интересным здесь представляется то, что в качестве образа для таких сравнений у поэтессы возникают ассоциации с различными помещениями.

Область души и сердца, внутренний мир человека принимают реальные земные очертания благодаря их способности вмещать в себя множество не только эмоций, но и людей, дорогих и любимых «души в нас — залы для редких гостей» [12]:

Мы коронованы тем, что одну с тобой
 Мы землю топчем, что небо над нами — то же!
 И тот, кто ранен смертельной твоей судьбой,
 Уже бессмертным на смертное сходит ложе.
 В певучем граде моем купола горят,
 И Спаса светлого славит слепец бродячий...
 — И я дарю тебе свой колокольный град,
 Ахматова! — и сердце своё в придачу [1].

Поэтесса готова на все ради стихотворчества, она принимает Музу такой, какая она есть, в том числе и «смертоносной»:

Океаном ли правишь путь,
 Или воздухом — всею грудью
 Жду, как солнцу, подставив грудь
 Смертоносному правосудию [2].

Цветаеву настолько охватывает творческий порыв, что Муза одновременно и «прекраснейшая из муз», и в то же время она то, что причиняет душевную боль, и в данном случае она сродни музе-мучительнице Ахматовой. «О Муза плача, прекраснейшая из муз!» — в этом образе удивительно сочетаются два противоположных начала [11]. Парадоксальная, «двухцветная» характеристика выявляет двойственную природу воплощений:

О Муза плача, прекраснейшая из муз!
 О ты, шальное исчадие ночи белой!
 Ты чёрную насылаешь метель на Русь,
 И вопли твои вонзаются в нас, как стрелы [1].

Образ, явленный в таком драматическом ключе («шальное исчадие»), и вызывает двойное чувство: некую смесь восхищения, восторга и ужаса:

И мы шарахаемся, и гулко: ох! —
 Стотысячное — тебе присягает, Анна
 Ахматова!.. [1].

Чувство восхищения поэтом не останется бездейственным: оно рождает стремление одарить в ответ, в благодарность отдать поэту нечто бесценное, как его дар. Для цветаевской героини такая неразумная ценность — её родной город.

В певучем граде моём купола горят,
 И Спаса светлого славит слепец бродячий...
 И я дарю тебе свой колокольный град,
 Ахматова! — и сердце своё в придачу [1].

Казалось бы, что может быть больше такого безоглядного растворения в любви, столь ярко выраженной са-

моотверженной готовности отдать «сердце своё в придачу»? В 1921 году она напишет А.А. Ахматовой такие пронзительные слова: «Мне так жалко, что всё это только слова — любовь — я так не могу, я бы хотела настоящего костра, на котором бы меня сожгли» (из писем М. Цветаевой к А. Ахматовой).

Поэтесса как всегда неожиданно высказывает свои чувства. И если любовь предстаёт у М. Цветаевой в образе вечной и мудрой старухи, то плач, наоборот, теряет всю свою обыденность и возвеличивается, принимая образ страдающей, чёрной, но прекрасной женщины. Однако эта боль сладостна и приятна поэтессе:

Ах, я счастлива! Никогда заря
Не сгорала — чище.
Ах, я счастлива, что, тебя даря,
Удаляюсь — нищей,
Что тебя, чей голос — о глубь! о мгла! —
Мне дыханье сузил,
Я впервые именем назвала
Царскосельской Музы [3].

То, что даёт Муза Марине Цветаевой — это вовсе не легкая блаженная радость, это — бремя и тяжесть, поэту нелегко быть поэтом. В данном случае поэт сильно зависит от своей Музы, она им правит:

Что, на сердце вóроном налетев,
В облака вонзилась.
Горбоносую, чей смертелен гнев
И смертельна — милость.
Что и над червонным моим Кремлем
Свою ночь простёрла,
Что певучей негою, как ремнём,
Мне стянула горло [3].

В данной зарисовке даже портретно узнаётся цветаевская муза-кумир — А. Ахматова.

Муза Цветаевой — это могучий, яростный образ, который не постепенно и плавно приходит к поэтессе, а врывается бурей. Муза-Ахматова — мятежница:

Ты, срывающая покров
С катафалков и с колыбелей,
Разъярительница ветров,
Насылательница метелей,
Лихорадок, стихов и войн,
— Чернокнижница! — Крепостница!
Я слышала грозный вой
Львов, вещающих колесницу [2].

Стихотворение написано в форме обращения к А. Ахматовой. Поэтесса не называет её имени, а постоянно использует различные словосочетания: «разъярительница ветров», «насылательница метелей» и эпифору «чернокнижница». М. Цветаева очень образно объясняет, почему так подходит Анне Ахматовой подобная характеристика: и внешность её — чёрная-горбоносая, и пристрастие к книгам, и чудодейственная холодность и спокойствие её стихов.

Будет крылышки трепать
О булыжники!

Чернокрыльонька моя!

Чернокнижница!

Сравнение «чернокрыльонька» так же сочетает в себе, с одной стороны, образ А. Ахматовой (черные глаза и волосы), с другой — обтрёпанные крылья ахматовской «царскосельской музы».

Лейтмотивом сквозь цикл «Ахматовой» автор проводит образ Музы, которая отождествляется с великой всемогущей силой, причем зачастую — божественной.

В порыве восхищения талантом своей великой современницы и коллеги по поэтическому цеху Марина Цветаева в стихотворении «Златоустой Анне-всёя Руси...» изображает Ахматову в роли «златоустой» литературной царицы:

Златоустой Анне-всёя Руси
Искупительному глаголу, —
Ветер, голос мой донеси
И вот этот мой вздох тяжёлый <...> [4].

Надо обратить внимание на то, что данное стихотворение по своей форме и содержанию похоже на молитву-прошение, где Марина Цветаева пытается наладить невидимую, божественную связь со своей Музой (по форме данное стихотворение близко периодически появляющимся в творчестве Ахматовой жанрам молитвы и исповеди. В её поэзии есть стихотворения, которые так и называются — «Молитва» и «Исповедь»).

Для М. Цветаевой Ахматова была единственной достойной соперницей среди современниц, представлявших женскую лирику, в строках чувствуется восхищение и готовность признать её превосходство. М. Цветаева любила поэзию и всех её служителей, все талантливое в поэзии признавалось ей безусловно:

Ты в грозовой выси
Обретённый вновь!
Ты! — Безымянный!
Донеси любовь мою
Златоустой Анне — всёя Руси! [4].

Божественное проявляется и в стихотворении Цветаевой «У тонкой проволоки над волной овсов...». Проявляющий голос — это запредельный, магический голос, символизирующий Музу:

У тонкой проволоки над волной овсов
Сегодня голос — как тысяча голосов!
И бубенцы проезжие — свят, свят, свят —
Не тем же ль голосом, Господи, говорят [5].

В стихотворении «На базаре кричал народ...» Цветаева отождествляет образ Музы с Богородицей, прося помолиться за неё:

Помолись за меня, краса
Грустная и бесовская,
Как поставят тебя леса
Богородицей хлыстовскою [6].

Важно отметить, как именно приходит Муза, как она посещает поэта. Ещё в ранних стихотворениях Марина Цветаева сквозь волшебство детства слышала какие-то голоса. Однако если раньше они были сказочными,

еле уловимыми, то сейчас — это мощный и сильный голос, это зов.

Татьяна Елькина в статье, посвящённой анализу основных символов в поэзии Марины Цветаевой, характеризует образ «голоса» так: «Символ *голос* впервые появляется у Цветаевой в сборнике «Юношеские стихи» (1913–1915). Начиная с этого периода времени данный символ проходит через все её творчество, особенно же часто он появляется в цветаевских произведениях 1916–1918 годов, когда, как принято считать, начинается «настоящая Цветаева», то есть когда поэт выходит на новый уровень своего творчества и становится очевидным своеобразие цветаевского дара» [7].

Сама Марина Цветаева в статье «Поэт о критике» очень чётко сформулировала своё мироощущение и то, как она понимает и слышит звуки: «Все моё писанье — вслушивание. Отсюда, чтобы писать дальше — постоянные перечитыванья. Не перечтя по крайней мере двадцать строк, не напишу ни одной. Точно мне с самого начала дана вся вещь — некая мелодическая или ритмическая картина её — точно вещь, которая вот сейчас пишется. А я только восстанавливаю. <...>Верно услышать — вот моя забота. У меня нет другой» [8].

Так, сквозь весь анализируемый нами цикл стихотворений «Ахматовой» читатель слышит этот зов и другие звуки:

Я слышала грозный вой
Львов, вещающих колесницу [2].
Что тебя, чей голос — о глубь, о мгла!
Мне дыханье сузил<...> [3].
Этот голос может быть представлен в виде целого хора:
И спит, а хор её манит
В сады Эдема [9].

Литература:

1. Цветаева, М. И. «О Муза плача, прекраснейшая из муз!..» [Электронный ресурс] // Цветаева Марина Ивановна. Энциклопедическое собрание сочинений. — Режим доступа: <http://www.stihi-xix-xx-vekov.ru/cvetaeva47.html>, дата обращения 03.11.2015 г.
2. Цветаева, М. И. «Ты, срывающая покров...» // Цветаева Марина Ивановна. Энциклопедическое собрание сочинений. — Режим доступа: <http://www.stihi-xix-xx-vekov.ru/cvetaeva47.html>, дата обращения 03.11.2015 г.
3. Цветаева, М. И. «Охватила голову и стою...» // Цветаева Марина Ивановна. Энциклопедическое собрание сочинений. — Режим доступа: <http://www.stihi-xix-xx-vekov.ru/cvetaeva47.html>, дата обращения 03.11.2015 г.
4. Цветаева, М. И. «Златоустой Анне-всей Руси...» // Цветаева Марина Ивановна. Энциклопедическое собрание сочинений. — Режим доступа: <http://www.stihi-xix-xx-vekov.ru/cvetaeva47.html>, дата обращения 03.11.2015 г.
5. Цветаева, М. И. «У тонкой проволоки над волной овсов...» // Цветаева Марина Ивановна. Энциклопедическое собрание сочинений. — Режим доступа: <http://www.stihi-xix-xx-vekov.ru/cvetaeva47.html>, дата обращения 03.11.2015 г.
6. Цветаева, М. И. «На базаре кричал народ...» // Цветаева Марина Ивановна. Энциклопедическое собрание сочинений. — Режим доступа: <http://www.stihi-xix-xx-vekov.ru/cvetaeva47.html>, дата обращения 03.11.2015 г.
7. Елькина, Т. Т. Состояние творчества есть состояние наваждения. — Режим доступа: // <http://polit-nn.ru>, дата обращения 03.11.2015 г.
8. Цветаева, М. Поэт о критике. — Режим доступа: // <http://lib.ru>, дата обращения 03.11.2015 г.
9. Цветаева, М. И. «Ещё один огромный взмах ...» // Цветаева Марина Ивановна. Энциклопедическое собрание сочинений. — Режим доступа: <http://www.stihi-xix-xx-vekov.ru/cvetaeva47.html>, дата обращения 03.11.2015 г.

Это звучание выражено не только голосом, но может быть представлено природными, зачастую стихийными, звуками, такими как звуки метели, выюги, грома:

Ты чёрную насылаешь метель на Русь,
И вопли твои вонзаются в нас, как стрелы [1].

Или:

Гром моря и грозный зов
Раненой Музы [10].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что одним из первых воплощений образа Музы в творчестве Марины Цветаевой явилось конкретное лицо, поэтесса, творец, тайный вдохновитель — Анна Ахматова. М. Цветаева до определённой степени идентифицирует себя со своей героиней, наделяя её возможностью жизни за пределами реальных пространств и времён; трагизм её земного существования компенсируется принадлежностью к высшему миру души, любви и поэзии.

Образ Ахматовой многомерен и в чем-то напоминает лирическую героиню самой Цветаевой: она «разъярительница бурь, насылательница метелей», «чернокнижница», грозная, и кроткая, греховная и не подверженная изъяснам. Эта Муза не нечто неведомое, посещающее поэта, а одухотворённый голос, наделённый божественными свойствами, которому Цветаева молится и исповедается, как божеству. И в этом божественно-высоком образе, обладающем, тем не менее, портретными чертами Ахматовой, заключена пронзающая сила, порой демоническая мощь, в которой так нуждается Марина Цветаева. Это «Муза плача», она причиняет боль поэту и страдает сама («раненая Муза»), что также сближает её с Музой Н.А. Некрасова. В дальнейшем, этот мотив боли, плача и страдания перерастёт в желание пожертвовать всем ради творчества, которое и символизирует Муза.

10. Цветаева, М. И. «Сколько спутников и друзей!».. // Цветаева Марина Ивановна. Энциклопедическое собрание сочинений. — Режим доступа: <http://www.stihi-xix-xx-vekov.ru/cvetaeva47.html>, дата обращения 03.11.2015 г.
11. Култышева, О. М., Поротикова, Ю. В. Следы античной культуры в творчестве О. Э. Мандельштама и М. И. Цветаевой // Культура, наука, образование: проблемы и перспективы. — Материалы IV Всероссийской научно-практической конференции. — Нижневартовск. — 2015. — с. 427–430.
12. Култышева, О.М. В. Маяковский и акмеизм // Вестник Оренбургского государственного университета. — 2005. — № 9. — с. 82–90.

К вопросу о разновидности доминанты в художественной прозе

Лепина Юлия Владимировна, старший преподаватель
Пензенский государственный университет

Настоящая статья посвящена разновидности доминанты в художественной прозе. Феномен доминанта в последнее время привлекает все большее внимание не только психолингвистов, но и ученых самых различных специальностей. Небезынтересно также изучение доминанты в физиологии, биологии, психологии, социологии, практической педагогике, лингвистике, в современной психолингвистике, философии, функциональной грамматике и т. д.

Приведем различные толкования понятия доминанты:

«Доминанта (в переводе с латинского языка означает «господствующий, основной, главный») [Словарь терминов 2004: 120]. «Доминанта текста — уровень преобразования текста после перекодирования прочитанного содержания с помощью ключевых слов и смысловых рядов; этап качественного преобразования текста, когда мозг формирует сообщение самому себе, придавая ему наиболее удобную и понятную форму» [Словарь терминов 2004: 123].

«... доминанта — главная смысловая часть текста. Она выражается словами, на языке собственных мыслей, является результатом переработки текста в соответствии с индивидуальными особенностями читателя, выявления основного замысла автором, смыслового значения доминанты» [О. А. Андреев 1984: 88].

«... доминанта — «ядерное», сущностное значение из текста» [А. А. Леонтьев 1998: 56].

«... доминанта несет самостоятельную информацию, является индикатором основного смысла» [И. А. Зорькина 1999: 14].

Небезынтересно определение доминанты с точки зрения физиологии, и прежде всего имея в виду учения академика А. А. Ухтомского о доминанте. «Доминанта в физиологии господствующий рефлекс, которым трансформируется и направляется во времени, при прочих равных условиях, работа прочих рефлекторных дуг рефлекторного аппарата в целом» [А. А. Ухтомский 1986: 54].

Многочисленные подтверждения о принципах доминант А. А. Ухтомского можно найти и в практической педагогике: «...пока доминанта в душе ярка и жива, она

держит в своей власти душевной жизни. Все напоминает о ней и о связанных с нею образах... Доминанта оставляет за собой в центральной нервной системе прочный неизгладимый след. В душе могут жить одновременно множество доминант — следов от прежней жизнедеятельности...» [там же].

Не менее важно теперь привести несколько сугубо лингвистических определений доминанты, а в частности в аспекте планов содержания и выражения. На основе соотношения двух планов многие исследователи выделяют понятие доминанты, позволяющее максимально приблизить перевод к оригиналу и избежать различного рода «потерь». Иначе говоря, «доминанта — это конкретный элемент, который переводчик считает наиболее важным в тексте, которому он придает особое значение в передаче на другом языке идеи произведения» [М. М. Алексеев 1972: 80].

Вот, например, как определяет доминанту П. Тороп: «Я считаю, что доминанта имеет вполне объективный характер и должна вытекать из произведения, а не читательского (исследовательского) сознания или исторических условий» [Тороп 1995: 103].

С точки зрения П. Торопа, в процессе перевода доминанта как основа концептуальности переводческой деятельности может быть не только в произведении, но и в переводчике и в воспринимающей культуре. Но когда переводчик ищет и выделяет доминанту в подлиннике, возникающие расхождения будут относиться преимущественно к области интерпретации, то есть процессу, направленному на постижение собственно-содержательной стороны произведения, его идеи, концепции. Если же переводчик находит доминанту в воспринимающей культуре, — культуре читателя — то понимание им произведения, и в целом его перевод, складываются иначе: не из многообразия смыслов художественного содержания подлинника, а из круга традиций, форм, образов родной для читателя литературы.

Обратим особое внимание на следующие типы доминант, которые выделяют многие исследователи (В. П. Белянин, В. Г. Красильникова, А. Бондарко, Л. Н. Вьюшкова):

эмоциональная доминанта, функциональная доминанта, эмоционально-смысловая доминанта, «вторичная» эмоционально-смысловая доминанта, личностная доминанта, категориальная доминанта.

Остановимся более подробно на характерных чертах вышеперечисленных типов доминант.

Некоторые исследователи утверждают о наличии в любом тексте эмоциональной доминанты, «...в любом тексте присутствуют доминантные эмоции, степень их проявления обусловлена мотивом речевой деятельности, определяющим цель и интенцию автора. Эмоциональная доминанта имеет положительную модальность малой степени интенсивности...» [Л. Н. Вьюшкова 1984: 48].

Огромную важность функциональной доминанты признают многие исследователи (Ю. В. Ванников, В. П. Белянин). В. П. Белянин считает воспроизведение авторской доминанты необходимой: «адекватный (соответствующий замыслу) перевод художественного текста должен представлять собой переложение смысла текста с одного языка на другой при максимальной сохранности и содержания текста (его инварианта), и его коннотативно-эмоциональных особенностей... Если в переводе допущено искажение эмоциональной доминанты писателя, текст получает другую доминанту — доминанту переводчика — и в этом своем «коннотативном качестве» существует для читателя, не знающего язык оригинала». [В. П. Белянин 1988:18]

Особого внимания заслуживают работы В. П. Белянина и В. Г. Красильниковой о типологии художественных текстов по эмоциональной — смысловой доминанте. Ученый В. П. Белянин в своей работе выделил разные типы текстов — «светлые», «темные», «веселые», «печальные», «красивые», «сложные» на основе данных об акцентуациях сознания автора «...в роли организующего центра текста выступает его эмоционально — смысловая доминанта — «система когнитивных и эмотивных эталонов» [В. П. Белянин 1998: 54]. В свою очередь В. Г. Красильникова разработала программу, позволяющая выявить эмоционально — смысловую доминанту «... в тексте идет поиск лексических единиц, релевантных с точки зрения их принадлежности к тому или иному типу текстов. Затем их частотность в тексте сравнивается с общезыковой частотностью. Если общезыковая частотность превышена, лексическая единица заносится в одну

из групп: «веселые», «темные», «светлые» [В. Г. Красильникова 1998: 140].

Исходя из вышеизложенного представляется возможным сделать следующие выводы, что эмоционально — смысловая доминанта художественного текста потенциально негомогенна, что в значительной степени затрудняет представление ее в формализованном виде и машинную обработку художественных текстов с целью выявления личностной доминанты его автора; не все семантические компоненты, встречающиеся в художественном тексте, имеют в основе доминанту авторского сознания; личностно детерминированные семантические трансформации могут быть описаны в терминах концепции эмоционально — смысловой доминанты; несовпадение личностной доминанты автора текста и переводчика приводит к изменению эмоционально — смысловой доминанты текста при переводе или пересказе; характер изменения эмоционально — смысловой доминанты текста при переводе и пересказе неодинаков; при пересказе текст может приобрести новую эмоционально — смысловую доминанту; в тексте перевода доминанта оригинала сохраняется, однако текст приобретает дополнительные смысловые оттенки, это позволяет говорить о наличии в нем «вторичной» эмоционально — смысловой доминанте.

Рассмотрим следующий тип доминант — «категориальные доминанты текста», которые представлены в работах А. Бондарко. «... категориальные доминанты текста — это доминанты реальности или императива, нарративного временного плана или плана абстрактного настоящего, доминанты 1-го или 3-го лица и т. п.» [А. Бондарко 1976: 57].

Представляется очень интересным дифференциальный алгоритм выявления доминанты текста, предложенный О. А. Андреевым: нахождение ключевых слов; нахождение смысловых рядов текста; выявление ядерного значения содержания текста.

В заключении следует отметить, что доминанта во всех приведенных наблюдениях воспринимается как ядро текста, индикатор основного смысла. Очевидно то, что понятие доминанты в большей степени соответствует такому понятию, как ключевой элемент текста. Сохраняют ли доминанты в переводном тексте? Какова их вариативность? Полагаем, что поставленные нами вопросы требуют продолжения изысканий в этой области.

Литература:

1. В. Н. Ярцева и др. Словарь терминов, М, 2004
2. В. Н. Ярцева и др. Словарь терминов, М, 2004
3. О. А. Андреев О «новой реальности» языкознания // Филологические науки. — 1984. — № 4.
4. А. А. Леонтьев Основы психолингвистики, М, 1998
5. И. А. Зорькина Основы психолингвистики и теории коммуникации, М, 1999
6. А. А. Ухтомский Доминанта, М, 1986
7. А. А. Ухтомский Доминанта, М, 1986
8. М. М. Алексеев Лингвистика и психолингвистика: Пособие для преподавателей и студентов, Казань, 1972
9. П. Тороп Психолингвистические аспекты изучения текста. — М.: Наука, 1995

10. Л. Н. Вьюшкова Перевод и личностная интерпретация художественного текста, М, 1984
11. В. П. Белянин Психолингвистические аспекты художественного текста, М, 1988
12. В. П. Белянин Психолингвистические аспекты художественного текста, М, 1998
13. В. Г. Красильникова Психолингвистический анализ семантических трансформаций при переводе и литературном пересказе художественного текста, М, 1998
14. А. Бондарко Сопоставительный анализ оригинала художественного текста с точки зрения категориальных доминант, М, 1976
15. В. П. Белянин Психолингвистические аспекты художественного текста, М, 1988

Роль иностранного языка и способы его изучения

Максимова Мария Владимировна, студент
Северо-Восточный федеральный университет имени М. К. Аммосова

В наши дни английский является одним из господствующих языков мира. Однако не всегда владение английским считалось необходимым знанием. Мировой статус язык получил благодаря тому факту, что он стал родным для многих стран по всем континентам мира. «Экспортировать» его начали в 17 веке, и в первую очередь, в страны Северной Америки. Поэтому своей современной значимостью он обязан, прежде всего, небывалому росту населения в этом регионе.

Рассмотрим особенности английского языка, благодаря которым его по праву можно считать «языком мира»:

1) Простота

В древнеанглийском языке, как и в греческом, у слов существовала целая система окончаний, которые показывали грамматические категории числа, времени, лица, падежа, и т. д. Однако со временем система грамматических форм значительно упростилась, и сегодня у глаголов сохранилось лишь несколько окончаний, а, к примеру, прилагательные не согласуются с существительными грамматически.

2) Универсальность

В результате потери окончаний, за последние пять столетий английский язык стал очень универсален. Например, достаточно часто английское слово может переходить в другую часть речи без видимых изменений. Например, так произошло со словами swim, drink, kiss, smile. Мы можем сказать water to drink (вода для питья) и to water flowers (поливать цветы); time to go (пора идти) и to time a race (фиксировать продолжительность гонки); a paper to read (бумага к прочтению) и to paper a bedroom (оклеить обоями спальню). Прилагательные могут выступать в качестве глаголов: we warm our hands in front of a fire (мы согреваем руки у костра), а if clothes are dirtied, they need to be cleaned and dried (если одежда грязная, то её надо очистить и высушить). Предлоги также «удобны в применении». Например: A sixty-year old man is nearing retirement (Каждый мужчина, которому шестьдесят лет, приближается к пенсионному возрасту); we can talk about a round of golf (можем поговорить о партии в гольф).

3) Открытость словаря

Эта особенность английского языка подразумевает неограниченное заимствование лексики из других языков и лёгкость образования производных и сложных слов. В своё время многие языки поспособствовали созданию лексической базы современного английского. Однако сегодня этот процесс проходит уже в обратном направлении, хотя многие сторонники чистоты таких языков, как французского, русского, японского, стараются противостоять проникновению в них английских слов.

4) Будущее языка

По охвату территорий, на которых проживают носители языка, английский занимает первое место, а по количеству говорящих на нём — второе, после мандаринского варианта китайского языка. Это язык бизнеса, техники, спорта и авиации. В целом, политическая, экономическая, научная, спортивная жизнь всего мира «протекает» на английском языке. Английский определен официальным и рабочим языком Организации Объединенных Наций. Всевозможные саммиты и встречи глав государств, подписание законов и указов, переговоры и дебаты — все это проводится на английском языке. Международная торговля, работа банковской системы, деятельность транспортной системы на суше, на море и в воздухе осуществляется на английском языке. Этот язык является живым инструментом общения для академиков, докторов наук, ученых всего мира. Ведь международные конференции, изучение мирового опыта и обмен информацией научных умов происходит лишь с использованием английского языка. Да что там говорить — олимпийские игры и всевозможные соревнования между странами выбрали официальным языком именно английский.

Современный язык на британских островах вовсе не является статичным. Язык живет, постоянно появляются неологизмы, какие-то слова уходят в прошлое.

Однако отличие английского языка от многих европейских языков в том, что в Великобритании нет статичных норм. Наоборот, в большом ходу именно различные диалекты и наречия. Различаются не только произношение

слов на фонетическом уровне, но есть также и совершенно разные слова, обозначающие одно и то же понятие.

СМИ и члены правительства общаются на британском английском. Но самым популярным считается американский английский. Существуют и австралийский английский, и канадский английский и много других диалектов. На территории самой Великобритании в ходу несколько диалектов, на которых говорят жители той или иной провинции.

Как видим, английский язык сохранил свои традиции смешения языков и в наши дни.

Популярности английского языка весьма способствовала колониальная политика Великобритании, колонизация Австралии и Северной Америки.

После Второй Мировой войны возросло значение такой страны, как США, что также способствовало популяризации английского языка.

В современном мире интернет сообщество, люди науки и культуры в основном общаются на английском языке.

Точное количество людей, владеющих английским языком в наше время назвать затруднительно. Результаты различных исследований разнятся на десятки процентов. Называются цифры и 600 млн. и 1,2 млрд.

Людей, владеющих английским языком можно разделить на три группы: носители языка, для которых он является родным; билингвы, знающие его в качестве второго языка; а также те люди, которым приходится использовать его для практических целей (во время учёбы или работы). Каждый седьмой житель Земли относится к одной из этих трёх категорий.

Значение английского языка в современном мире настолько велико, что его знание не является привилегией и роскошью. Когда-то и компьютеры, так же как мобильные телефоны, могли себе позволить лишь люди определенного социального слоя. Сейчас такие вещи являются предметами первой необходимости. То же можно сказать и об английском. Его учат все и повсеместно: в школах, университетах, на курсах. Есть множество способов изучения иностранных языков. Для самостоятельного изучения Интернет предлагает нам широкий выбор учебных материалов, онлайн-курсов, приложений для смартфонов, обучающих каналов на Youtube, специальных социальных сетей и др. Кроме того, сейчас в каждом городе наблюдается рост количества языковых центров с квалифицированными местными, а также иностранными преподавателями. Подразумевается, что любой образованный человек просто обязан владеть английским языком, так как именно он является его ключом к дальнейшему самообразованию и самосовершенствованию. Поэтому сейчас существует так много организаций, предлагающих научить вас английскому. Однако не стоит думать, что сделать это так легко. Обучение любому языку является долгим процессом, который требует определенных затрат, как умственных, так и финансовых.

Поскольку развитие мыслительной деятельности является неотъемлемой частью процесса овладения

и родным, и иностранным языком, обучение не должно строиться только на механическом заучивании структур, словосочетаний, речевых образцов и правил. Реализация данной задачи на практике осуществляется посредством внедрения принципа когнитивности обучения. Одним из первых сформулировал прообраз когнитивного принципа обучения Лев Николаевич Толстой: «Нельзя насильственными объяснениями, заучиваниями и повторениями выучить учеников против их воли языку. Почти всегда непонятно не само слово, а вовсе нет у ученика того понятия, которое выражает слово. Слово почти всегда готово, когда готово понятие. При этом отношение слова к мысли и образование новых понятий есть такой таинственный, сложный и нежный процесс души, что всякое вмешательство является грубой, нескладной силой, задерживающей процесс развития... Но давать сознательно ученику новое понятие и формы слова... так же невозможно и напрасно, как учить ребенка ходить по законам равновесия. Всякая такая попытка не приближает, а удаляет ученика от предложенной цели, как грубая рука человека, которая желая помочь распуститься цветку, стала бы развертывать цветок за лепестки и перемяла бы все кругом». Психологические исследования и практика обучения показывают, что обучение протекает успешно, когда мозг создает свои собственные ментальные структуры, и он тормозит, если готовые структуры ему навязывают. Следовательно, необходимо не навязывать лингвистическое знание, а помочь ему родиться и развивать его. Родиться же оно может из потребностей в общении и самовыражении.

В таком случае изучение иностранных языков или их совершенствование через просмотр фильмов, сериалов на языке оригинала является одним из наиболее эффективных, потому что это изучение через восприятие. Сначала человек пропускает через свою голову множество правильных предложений, затем может воспроизводить их и строить свои собственные предложения. Данный способ можно разделить на несколько этапов:

0 этап — просмотр с переводом на родной язык. Этот этап можно назвать ознакомительным, так как здесь идет непосредственное знакомство с сюжетом. При желании и наличии определенного уровня знания изучаемого языка этот этап можно пропустить.

1 этап — просмотр с переводом на родном языке и субтитрами на языке оригинала. На данном этапе можно расширить словарный запас, улучшить грамматику.

2 этап — просмотр с переводом на языке оригинала и субтитрами на родном языке. Здесь идет привыкание к звуку иностранной речи, манере разговора героев, акценту.

3 этап — просмотр с переводом и субтитрами на языке оригинала. На этом этапе воспринимаются не только язык и отдельные слова, но и идет понимание того, о чем именно идет речь, одновременно запоминается правописание слов.

4 этап — просмотр на языке оригинала, без субтитров. Часто невозможно разобрать и перевести даже знакомые

слова в потоке речи, так как они не воспринимаются на слух. После этого этапа понять собеседника в реальной жизни будет намного легче.

Просмотр фильмов на языке оригинала как способ изучения иностранного языка повысит уровень знаний обучающегося. Так как чаще всего выбор в пользу такого

способа делается осознанно, польза будет существенной. Кроме того, фильмы позволяют выучить сленговые и неформальные слова, которых еще нет в словарях, и улучшить произношение.

Однозначно, английский язык является важнейшим средством коммуникации в современном мире.

Литература:

1. Аверина, Е. Д. Методы изучения иностранных языков — 2009, 127 с.
2. Левицкий, А. Э., Славова Л. Л. Сравнительная типология русского и английского языков: Учебное пособие. — Житомир: Изд-во ЖДУ, 2005. — 204 с.
3. Шевчук, Д. А. Методика изучения иностранного языка — 2014.

Художественные средства создания социальных типов в драме А. Н. Островского «Бесприданница»

Меденцева Наталья Петровна, ассистент

Ташкентский университет информационных технологий (Узбекистан)

«Бесприданница» — одна из наиболее значимых пьес А. Н. Островского. Над ее созданием он работал очень долго, стараясь «отделать самым тщательным образом». Островский хотел изобразить не просто типы, а углубиться до создания характера, личности. И это ему удалось. В 1878 году пьеса «Бесприданница» была представлена на сцене в Малом театре, а в 1879 году напечатана в журнале «Отечественные записки».

В семидесятые годы в социальной системе России наблюдались значительные перемены. Они, конечно, не могли не отразиться и на купеческой среде, которая была для Островского неисчерпаемым кладом тем для его пьес. Патриархальное купечество с его принципами, особыми понятиями о чести, устоями и традициями, уходило в прошлое. На смену ему стали приходиться новые дельцы, для которых погоня за прибылью оправдывала любые средства. В обществе стала происходить переоценка ценностей, которая очень тревожила передовых писателей того времени, так как эта переоценка была направлена не в лучшую сторону.

На фоне этих событий очень оправдано появление такого реалистического произведения, как «Бесприданница». Будучи реалистом, Островский сумел уловить веяния времени и пути развития различных типичных характеров эпохи. Более того, он сумел воссоздать их в своей драме с удивительной художественной и психологической точностью.

«Бесприданницу» можно назвать социально-психологической драмой. В теме поднята проблема взаимоотношений в обществе, пронизанном отношениями купли-продажи, где у «каждой вещи своя цена есть». Психологизм же заключается в том, что в такой исковерканной шкале ценностей «вещью» может стать и человек,

личность. А нежелание личности быть вещью и приводит к возникновению драматического конфликта.

Лариса Огудалова, главная героиня пьесы, оказывается в двойственной ситуации: обладая прекрасной внешностью, умом, музыкальным талантом и нравственными добродетелями, она сталкивается с ситуацией, когда все эти качества перечеркиваются отсутствием у нее приданого. Перед Ларисой два пути — или выбрать жениха из «маленьких людей», или стать содержанкой «больших дельцов». Лариса же, обманывая саму себя, отчаянно пытается схватиться за последнюю надежду. Она хочет выйти и за любимого, и за красивого, и за богатого Сергея Паратова. Но нельзя ее упрекать в расчетливости или наглости. Это было вполне естественным желанием девушки быть счастливой. Лариса искренне любила ... но как оказалось, не Паратова, а созданный ею романтический образ любимого. В реальности погоня за несуществующей мечтой приводит к трагическому финалу — смерти Огудаловой. И эта смерть становится для девушки «благодеем», потому что она самостоятельно не могла справиться, в принципе, с вполне банальной жизненной ситуацией.

Динамично развивающееся драматургическое действие (события происходят в течение одного дня) позволяет зрителю и читателю понять, насколько мучительно было душевное состояние героини, насколько остро она переживала сложившуюся ситуацию и как глубоко она ее обдумала.

Нарастанию душевного напряжения помогают и композиционные особенности пьесы. Композиция «Бесприданницы» организована классически строго. Первый акт — экспозиция и завязка, второй — развитие действия, третий акт (званный обед у Карандышева) — куль-

минация, четвертый акт — развязка (окончательное прозрение и гибель Ларисы). Линейная композиция драмы позволяет Островскому подчеркнуть мотивированность действий героев. Читателю становится ясно, что характеры и поступки персонажей обусловлены не только психологическими особенностями, но и социальной средой, теми «больными мозолями», которые каждый человек натирает, пытаясь карабкаться по социальной лестнице.

Система образов пьесы тоже весьма своеобразна. И это заметно уже в афише драмы. Островский выбирает для героев «говорящие» имена. Возвышенная натура — Лариса — по-гречески «чайка». Ушлый Паратов — от «паратый», т. е. хищный зверь. «Крупный делец» Кнуров — кнур, т. е. боров, кабан. Харита Игнатъевна от цыганского «пре-лестная». Оксюморонное имя жениха Ларисы — Юлий Карандышев (Юлий — имя императора, карандаш — значит коротышка) — указывает на несоответствие амбиций и возможностей персонажа. Значения всех этих имен находят логическое продолжение при раскрытии социально-психологических особенностей героев Островским.

Примечателен в системе образов герой Робинзон. Это единственный персонаж, которого автор не снабдил ремаркой. Это подчеркивает, что Робинзон метафорически давно уже превратился в вещь, которую один хозяин передает другому, не считая нужным считаться с ее человеческим достоинством.

Вообще авторские ремарки играют в «Бесприданнице» огромную роль. Они позволяют четче представить и внешность героев, и духовно-психологические особенности персонажей, и окружающую обстановку. Вспомним сцену приветствия в чайной Кнурова, который «не вставая с места... слегка кивает Карандышеву», не протягивая ему руки.

Магическим свойством обладает ремарка в начале драмы: «Действие происходит в настоящее время». И действительно, современность пьесы девятнадцатого века не утрачивается и в двадцать первом.

Литература:

1. az.lib.ru/Ostrovskiy/text_0190.shtml

Поразительна по своей напряженности финальная ремарка: «Громкий хор цыган». Зритель буквально физически ощущает одиночество Ларисы на чужом празднике жизни.

Но самое большое влияние на сознание и эмоции зрителей и читателей оказывает речь героев, их откровенные высказывания о себе. Лариса считает Паратова «идеалом мужчины», а тот заявляет, что в нем «ничего заветного нет». Лариса просит о дружеской поддержке Вожеватова, а тот уже дал «купеческое слово» (от слова купить). Лариса хочет сбежать от фальши, а Карандышев, так сказать, «истинное золото», отчаянно пытается влезть в светскую мишуру.

Конфликт в каждом диалоге, в душе героини, в сознании читателей и зрителей — и все для того, чтобы достучаться до общества, заставить его задуматься об истинных ценностях и приоритетах.

Даже смысл названия пьесы — «Бесприданница» — направлен на это. Островский ставит перед читателем вопрос: действительно ли настолько цепко любое социальное клеймо? Ведь заложницей социальных штампов становится не только Лариса, но и другие герои пьесы. Лариса не может выйти замуж за любимого, потому что она бесприданница. Но и богачи Кнуров, Вожеватов, Паратов не могут оторваться от своих клейм и жениться по любви! Они не могут получить в «приданое» истинную любовь и человеческое тепло.

Таким образом, по силе своего эмоционального воздействия, по масштабу тематики, по злободневности затронутых проблем и бесспорности художественной ценности, драма «Бесприданница» занимает достойное место в мировой литературе. Эта пьеса А. Н. Островского не утратит своей актуальности. Каждое новое поколение читателей непременно будет совершать для себя все новые и новые духовно-нравственные открытия, смотреть на мир сквозь призму творчества бессмертного драматурга.

Психологизм в рассказах Виктории Токаревой «Зануда», «Плохое настроение» и «Фараон»

Меденцева Наталья Петровна, ассистент
Ташкентский университет информационных технологий (Узбекистан)

Как известно, в жизни не бывает исключительно белых или черных тонов. Так и люди не могут быть носителями только положительных или отрицательных черт характера. Герои реалистических произведений всегда типичны для определенного времени и социальной среды.

Поступки их мотивированы окружающей обстановкой, воспитанием, моральными принципами.

Это, однозначно, понимает одна из самых ярких писательниц современности Виктория Токарева. В центре внимания писательницы — женщины, и проблематикой в ее

«женской прозе» являются судьбы прекрасной половины человечества и жизненные обстоятельства.

Тематика ее рассказов и повестей многообразна и многопланова. Токареву интересуют такие нравственные категории, как душевная неуспокоенность, потребность самовыражения, страх одиночества. Критики с уверенностью называют ее «мастером диалогов», а также рассуждают об ее умении создать неповторимый образ героини: «Виктория Токарева способна углубиться во внутренний мир человека, с осмыслением морально — этических проблем».

В рассказах «Зануда» и «Плохое настроение» действие разворачивается в банальных бытовых ситуациях. Развитие действия начинается с появления в Люсиной квартире занудного соседа Женьки, который, как и все зануды, «понимает все буквально».

До Женькиного визита в доме Юры и Люси царил порядок: супруги жили, как все. Они закончили институты, работали, по вечерам принимали гостей, не ругались и не ссорились. То есть по виду были вполне благополучной парой. Но появление прямолинейного зануды внесло переполох в душевное состояние Люси. Она вдруг поняла, что живет в атмосфере лицемерия и поэтому вынуждена сама лицемерить: «Люся обычно надевала короткое платье без рукавов — у нее были красивые руки и ноги, — в меру короткое и в меру без рукавов. Когда мужчины видели столько красоты и меры — признак искусства, они громко восхищались Люсей и говорили, что она красивая и талантливая. Люся верила и делала вид, что не верит».

Не сам по себе Женька изменил Люсин взгляд на мир, а резкий контраст между его поведением и поведением людей, окружающих Люсю дома и на работе. Перед молодой женщиной впервые так ясно встал вопрос: «А как же жить?» И путь занудства, и путь «вежливой лжи» кажутся ей одинаково неприемлемыми.

Вданный, конкретный момент девушке захотелось стать не «занудой», а просто откровенным и нужным человеком, рассказать все, что у нее накопилось на душе. Рассказывать долго, подробно, и чтоб ее внимательно слушали. Люсе не хватало искренней заботы и внимания со стороны мужа и друзей. В ее сердце проснулось сомнение в том, что она живет правильно. Но у читателя есть уверенность в том, что умница Люся справится с решением этой задачи и обретет гармонию с собой и окружающими.

Если героиня «Зануды» молода и только задумывается о неправильности устройства человеческих взаимоотношений в обществе, то Лариса, персонаж рассказа «Плохое настроение», испытывает это на себе «во всех прелестях». Банальный поход с простывшими детьми в поликлинику заканчивается дракой в гардеробе и душевной драмой. Уставшая, измотанная женщина с двумя детьми сталкивается с бездушными врачом Виктором Петровичем, сестрой — хозяйкой, гардеробщицей, по вине которых незначительная житейская ситуация — потеря номерка гардеробной — превращается в целую эпопею.

Но главная тема рассказа — не халатность медперсонала, а реакция женщины на развитие событий, ведь конфликт произошел не только по вине гардеробщицы, но и по вине «плохого настроения» Ларисы.

В конце рассказа автор заостряет внимание читателя на одной сцене: в ту же самую поликлинику приходит мама с младенцем. Ей тоже тяжело и неудобно, за коляску цепляется и тянется пеленка, ребенок тяжелый. Но молодая женщина не замечает этого: она поглощена своим материнским счастьем. При виде этой сцены умиляется сестра-хозяйка, наверняка, не нагрубит гардеробщицу.

Почему? Да потому что и сестра-хозяйка, и гардеробщица, и престарелая дама — все они тоже «токаревские героини». И их агрессию, как и Ларисину, вполне можно объяснить неудовлетворенностью жизнью. Как выясняется позже, сестра-хозяйка не может реализоваться как мать, у нее нет детей, а должность гардеробщицы — не вершина карьерной лестницы.

Ларису не устраивают отношения с мужем: «Скучно мне... Скучно... Была юность. Прошла. Была любовь к Прохорову. Прохоров остался, а любовь прошла... Пойти, в сущности, некуда. А было бы куда — не в чем».

Женщина находится в депрессии и ей кажется, что выхода нет, что ей тридцать лет придется тренировать в себе спокойствие старика, часами наблюдающего за червяком в огрызке яблока.

Но автор, Виктория Токарева, подсказывает ей чисто женский выход. Сцена безграничного счастья молодой матери, заигрывающей с младенцем — намек на то, что Лариса — не одинока. Женщина, имеющая детей, не может быть несчастной. А плохое настроение... пройдет.

Еще одним рассказом, который нам стоит рассмотреть в статье, на мой взгляд, является «Фараон».

Главный герой в нем мужчина, взрослый, состоявшийся, правильный, «прямоугольный, как пенал». Напоминает чеховского «Человека в футляре».

Фараон живет в придуманных им же рамках и пытается загнать в эти рамки остальных.

Но весь выдуманный им мир рушится по вине пятнадцатилетней девочки Лариски — «потомственной троеницы», не считающей нужным подчиняться глупым правилам.

Лариска была непосредственной, живой, по-женски дипломатичной.

Она вызвала смятение Фараона ... жареными огурцами: — Огурцы не жарят! — испуганно вскричал Фараон.

— Но ведь я жарю, — спокойно возразила Лариска и протянула тарелку, где лежали жареные огурцы с золотистой корочкой.

В строгий «мужской» мир Фараона ворвались «женские» аргументы Лариски. Женская непосредственность возвращает к действительности утопающую в забвении душу мужчины. Это пробуждение мучительно для Фараона и, возможно, будет долгим, но оно ему необходимо для обретения истинного смысла жизни.

Как видно, рассказы Виктории Токаревой глубоко психологичны. На сегодняшний день Виктория Токарева является признанным мастером «женской прозы». Её по-

вести и рассказы вызывают большой интерес не только у простых читателей, но и ученых — филологов, психологов, литературных критиков.

Литература:

1. Серафимов, В.Д. Практические материалы для подготовки к сочинениям, выпускным и вступительным экзаменам.
2. <http://www.litres.ru/viktoriya-tokareva>

Рыбный мир М. Е. Салтыкова-Щедрина

Ощепкова Анастасия Андреевна, студент
Тюменский государственный университет, Ишимский филиал

В «Повести о том, как один мужик двух генералов прокормил» ещё в самом начале дается отсылка к миру волшебной сказки — «Жили да были два генерала, и так как оба были легкомысленны, то в скором времени, по шучьему велению, по моему хотению, очутились на необитаемом острове» [6, с. 3]. В первых же нескольких строках возникает условная ссылка на уже рассматриваемый нами образ — образ Шуки из сказки «Емеля-дурак», однако между ними есть определенные различия. Если в сказке о Емеле-дураке Шука является героем-помощником, помогает главному герою преодолеть социальную несправедливость, выступает субъектом волшебства, то в «Повести...» образ шуки представляет собой нечто иное, — средство создания сатирического произведения. Если говорить более конкретно, то образ шуки изначально настраивает читателя на последующую абсурдность происходящего в произведении: в названии данной авторской сказки явно прослеживаются глубокая социальная тематика — тематика угнетенного крепостничества. Читатель настраивается на «серьезность» произведения, определенный стиль повествования, и возможно, на некоторое сходство сказки с бытовой, однако начало произведения заставляет его в корне переосмыслить первое суждение. Два человека большого звания, генералы оказываются на необитаемом острове по одному желанию рассказчика? Да, а рассказчик при этом, прибегая к образу шуки, открыто заявляет, что это желание далось ему довольно легко. Такое «заявление» привносит в сатирическую сказку фантастическое зерно, которое развивается в фантастические условия существования генералов, на фоне которых и показано их несостоятельность вне светского общества, беспомощность без мужика.

В другой сказке Салтыкова-Щедрина «Премудрый пескар» поднимается тема малодушия и трусости интеллигенции перед лицом свыше поставленных лиц и самодержавия. Мир людей переносится в мир рыб, реальность «переворачивается», что создает пародийность произведения. Исторически появление трусости и малодушия

интеллигенции объясняется разгромом народовольцев, принуждавших правительство к демократическим реформам, после которого начались казни, аресты и политические преследования интеллигенции. Страхом живет и главным героем сатирической сказки. Премудрый пескар — это дитя надломленной среды интеллигенции. Его родители «помаленьку да полгоньку аридовы веки в реке прожили и ни в уху, ни к шуке в хайло не попали. И сыну то же заказали. «Смотри, сынок, — говорил старый пескар, умирая, — коли хочешь жизнью жуировать, так гляди в оба!» [6, с. 18]. Отсюда можно сделать вывод, что пескар с детства воспитывался в атмосфере страха перед будущим и «вершителями» этого будущего, поэтому исход его жизни вполне закономерен. После смерти родителей молодой, но «премудрый» пескар, начинает «раскидываться своим умом» и анализировать ситуацию вокруг (политическое положение интеллигенции, состояние страны и её структур) и, напугавшись увиденного до смерти, ищет себе тихое пристанище, где его никто не сможет найти и проглотить живьем. Персонаж сказки роет себе нору дрожит в ней целыми днями, а ночью делает моцион, что делает его существование попросту абсурдным: заниматься прогулками для здорового образа жизни, чтобы умереть жалкой, но собственной смертью. Жалок он и в своих суждениях: высшее счастье для него — это прожить ещё один никчёмный день. Но, а где же высокие цели, интеллектуальный, присущий интеллигенции, труд? Всего этого нет. Герой типизирован, а через его трусость и социальную несостоятельность, очевидно, показано реальное состояние класса интеллигенции того времени, что и составляет пародийную сторону произведения.

Обратимся к природе самой рыбы, как основе ихтиологического образа. Пескар обыкновенно на протяжении всего года держится на местах с песчаным дном, а зимой и вовсе может зарыться в ил, отсюда и происходит его название. Следовательно, данным ихтиологический образ не является случайным, он важен для раскрытия и понимания сущности персонажа и произведения в целом.

Важно отметить, что в природе пескарь ведет дневной образ жизни и никогда не плавает ночью, а лежит неподвижно на дне. В сказке же природа рыбы «перевернута» с ног на голову, по средствам чего так же создается определенный комический эффект.

Рассмотрим другие ихтиологические образы сказки. В каждой упомянутой в произведении рыбе пескарь видит явную или потенциальную опасность. Рак (которого согласно традиции, продолжаемой от «Повести о Ерше Ершовиче» можно рассматривать как старосту) — может «клешней пополам перерезать», а водяная блоха (которую можно рассматривать как представителя низшего чина на государственной службе) — «в хребет впиться и до смерти замучить», даже в собственных собратях, пескарях, герой видит потенциальных врагов, которые в драку затянут и последнее, после рака и водяной блохи, отнимут. Но более всего герой боится щук. Щуки в сказке олицетворяют представителей высшего чиновничьего класса, которые только и желают что-нибудь проглотить. Они тоже так и норовят напасть на пескаря и даже караулят его у норы. Однако, к концу сказки, начинают понимать, что невозможно, и даже хвалят его следующим образом: «Вот, кабы все так жили — то-то бы в реке тихо было!»

Однако далеко не все рыбы считают существование пескаря жизнью, а его мудрецом. Некоторые говорят о нем так: «Слыхали вы про остолопа, который не ест, не пьет, никого не видит, ни с кем хлеба-соли не водит, а все только распостылюю свою жизнь бережет?», а другие и попросту называют его дураком и «срамцом», «и удивляются, как таких идолов вода терпит».

Как мы уже говорили, итог жизни пескаря вполне закономерен, и в конце сказки автор показывает нам ничемную, вровень самой его жизни, смерть. Персонаж умирает, выпадая из норы, погрузившись в «соблазнительный» сон, сон — отражение на подсознательном уровне всех его страхов, низменных желаний и жизненных заблуждений, несоотнесенных с реальностью: ему снится, как он выиграл двести тысяч рублей, вырос на пол-аршина, и что более удивительно — глотает щук. Смерть его крайне нелепа: он берег свою шкуру, чтобы умереть от старости, но на деле умирает невесть как. Рассказчик говорит о том, что пескарь просто исчез, однако подчеркивает, что ему неизвестна причина его исчезновения, и он лишь предполагает варианты развития событий: щука заглотила, рак клешней «перешиб» или же всё-таки умер пескарь своей смертью. Но, так или иначе, «смысл жизни» пескаря не оправдан: и своей смертью не умер, и ничего дельного не совершил, и не сыскал, как подобает интеллигенции, уважения в обществе.

«Вяленая вобла»

В сказке «Вяленая вобла» так же поднимается проблема, связанная с интеллигенцией — проблема ложных жизненных ценностей и убеждений. Еще из названия можно отметить, что центральным образом произведения является ихтиологический образ воблы. Особен-

ность данной рыбы, как биологического вида состоит в том, что осенью и зимой она обитает в море, а к весне перебирается в реки — иными словами путешествует. Так и в нашей сказке рыба «путешествует». Из привычной ей среды, она попадает в человеческие руки, которые вычистили ей внутренности и повесили вялиться (в процессе чего у нее выветрился мозг). Однако вобла этому только рада: теперь никаких лишних мыслей, чувств, а главное — совести. Если задуматься, то такое «путешествие» можно сопоставить с реальными путешествиями интеллигенции за рубеж, которые были обычным явлением для второй половины 19 века. Там же некоторые представители интеллигенции недалекого ума нахватывались «гениальных» идей, теорий, ехали на родину и пытались применить их на русской почве, что было невозможно, исходя только из одних различий в менталитете, культуре и политическом устройстве России и стран зарубежья. Так и вобла, приехав из «дальних стран», придумав свою философию — «Потихоньку да полегоньку, двух смертей не бывает, одной не миновать...», делает все, что ей угодно, лишь бы быть в жизни счастливой, и учит тому других. Более того, рыба на каждом шагу хвастает о своём «путешествии», своей философии, убеждая в своей правоте других. У нее даже появляются последователи, но все её идеи и убеждение — утопия, поэтому со временем из «торжествующей она превратилась в заподозренную, из благонамеренной — в либералку». Стала опасной и была ликвидирована: «...Один из самых рьяных клеветников ухватил вяленую воблу под жабры, откусил у нее голову, содрал шкуру и у всех на виду слопал...» [6, с. 46].

В другой сказке «Салтыкова-Щедрина» «Карась-и-деалист» мы сталкиваемся уже с тремя довольно яркими ихтиологическими образами: карася, ерша, щуки. Карась и ерш — либералы, они понимают необходимость преобразований, бесконечно беседуют на эту тему, однако их диспуты абсолютно безрезультатны, а значит и бесполезны, и ерш, в отличие от карася, это понимает. Понимает он и то, что карась безмерно идеализирует принципы либерализма: свято верит в возможность достижения всеобщего счастья, равенства, хотя сам совершенно не знает жизни и ведет себя крайне непоследовательно: возмущается щукой, но сам ест ракушек. Как итог трагичный исход: — персонажа проглатывает щука. Чем можно объяснить такое поведение карася? А объяснить его можно природой данной рыбы. Карась — очень живучая и уверенная в себе рыба. Он крайне непритязателен ни в местности обитания, ни в пище, поэтому спокойно может выжить почти в любой, на первый взгляд непригодной для жизни водной среде: в заросшем ряской илистом пруду или озере, промерзшем до дна водоеме. А рыбаками карась часто используется как приманка для ловли щук. Вот и в данной сказке рассматриваемая нами рыба проявляет свою излишнюю самоуверенность: пытается тягаться с самой щукой, которая в свою очередь символизирует сильнейших мира сего. Но это ему не по силам, ведь как ни крути он слабее и меньше щуки, а особой изворотливостью и умом он не обладает. Теперь

о ерше. Если говорить о нем в природе, то ерш — это истинный боец, который может вступить в борьбу даже с хищником сильнее его, однако в данном произведении он показан хоть и умной, но трусливой и пассивной рыбой. Характер этого персонажа не соответствует природе соотносимой с ним рыбы, что привносит некоторое разочарование в «ершах» — либералах эпохи XIX века. То есть, если природа караса соотносится с персонажем в произведении, то образ ерша раскрывается постепенно вместе с самой сказкой. Ещё один значимый образ — образ щуки. Он представлен достаточно традиционно: щука олицетворяет силу, творящую дела насильем. Щука — это собирательный образ самодержавия. Карась призывает щуку (самодержавие) измениться, встать на путь преобразований

и реформ, с целью достижения всеобщего равенства. Преобразования сводятся к тому, что рыбы не должны рыбами питаться. Для пищи есть другие виды: мухи, черви, пауки, водные блохи и т.д. То есть человек не должен поработать человека, может подумать читатель. Однако сам карась вводит его в заблуждение: как мы уже говорили он и сам ест ракушки (то есть пользуется плодами труда крестьян). Символично также поведение остальных рыб: они показывают свою социально-классовую лояльность: с подострастием спешат узнать, хорошо ли щука поужинать изволила

Таким образом, равенство в данной сказке на самом деле не нужно никому: ни ершу, ни щуке, ни другим жителям водоема, ни самому карасю.

Литература:

1. Бидерманн, Ганс. Энциклопедия символов [Текст]: энциклопедия/Общ. ред. и предисл. Свенцицкой И. С. — М.: Республика, 1996. — 335 с.: ил.
2. Гура, А. В. Символика животных в славянской народной традиции [Текст]/А. В. Гура. — Москва: Индрик, 1997. — 912 с.
3. Кулешов, В. И. История русской литературы XIX века [Текст]: учебное пособие для вузов/В. И. Кулешов. — М.: Академический проект, Трикста, 2004. — 800 с.
4. Сабанеев, Л. П. Рыбы России [Текст]// Соч.: в 8 т./Л. П. Сабанеев. — М.: ТЕРРА — Книжный клуб, 1998. — Т. 7. Кн. 1. — 384 с.: ил.
5. Сабанеев, Л. П. Рыбы России [Текст]// Соч.: в 8 т./Л. П. Сабанеев. — М.: ТЕРРА — Книжный клуб, 1998. — Т. 8. Кн. 2. — 576 с.: ил.
6. Салтыков-Щедрин, М. Е. Сказки [Текст]/М. Е. Салтыков-Щедрин; худож. С. Акимов. — М.: Худож. лит., 1980. — 112 с.

Анализ текстов А. С. Пушкина в свете составления полного электронного конкорданса писателя

Суровцева Екатерина Владимировна, кандидат филологических наук, профессор, старший научный сотрудник
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

Статья представляет собой переработанный текст доклада, прочтённого на XLVI Виноградовских чтениях («Виноградовская традиция в современном анализе художественного текста», Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, 12 января 2015 года). Искренне благодарим Николая Викторовича Перцова, доктора филологических наук, ведущего научного сотрудника отдела корпусной лингвистики и лингвистической поэтики Института русского языка им. В. В. Виноградова, за бесценные пожелания по доработке текста.

«Словарь языка Пушкина» является уникальным трудом, намного опередившим своё время. В то время, когда ещё не было компьютеров, его создатели осуществили полномасштабное сплошное исследование пушкинских текстов, причём такого уровня, который пока ещё не достигнут современной корпусной лингвистикой. Это исследование носит комплексный характер: установлен лексический состав пушкинских текстов, определены значения слов, проведён морфологический

анализ каждой из форм, в соответствии с выделенными значениями проведена семантизация каждого словоупотребления и на этой основе дана количественная характеристика не только слов и форм, но и значений (см. также [10]).

Однако плодами этого замечательного труда воспользоваться в полной мере достаточно трудно. Чтобы заложенная в нём информация стала доступной в полном объёме, нужно соединить текст, словарь и справочную ин-

формацию в единое целое, удобное для использования. Для этого необходимо программное средство особого типа. Таким средством является созданная и развиваемая в лаборатории общей и компьютерной лексикологии и лексикографии (ЛОКЛЛ) филологического факультета МГУ компьютерная информационно-исследовательская система «ИСТОК» [2; 3]. Она предназначена для самостоятельной работы с корпусами текстов, предварительно размеченным разным рода информацией. Работа может вестись в трёх режимах: в режиме конкордансов, полнотекстовом режиме и режиме просмотра справочных материалов.

Интеграция текстов и словаря в рамках единого корпусного продукта необходима не только для удобства использования уже имеющихся данных. Она позволяет более эффективно продолжать исследование пушкинских текстов. Перспективы дальнейшего лексикографического исследования языка Пушкина связаны прежде всего с расширением словника. Основной источник пополнения — тексты, которые не использовались составителями «Словаря языка Пушкина», то есть «История Петра» и «Заметки при чтении «Описания земли Камчатки» С.П. Крашенинникова» (нами используется издание [8]). Предварительный анализ этих текстов показал наличие в них большого числа незафиксированных в «Словаре» слов и вариантов. Ср., например, такие отсутствующие в «Словаре» единицы на букву *-а-*, как *альфа*, *анатомический*, *апробация*, *апроши*, *аптекарский*, *арестование*, *арифметический*, *армеец*, *астролог*, *астрологический*, *аудиенц-зал/зала*, *аудиенция*, *арьергардия*; оттопонимические прилагательные *алюторский*, *амстердамский*, *анадырский*, *ангутский*, *анзерский*, *архангелогородский*; варианты написания *апелляционный*, *апелляция* и др.

Сопоставление «Словаря» и текстов позволило также обнаружить достаточно большой, вероятно, сознательно пропущенный его составителями фрагмент художественного текста — это определение суда («Дубровский», глава 2). Он написан на «канцелярском» языке, но это, несомненно пушкинский текст, о чём свидетельствует предваряющая документ фразы автора: «Мы помещаем его вполне, полагая, что всякому приятно будет увидеть один из способов, коими можем мы на Руси лишиться имения, на владение коим имеем неоспоримое право». В «Определении суда» используются такие отсутствующие в «Словаре» слова и словосочетания из делового языка, как *регламент*, *окольный (житель)*, *опрос*, *палата суда и расправы*; *провинциальный секретарь*, а также *сложность* (в наречном сочетании в *сложности*: «...полагая с того времени в *сложности* ежегодно не менее 2000 р».) и др.

При сопоставлении «Словаря» и текстов постоянно возникает проблема разграничения «своего» и «чужого» слова. На наш взгляд, «чужое» слово можно разделить на следующие типы:

1. цитата — цитат у Пушкина довольно много — из других авторов, из народных песен и пр.;

2. перевод;

3. пересказ.

Авторам «Словаря» пришлось проделать огромную работу по определению того, что является «чужим». «Чужое» в «Словаре» не включалось, что вполне правомерно. Однако чужой текст является важной частью текста самого Пушкина, и его также нужно учитывать и делать доступным для пользователя в корпусе текстов. Из текста его не «вырвешь». Поэтому вопрос о способе представления фрагментов чужой речи в пушкинском тексте требует особого обсуждения. Очевидно, что эти фрагменты должны иметь специальные пометы, и пользователь должен иметь возможность получать отдельные конкордансы на них. Это может дать представление о «пассивном» лексическом составе языка Пушкина и уточнить значения, которые имели в языке первой половины XIX века лексические единицы.

Ср., например, следующий контекст употребления глагола *ширяться* в цитате из статьи Г.А. М-ва, приводимой Пушкиным, явно нуждающийся в исследовании: «*«Кто читал творения г-жи Сталь», продолжает г. А. М., «в коих так часто ширяется она и пр., тому точно покажется странным, как беспредельные леса и пр. не сделали другого впечатления на автора Корины кроме скуки от единообразия!» — За сим г. А. М. ставит в пример самого себя. «Нет! никогда», говорит он, «не забуду я волнения души моей, расширившейся для вмещения столь сильных впечатлений. Всегда буду помнить утра ... и пр.» — Следует описание северной природы слогом, совершенно отличным от прозы г-жи Сталь» (статья «О г-же Сталь и о Г.А. М-ве») [8, т. 11, с. 28].*

При анализе «чужого» слова у Пушкина мы столкнулись со следующими проблемами.

1. В некоторых случаях неясно, с чем мы имеем дело — с цитатой или пересказом. В качестве примера приведём два отрывка из исторических сочинений писателя.

[3] *Генерал-майор Нефед Никитич Кудрявцев, сын Никиты Алферьевича, пользовавшегося доверенностью Петра Великого, в чине поручика гвардии Преображенского полка, участвовал в первом Персидском походе; в царствование Анны Иоанновны сражался противу турков и татар, а при императрице Елисавете противу пруссаков; вышел в отставку при императрице Екатерине II. Тело его погребено в той церкви, где он был убит. (Извлечено из неизданного Исторического словаря, составленного Д.Н. Бантыш-Каменским.) («История Пугачёва», примечания к 7 главе) [8, т. 9, кн. 1, с. 115].*

В день Преполовения (того ж 1694 г.) оба царя были на крестном ходу по городской стене и потом обедали у патриарха. Петр расспрашивал патриарха о установлении сего хода и о других церковных обрядах. После обеда приехал он с боярами на пушечный двор и повелел бомбами и ядрами стрелять в цель. Он сам, не смотря на представление бояр, запалил

пушку — и, узнав, что поручик Франц Тимерман хорошо знает науку артиллерийскую, повелел его к себе прислать и уехал в Преображенское.

На другой день Тимерман был ему представлен. Петр взял его к себе в учителя — велел отвести ему комнату подле своей и с той поры по несколько часов в день обучался геометрии и фортификации. Он в рощах Преображенского на берегу Яузы повелел выстроить правильную маленькую крепость, сам работал, помогал Тимерману расставлять пушки и называл крепость Презбургом. Он сам ее атаковал и взял приступом. Потом в присутствии бояр сделал учение стрелецкому Тарбеева полку. Он осуждал многое в артикуле царя Алексея Михайловича (см. <Толиков> т. I, стр. 179). В доказательство он одному капральству велел выстроиться и сам скомадовал по своему. С той поры старый артикул был им отменен и новый введен в употребление.

(Крекишин.) («История Петра») [8, т. 10, с. 20].

2. В ряде случаев мы не можем точно установить границы «чужого» текста. Например:

Султан Ахмет III, с извещением о своем восшествии на престол, через посла своего жаловался Петру на построение крепостей: Троицка, Каменного Затона, Таган-Рога etc., как на нарушение договора. Петр в феврале давал послу публ.<ичную> аудиенцию, но ответ обещал отдать после.

<...>

Шерем.<етев> осаждал Дерпт. Петр послал ему 7 повелений с наставлениями, заключая одно из них своими словами: «Коли так не учинишь, не изволь на меня пенять». — 3 июня прибыл к Дерпту, недовольный медлительностью осады, переменил план оной, и 12-го июня в присутствии государя салдаты, прорубя палисад, взяли рavelин, взяли 5 пушек и, обратя оные к городу, разбили ворота и после 9 часов жестокого сражения вошли в город. Комендант сдался на условия, гарнизон отпущен без знамен и без ружий, но после Петр офицерам возвратил шпаги, а трети салдат ружья. Петр въехал торжественно в город, подтвердил жителям их права, освободив на (?) лет от повинностей etc. Пушек взято 132, великое число снарядов etc. На приступе мы потеряли 1 полковника, 16 оф.<ицеров> и до 300 унт.<ер-фицеров> и ряд.<овых>, да 400 ранено, у неприятеля побито до 2,000 — до 3,000 вышло (Голик.<ов> II — 134) («История Петра») [8, т. 10, с. 66–67].

Неясно, что какой именно кусок приводимого текста является цитатой либо пересказом — весь текст или его последний абзац.

3. Особого анализа с точки зрения разграничения цитат и пересказа заслуживает том «Рукой Пушкина».

4. На наш взгляд, представляется интересной работа по атрибуции переводов — кому они принадлежат: Пушкину, другому автору, автору, имя которого не удаётся установить.

Вольтер в своем *Siecle de Louis XIV* (в 1760) первый сказал несколько слов о Железной маске. «...» (статья «О железной маске») [8, т. 12, с. 28–29].

5. На наш взгляд, следует особо оговорить, что в бумагах Пушкина есть ряд материалов, составителями собрания сочинения писателя озаглавленных как «Материалы по Истории Петра». Первый («Abrégé chronologique des événements les plus remarquables du règne de Pierre le Grand») и второй («Копии четырех писем Петра фельдмаршалу В. В. Долгорукову») разделы материалов составляют копии рукой Пушкина; третья («Дела под названием Архив императора Петра I»), четвертая («Пребывание Петра I в Астрахани») и пятая («Библиографический список по эпохе Петра I, составлен для Пушкина бар. М. А. Корфом») рукописи писаны не Пушкиным.

Отдельная работа предстоит с французским текстом. «Основная цель словаря ... — служить пособием по изучению русского языка в его истории» [1, с. 304]. Но в языке Пушкина много иноязычных вкраплений [4] (см. также [6]) — в художественных текстах (Ср.: *Судьба Евгения хранила: / Сперва Madame за ним ходила, / Потом Monsieur её сменил* — «Евгений Онегин»), в статьях. Пушкину принадлежит множество писем по-французски. В художественных и исторических произведениях мы имеем дело не только с отдельными иноязычными словами, «вставленными» в русский текст, но и целыми абзацами, написанными на иностранном языке. Зачастую с французским текстом надо проводить ту же работу по выявлению «чужого слова», что и с русским. Например, в «Истории Пугачёва» есть цитаты на французском языке:

[14] *La victoire que Votre Altesse vient de remporter sur les rebelles rend la vie aux habitants d'Orenbourg. Cette ville bloquée depuis six mois et réduite à une famine affreuse retentit d'allégresse et les habitants font des vœux, pour la prospérité de leur illustre libérateur. Un poud de farine coûtait déjà 16 roubles et maintenant l'abondance succède à la misère. J'ai tiré un transport de 500 четверть de Karoale et j'attends un autre de 1000 d'Qrsk. Si le détachement de Votre Altesse réussit de captiver Pougatschef, nous serons au comble de nos souhaits et les Baschkirs ne manqueront pas de chercher grace.* (Письмо Рейнсдорка к кн. Голицыну, от 24 марта 1774.) («История Пугачёва», примечания к 5 главе) [8, т. 9, кн. 1, с. 112].

Анализируя «чужую» речь у Пушкина, следует обратить внимание на то, что в цитатах и непущинских переводах: 1. есть слова, которых нет в собственно пушкинском языке; 2. есть слова, которые есть и в собственно пушкинских текстах. Таким образом, мы подходим к разграничению активного и пассивного словарного запаса Пушкина.

С точки зрения текстологии представляется важным классификация всех текстов по тому, в автографе ли известен нам текст (автограф — «авторский рукописный

или машинописный текст» [5, стлб. 17]; анализом рукописей Пушкина занимается, в частности, В. Н. Перцев [7]) или в авторизованной копии (авторизация — «одобрение

автором текста своего произведения» [5, стлб. 18], существуют авторизованные редакции, когда автор одобряет корректуру своего текста, авторизованный перевод).

Литература:

1. Винокур, Г. О. Словарь языка Пушкина // Винокур Г. О. О языке художественной литературы. М.: Высшая школа, 1991. с. 297–317.
2. Кукушкина, О. В., Поликарпов А. А., Федотов В. В. Диск CD-ROM: КИИСа. Корпусная информационно-исследовательская система. Вып. 1. «Поэзия и драматургия Пушкина» и «Путеводитель по Пушкину». М.: Изд-во Моск. ун-та, 2006а.
3. Кукушкина, О. В., Поликарпов А. А., Федотов В. В. Читаем и исследуем. Работа с корпусами текстов с помощью информационно-исследовательской системы КИИСа: М.: Изд-во Моск. ун-та, 2006б.
4. Листрова-Правда, Ю. Т. Иноязычные вкрапления и язык А. С. Пушкина // Филологические записки. Выпуск 12. Воронеж, 1999.
5. Литературная энциклопедия терминов и понятий. Гл. ред. и сост. А. Н. Николюкин. М.: НПК «Интервак», 2003.
6. Макеева, Е. В. Заимствованная лексика западноевропейского происхождения в языке А. С. Пушкина. АКД. Нижний Новгород, 2009.
7. Перцев, Н. В. Об аутентичном факсимильно-транскрипционном представлении рукописей русских классиков // Филологические науки. 2015. № 1. № 75–94.
8. Пушкин, А. С. Полное собрание сочинений. В 19 томах. М.: Воскресенье, 1996–1997.
9. Словарь языка Пушкина: В 4 томах/Отв. ред. акад. АН СССР В. В. Виноградов. 2-е изд., доп./РАН, ИРЯ им. В. В. Виноградова. М., 2001.
10. Суровцева, Е. В., Кукушкина О. В., Поликарпов А. А. Использование «Словаря языка Пушкина» в создаваемом корпусе пушкинских текстов // Авторская лексикография и история слов. Материалы Международной научной конференции к 50-летию выхода в свет словаря языка Пушкина. М., 2013. с. 30–38.

«Письмо властителю»: итоги и перспективы изучения (на материале русской литературы XIX–XX веков)

Суровцева Екатерина Владимировна, кандидат филологических наук, профессор, старший научный сотрудник
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

Основная тема наших исследований — «письмо властителю», представленное двумя вариантами — «письмом царю» (XIX — начало XX века) и «письмом вождю» (XX век). Нами анализируются письма русских писателей во властные структуры и доказывается мысль о том, что эти тексты можно считать особым жанром, особой разновидностью эпистолярной литературы с присущими этой разновидности отличительными чертами и поджанровыми разновидностями [1; 2; 3].

В настоящий момент мы располагаем **следующим составом писем** (разумеется, в ходе работы над темой количество писем будет увеличено).

В рамках анализа жанра «письма царю» в XIX — начале XX века нами рассматриваются письма А. Пушкина, Н. Гоголя, А. Герцена, А. Грина, Ф. Достоевского, В. Короленко, Ф. Тютчева, Л. Н. Толстого, Н. Чернышевского, А. Чехова Александру I, Александру III (в том числе — в его бытность наследным цесаревичем), А. Булыгину, И. Горемыкину, М. Дондукову-Корсакову, Е. Ковалев-

скому, Д. Набокову, Николаю I, Николаю II, Н. М. Романову, императрице Марии Александровне, В. Муравьеву, В. Олсуфьеву, А. Орлову, К. Победоносцеву, К. К. Романову, П. Столыпину, Д. Толстому, С. Уварову, Ф. Филонину, а также в III Отделении. Общее количество писем — около 50.

В рамках анализа жанра «письма вождю» на материале русской литературы первой половины XX века анализируются письма А. Аверченко, А. Ахматовой, А. Богданова, М. Булгакова, Е. Замятина, М. Зощенко, Я. Ларри, В. Маяковского, А. Корнейчука, В. Короленко, Б. Пастернака, Ф. Раскольниковой, А. Толстого, А. Фадеева, М. Шолохова таким представителям власти, как В. Ленин, Х. Раковский, А. Луначарский, И. Сталин, Н. Бухарин, Ф. Дзержинский, А. Енукидзе, Е. Маленков, Е. Ярославский, а также Правительству СССР, ЦК КПСС. В общей сложности нами проанализировано около 70 писем.

В рамках анализа жанра «письма вождю» на материале русской литературы второй половины XX века

рассматриваются письма Г. Владимова, В. Войновича, В. Высоцкого, С. Злобина, В. Некрасова, Б. Пастернака, А. Солженицына, А. Твардовского, М. Шолохова, а также коллективное письмо 62 писателей таким представителям власти, как Н. Хрущёв, Л. Брежнев, Е. Фурцева, Г. Воронов, В. Степаков, П. Дёмичев, Ю. Андропов, А. Косыгин, Н. Щёлоков, а также ЦК КПСС, ССП, «вождям Советского Союза» — в общей сложности около 30 писем.

На наш взгляд, можно говорить о нескольких **жанровых разновидностях «письма властителю»**. Мы предлагаем выделить следующие из них: письмо-инвектива, письмо-декларация, письмо-памфлет, письмо-жалоба/просьба/оправдание, письмо-дифирамб/благодарность/творческий отчёт.

Письмо-инвектива содержит обвинения и даже вызов властям или более сдержанную по тону, но решительную критику существенных сторон деятельности властных органов и лиц с преобладанием гневных интонаций. В большинстве случаев авторы таких писем не затрагивают обстоятельств собственной частной жизни, во всяком случае, не сосредоточены на них. Их позиция — принципиальное инакомыслие (или выработавшееся постепенно в силу анализа внешних обстоятельств) или демонстративный разрыв некогда тесных связей, осознанный адресантом как трагический, но неизбежный. Другой тип писем, который мы условно назвали *письмом-декларацией*, содержит в достаточно развёрнутом виде разъяснения позиций автора по важнейшим мировоззренческим и (или) творческим вопросам (обычно это ответ оппоненту, отзыв на критику и т. д.), декларирует его политическое или писательское кредо, является для автора как бы программным документом. Нередко такие письма содержат также критику позиций оппонента или имеют целью отклонить навет, привлечь внимание к судьбе адресанта. *Письмо-памфлет* — жанр, по понятным причинам, редкий. Традиционная для памфлета экспрессия (в данном случае ирония и сарказм), лёгкость и краткость (почти лозунговость) слога, открытая тенденциозность близки дарованию сатирика. *Письмо-жалоба/просьба/оправдание* — такие письма обращены, как правило, к высшей инстанции, иногда — его ближайшим соратникам; в них обычно рисуется картина крайне трудных жизненных обстоятельств автора письма или тех, за кого он просит. *Письмо-дифирамб/благодарность/творческий отчёт* — мы анализируем в работе целый ряд эпистолярных текстов отчётливо дифирамбического характера, содержащих словословие по отношению к адресату.

В качестве промежуточного итога проследим динамику развития **жанровых подразновидностей «письма властителю»**.

Согласно нашим подсчётам, в рамках «писем царю» было создано 22 *письма-жалоб/просьб/оправданий* 5 авторами, в рамках «писем вождю» — 36 письма 11 авторами (и 1 письмо коллективное; 6 авторов с 20 текстами принадлежат первой половине века, 6 авторов с 15

текстами, а также коллективное письмо, — второй; отметим, что Пастернак и Шолохов обращались «наверх» и в первой, и во второй половине XX столетия). В XIX веке преобладают заступничества за других, в веке XX — жалобы на несправедливости по отношению к самим авторам писем. Таким образом, можно говорить не только о количественном преобладании писем-жалоб в советскую эпоху, но и о различии в тематике текстов. На наш взгляд, полученные данные обогащают представления о взаимоотношениях писателей и властителей в России и подтверждают существующую точку зрения, что советская цензура была значительно жёстче царской.

В рамках «писем царю» было создано 17 *писем-деклараций* 5 авторами, в рамках «писем вождю» — 13 писем 5 авторами (2 автора с 5 текстами принадлежат первой половине века, 3 автора с 8 текстами — второй). Количество авторов, обращавшихся к властителю с декларациями, в XIX веке и в XX веке одинаково, количество же самих писем в XIX веке превышает количество писем в веке XX. Обращает на себя внимание то, что в первой половине XX века количество писем-деклараций и авторов, их создававших, ниже, чем в XIX веке и во второй половине XX века. Думается, это можно объяснить тем, что возможность разговаривать с властями в сталинскую эпоху в подобном ключе была минимальная за всю историю русской литературы XIX–XX веков. Кроме того, в XX веке, в отличие от века XIX, письма-декларации всегда были связаны с необходимостью защитить себя от наветов.

Основной корпус *писем-дифирамбов/благодарностей/творческих отчётов* приходится на XX век, точнее, на его первую половину (в XIX веке написан только один текст данной жанровой подразновидности — следует отметить, что в этом письме выражалась благодарность за конкретное действие адресата и не содержалось ни философских обобщений о природе власти, ни мифологизации адресата; во второй половине XX века — не было создано ни одного подобного типа). Кроме того, в глаза бросается то, что почти все (а из проанализированных нами — все) письма-дифирамбы XX века адресованы И. В. Сталину. Нам представляется, что это связано с особенностями восприятия личности вождя. Он воспринимался как вождь партии, хозяин страны, вершитель судеб, высший судья, наделённый мистическими качествами, великий человек, мудрый правитель, чья миссия сближается с миссией поэта, добрый, справедливый человек.

В жанре «письма царю» было создано два *инвективных текста* двумя авторами. «Расцвет» писем-инвектив пришёлся на XX век. Видимо, причина этого в том, что Царь воспринимался как помазанник Божий, и независимо от политических пристрастий и отношения к личности конкретного правителя писателей, обращавшихся с письмами царям, к властям писали чаще в жанре писем-деклараций с изложением несогласия в каких-то вопросах, с разъяснением своей позиции, но это другая жанровая разновидность «письма властителю», имеющая совсем иную тональность. В XX веке содержательный

и эмоциональный спектр писем-инвектив менялся от решительной критики действий властей в письме «товарища писателя» начала 1920-х годов до обвинительной речи в адрес главного властителя в открытом письме ему конца 1930-х годов и 1960—1980-х.

Письма-памфлеты вождю были созданы на заре советской власти, когда цензура ещё была относительно мягкая, и на закате коммунистического режима, когда строгости сталинского периода были уже давно позади. Кроме того, наше исследование показало, что писем-памфлетов царю написано не было. Видимо, причина этого в том, что Царь воспринимался как помазанник Божий, и независимо от политических пристрастий и отношения к личности конкретного правителя писателей, обращавшихся с письмами царям, откровенно высмеивать власть было не принято.

Теперь обобщим наши наблюдения над **образом адресата** писем.

В XIX веке существовал особый канон, особые правила создания писем на монаршьё имя. Эти правила предполагали, в частности, верноподданический тон текстов, с каскадом смиренных извинений за дерзость и смелость и выражений «беспредельной любви» и «благоговейного уважения» к императорскому высочеству со стороны «благодарного и преданнейшего слуги». Целый ряд писателей в своих обращениях царям следовали этим канонам (А. С. Пушкин — Александру I и Николаю I, Н. В. Гоголь — Николаю I, Ф. М. Достоевский — Александру I, А. П. Чехов — К. К. Романову). Следует особо отметить, что для Пушкина, Гоголя и Достоевского соблюдение канонов не было лишь данью определённым правилам — требованиям слога, вежливости или чего-то ещё. Так, исследователи небезосновательно доказывают, что Пушкин и Гоголь были убеждёнными монархистами. На наш взгляд, именно в текстах Пушкина (в первую очередь), Гоголя и Достоевского отражён религиозный взгляд на природу власти. В случае с Чеховым мы не можем с уверенностью судить о его политических воззрениях, поэтому осмелимся предположить, что Антон Павлович при написании письма следовал существующей традиции, чтобы подчеркнуть своё уважение к адресату. Принципиально иная картина — в письмах А. И. Герцена Александру II и Н. Г. Чернышевского Александру II. В представлении Чернышевского император — это политический оппонент, а не Помазанник Божий. Это отношение к адресату выражено, в частности, и на формальном уровне посланий Николая Гавриловича — в виде несоблюдения существующих правил составления такого рода текстов. Не соблюдались правила и в письмах Герцена, для которого император — то персона, равная Христу, то кровавый деспот. Не соблюдались правила и в письмах Л. Н. Толстого — потому, что он обращался к царям то с официальными записками (мы имеем в виду письма-просьбы Александру III и Николаю II), то, если говорить о собственно письмах, как к подозреваемому, который должен оправдываться (Александр II), то как к простому человеку (пусть

и высокопоставленному) и христианину (Александр III), то как к сотоварищу, христианину и брату, которого обманывает лживое окружение и которому не лишне напомнить о христианском призвании (Николай II).

Анализируя первую половину XX века, мы получаем следующую картину. Можно условно отметить два психологических «полюса» образа адресата, персонифицированные соответственно Луначарским и Сталиным; с одной стороны, нарком просвещения, интеллигент, представитель «ленинской гвардии», писатель и критик; с другой — вождь партии, хозяин страны, вершитель судеб, лицемерный тиран. Однако отметим, что восприятие и Луначарского, и Сталина довольно разнообразно: Луначарский — большевистский министр, отвечающий за культуру и просвещение, а значит, проводящий политику огосударствления, — и писатель, человек, интеллигент; вместе с тем он «свой». Бесконечно многолик в письмах писателей «наверх» образ Сталина: это тиран, сатрап, высший судья, наделённый мистическими качествами, просто высокое официальное лицо, великий человек, достойный иметь личного писателя, мудрый правитель, чья миссия сближается с миссией поэта, добрый, справедливый человек, рачительный хозяин и дальновидный руководитель. Кроме того, среди адресатов писем есть и образ оппонента иного рода — это недоброжелательный оппонент, подающий идеи или личность автора письма в заведомо извращённом виде (Н. Бухарину и Е. Ярославский); образ Ленина, создающийся в письмах Аверченко, близок персонажу сатирической литературы.

Материал второй половины XX века даёт нам следующую картину: официальное лицо, последняя надежда на восстановление справедливости; официальное лицо, глава компартии (Хрущёв); человек, позорящий свою страну; бездарный графоман; человек, уклоняющийся от принятия решения (Брежнев); властолюбивое, держащееся за марксизм «лицо» (вожди Советского Союза).

В XX веке исчезает религиозное измерение власти, адресат — что и понятно — уже не мыслится как Помазанник Божий. Зато с наступлением советской эпохи адресат мог восприниматься как тиран (чего не было в XIX веке — при том, что отношение к конкретному царю могло быть самым разным). В XX веке появилось также отношение к адресату как к недоброжелательному оппоненту (в XIX веке адресат мог восприниматься как оппонент, но без отрицательной оценки), стало допустимо сатирическое осмеивание адресата. К царям значительно реже, нежели к вождям, обращались как к исключительно официальному лицу.

Диалог художника и власти — тема неисчерпаемая в российском контексте на протяжении всей истории существования русской литературы. Мудрая меценатствующая власть пыталась приблизить к себе «властителя дум», сделать максимально лояльным, превратить по возможности в своего летописца и даже одописца, нередко терпела «уроки царям», преподносимые великими писателями и мыслителями, слава и авторитет которых порой, действи-

тельно, «возносились выше... Александрийского столпа». Эпистолярный аспект темы позволяет выявить напряжённость взаимоотношений художника и власти в наиболее прямых, не опосредованных художественной обработкой форм, в «химически чистом виде», по словам Замятина.

В рамках одной темы речь шла о самых разных писателях с разной судьбой, с несхожими эстетическими установками и, наконец, с разным отношением к существующей власти и к существующей идеологии.

Письма, обращённые к царям и вождям России XIX–XX веков, вписываются в определённую эпистолярную традицию, кратко нами охарактеризованную, и очень разнообразны по своей тематике. Это бесценные документы, в которых отразилась история нашей страны и которые свидетельствуют о драматических судьбах и гуманизме их авторов. Это разноплановый материал с точки зрения жанра и стиля, что позволило нам рассмотреть его в данной работе как литературный факт эпохи. Осво-

ение эпистолярного наследия писателя, в том числе той его части, которая актуализируется в диссертации, значительно расширяет общее представление о его личности и творчестве.

В нашей работе представлен не весь материал такого рода: за рамками её остались аналогичные по жанру письма представителей иных слоёв русской интеллигенции: учёных, политиков, деятелей православной церкви и др. Эти документы заслуживают самостоятельного вдумчивого изучения.

Интересно также более подробно, чем это сделано в рамках данной работы, исследовать ту эпистолярную традицию, относящуюся в эпоху Древней Руси и XVIII веку, в которую мы вписали исследуемый материал: она богата и разнообразна.

Продолжением темы было бы выявление причин актуализации жанра на новом этапе и анализ современных модификаций образа адресата и адресанта.

Литература:

1. Суровцева, Е. В. Жанр «письма вождю» в советскую эпоху (1950-е — 1980-е гг.). М.: АИРО, 2010.
2. Суровцева, Е. В. Жанр «письма вождю» в тоталитарную эпоху (1920-е — 1950-е годы). М.: АИРО, 2008.
3. Суровцева, Е. В. Жанр «письма царю» в XIX — начале XX века. М.: АИРО, 2011.

The negative transfer of mother tongue rhetoric in Chinese ESL learners' writings

Xiaoji Sun Huijie

Foreign Language School, Changchun University, Changchun, 130022, China

Сяо Цзи, магистр, старший преподаватель
Чанчуньский университет (Китай)

Mother tongue rhetoric transfer is inevitable in ESL writings, especially for the Chinese ESL learners, since Chinese and English are quite different. The paper discusses the negative transfer of mother tongue rhetoric in Chinese ESL learners' writings from the perspectives of thesis statement placement, discourse cohesion and coherence, choice of diction, use of passive voice, and application of figures of speech, finding that the intensified cultural inputs and authoritative corpus imitation may be helpful in ESL writing.

Keywords: mother tongue rhetoric negative transfer ESL writing.

The statue quo of ESL writing teaching in China is far from being satisfactory, since most of the learners are under the influence of their mother tongue, especially the rhetoric habits. Having studied the compositions of some English majors in a provincial university in China, we found that most of the compositions could only convey the writer's ideas grammatically correctly, but the organization and the style of the passages are quite far from the standard of the native language.

1. Placement of the Thesis Statement

Thesis statement is supposed to provide the stance, the belief, or the point of view of the writer; or it states the purpose of the essay and conveys the central or main idea of the

text. It is decisive for the success of a passage. For native English writers, it usually appears at the beginning of passages, mainly due to their linear thought pattern and writer-responsible culture.

Linear thought pattern, according to Robert Kaplan (1966), is also referred to deductive thought pattern or general-specific thought pattern. It goes from general to particular, from abstract to concrete. Thus, by the thought pattern, a paragraph is usually linear in its development, beginning with a topic sentence, developing by a series of detailed sentences supporting the topic sentence by examples and illustrations, finally concluding by restating the topic sentence. Moreover, writer-responsible culture requires the writers to

put forward their opinions right at the beginning of their writings.

Unlike the explicit placement of the thesis statement in English writings, implicitness is a common feature of the thesis statement placement in Chinese ESL learners' compositions. Chinese ESL learners, due to their indirect thought pattern, are likely to spiral around and around the point without stating what it is or until the very end of the passage. Besides, brought up in reader-responsible culture, they hold that it is the responsibility of the readers to understand what the writers intend; readers are supposed to read between the lines.

However, for native English readers, they want to know the main point directly at the front, and the rest of the passage to be structured as a point-to-point argument to prove that the main claim or thesis is valid. So, most of them are not patient enough to read till the end to find the main point of the Chinese learners' writings, let alone the passages of which the thesis statements are implied, not clearly stated within the lines.

2. Discourse Cohesion and Coherence

English is a hypotaxis language, which emphasizes the completeness of form and clear logical relationship among sentences. The cohesion of English discourses is mainly achieved by means of conjunctions, relative pronouns, relative adverbs, etc.. Hence the coherence of English discourses is overt.

Quite different, Chinese is a parataxis language, in which conjunctions are much less frequently used than in English, largely due to the intuitional thought pattern of the Chinese culture. Thus the coherence of the discourses is covert, dependent on the understanding of the readers.

In the process of English writing, Chinese ESL learners are frequently under the negative impact of their mother tongue rhetoric habits, therefore their writings tend to be spoiled by the lack of cohesive devices, and appear to be logically unclear and hard to read for the native readers. For example: *Pollution has become a serious problem, we should take steps to control it.* It's no hard for Chinese learners to understand the sentence, which appears to be Ok in the parataxis Chinese, in which the logical relation between two clauses can be realized via their order in the sentence: the cause goes before the effect. While in English, the sentence is unacceptable because of the lack of conjunction to explicitly present the cause-effect relationship between the two clauses. Only when the two are connected with a conjunction, for example, since, can the sentence be a semantically cohesive one: *Since pollution has become a serious problem, we should take steps to control it.*

3. Choice of Diction

G. Leech recognizes seven types of meaning in his *Semantics* written in 1974: conceptual meaning, connotative meaning, social meaning, affective meaning, reflected meaning, collocative meaning and thematic meaning. He collectively calls connotative meaning, social meaning, affective meaning, reflected meaning and collocative meaning

associative meaning, which refers to mental connections that arise when conceptual meaning comes to mind.

Chinese and western cultures are different in folk custom, thought pattern, value and geographical situation. That may result in different associative meanings of a rational concept. Therefore, the failure in telling the differences will give rise to unsuccessful communication.

In both English and Chinese, animal names are frequently applied in the description of certain features of man or things for the sake of vividness and concreteness. However, not many animal names have the same or similar associative meanings in the two languages. One of the most typical examples is the contrast between «dragon» and «龙», which denote the same imagined creature but mean greatly differently. Since the ancient times, «龙», which embodies «power» «authority» «talent» and «good luck», has been taken as the totem of Chinese nation. It has far-reaching influence on Chinese culture and has become an indispensable part of it. The emperors were called «真龙天子» since they were believed to be the sons of the heaven; common people's great ambitions for their children is termed «望子成龙». Above all, the Chinese, abroad and at home, call themselves the descendants of «龙», that is «龙的传人».

Quite opposite, dragon, the English counterpart of « », is defined as a large fierce animal with wings and long tail, which can breathe out fire; what's more unacceptable for the Chinese is that in British English dragon is a synonym of the woman who behaves in a fierce and frightening way.

As a result, no matter how dragon is respected in Chinese culture, once it appears in English writings of the Chinese ESL learners, derogatory comprehension will be inevitably worked out, which is definitely contrary to the writers' original intention.

4. Use of Passive Voice

Chinese is a left-branching language which makes sentences from subordinate clause to main clause, that is, from old information to new information. Such a rhetorical habit may partly account for the deficiency of passive voice in Chinese students' writings. For example: 因为风太大, 我们必须推迟比赛。 «风太大» is the old information, and «推迟比赛» is the new. Due to the negative transfer of their mother tongue, Chinese learners are likely to work out the following translate: *Because of the strong wind, we must postpone the competition.*

English, on the contrary, is a right-branching language. Within a sentence, the main information is usually put at the beginning in the main clause to achieve eye-catching purpose and the minor information in the following subordinate clause. Therefore, English writers are much better at using passive voice which is used to prepose and emphasize themes. Hence, a better and acceptable translate is: *The competition must be postponed due to the strong wind.*

Apart from the above discussion, in English, subordination is more frequently used, while Chinese prefers coordination. That also can be a reason for the deficiency of passive voice in Chinese writings. For example: *The boys were shouting outside, and violently they broken down the*

gate. Such a coordinating expression is more often used in Chinese. To be native, a subordinating expression in passive voice is a better choice: *The gate was violently broken down by the boys who were shouting outside*.

5. Application of Figures of Speech

Figure of speech is an artistic use of language as a result of language development and improvement, for the purpose of understanding as well as emotional resonance in the process of communication. Many figures of speech are used in both English and Chinese. They are of the same tenors but with different words and phrases being employed for vehicles.

In China, bamboo shoots are used to compare to the things that appear quickly and in large amount. While in the Great Britain, where the geographic condition and climate are quite different from that in China, bamboos are not found but mushrooms. Hence, in English, mushroom is the vehicle, while its Chinese counterpart «bamboo» may result in confusion even nonsense.

Literature figures are frequently use in the figure of comparison as vehicles in both English and Chinese. In Chinese, he who returns kindness with gratitude is called wolf, an evil character in a well-known Chinese fable: Mr. Dongguo and the Wolf. The wolf killed Mr. Dongguo who saved him when he was in great danger. While in Aesop's Fables, snake takes the same part, who took a deadly bite of the farmer who put the snake in his bosom when it was almost frozen to death. Therefore, the Chinese proverb «子系中山狼，得志便猖狂» is «To put the snake in your bosom is just like to forgive your enemy» in which snake takes the place of «狼» (wolf).

Similar examples are also found in the use of synecdoche. For example, Chinese and English have different vehicles

for «livelihood». In English, the most frequently used dinnerware «fork and knife» and the indispensable food «bread and butter» are the substitutes for «livelihood». In China, «bowl» is the most popular container of food, which is supposed to be held in hand when people take meals. As for Chinese, if one has a bowl in hand, his «livelihood» is ensured. However, it must be perplexing for native English speakers to associate «livelihood» with «bowl», since bowl is a much less important participant of the European cuisine.

Chinese and western cultures are so different that the loves of Chinese may be the hates of English. In western countries, «old» is a taboo, which is rarely used to modify a person. So in their cultures old people are euphemistically called «senior citizens» to avoid being offensive. However, in China, where the old are well respected and cared, «old» is not a taboo. Put in front of one's family name to address him\her, it shows the friendliness and intimacy between the two sides of the conversation, e. g. 老王. When «old» goes after the family name, the addressee's rank and honor are clearly highlighted, e. g. 王老.

Rhetoric is indispensable for writing of all kinds. In the process of writing, foreign language learners are usually suffering the interference of their mother tongue rhetoric. How can we solve the problem of drawing the output of the foreign language learners as closely as possible to the target language? Firstly, a contrastive study on the differences between the two languages, especially cultural differences, is necessary. It requires the intensified inputs of the target culture to shorten the social and cultural distance. Besides, the authoritative corpus is suggested to be imitated to lessen the negative influence exerted by mother tongue.

References:

1. Bin Gao. The Contrastive Rhetoric Approach to Analyzing the Passive Voice Deficiency in Chinese College Students' English Compositions. M. A. Thesis. Hebei University of Science and Technology. 2010.
2. Chunmei Lu. A Study on the Influence of Western and Chinese Thought Patterns on English Writing — A Contrastive Discourse Analysis of English Essays Conducted by Chinese Students and American Students. M. A. Thesis. Northwest Normal University. 2013.
3. Jin Han. Contrastive Rhetoric-based College English Writing. M. A. Thesis. Central China Normal University. 2005.
4. Kaplan, R. B. Cultural Thought Patterns in Intercultural Education. Language Learning, 1966, (16): 1–20.

А. Н. Самойлович и хорезмская литература XIX века

Халлиева Гулноз Искандаровна, старший научный сотрудник
Узбекский государственный университет мировых языков (Узбекистан)

Халлиев Жасур Искандарович, преподаватель
Ургенчский филиал Ташкентского университета информационных технологий (Узбекистан)

В истории узбекской классической литературы XIX век считается эпохой Ренессанса — именно в этот период прослеживается развитие лирических жанров, со-здание и переписка множества богатых содержанием

исторических, прозаических, поэтических и переводческих трудов. К концу XVIII века узбекская литература приобрела новые черты. Она уже не была сосредоточена в Самарканде (как в XV в). Основными литературными

центрами становятся Фергана, Бухара и Хорезм. «Эпоха возрождения чагатайской литературы XIX века особенно богато расцвела в Хивинском ханстве, т.е. в Хорезме, выявляется выдающееся значение этой страны в истории культуры турецких народов вообще и в истории среднеазиатско-турецкого литературного языка в частности» [1] Эта эпоха в истории литературы Хорезма ценна поэтами как Мунис (1778–1844), Агахи (1809–1874), Камил Хорезми (1825–1899), Мирзо (1840–1923), Ахмед Табиби (1869–1910) Баяни (1840–1923) произведения которых по изяществу стиля, богатству языка и образов являются шедеврами узбекской классической литературы. Они воспитывались и творили в традициях великих классиков. Характерно также, что в этот период возникает потребность писать на двух языках и у поэтов, писавших только на языке фарси. Характеризуя население Хивы российский посол Н. Муравьев отмечал, что среди хивинцев встречаются немало людей способных свободно читать и писать на арабском и персидском языках [2]

Научно-художественный, просветительский расцвет Хорезма вновь вошедший в силу в XIX век, приобрел интерес и всестороннее изучение, не только со стороны отечественных ученых, также не оставил без внимания и российских востоковедов. А. Н. Самойлович разносторонний творческий деятель, тюрколог, один из ученых наиболее исследовавший Хорезмскую литературную среду XIX века. Но труды ученого в этой сфере почти не изучены. Эти сведения также остались в стороне, без должного внимания в недавно изданном томе избранных трудов А. И. Самойловича [3]. Назрело необходимость оценить по достоинству его вклад в изучении литературной среды Хорезма. Так как А. Н. Самойлович более интересовался неисчерпаемыми богатствами материалов по тюркологии, большей частью неизданных и не обследованных, в особенности рукописными сокровищами. Это говорит об актуальности и новизне данной статьи.

Нам известно, что по поручению СПб университета и Русского комитета А. Н. Самойлович несколько раз ездил в Среднюю Азию (это 1902, 1907, 1908, 1921 годы). Первый визит ученого был связан с ознакомлением образа жизни, деятельностью ремесленников, музыкантов, поэтов, природой края; последующие же непосредственно были связаны научными целями. В результате научных исследований выходит в свет цикл статей под названием «Материалы по средне-азиатско-турецкой литературе». Но, IV и VI части этого цикла статей посвященные литературной среде Хорезма остаются неизданными.

Последующие научные командировки А. Н. Самойловича в 1908, 1921 годы были связаны с изучением литературой Хорезма. В отчетных записях поездки вкратце излагается намеченные цели, наблюдения, новинки найденные во время путешествия, изучение рукописей и будущие планы.

Визит в Хиву, процесс знакомства с Хорезмской литературной средой продолжался с 17 мая по 26 июня 1908 года. В течении этого времени учёный знакомится с образом жизни населения, музыкой, языком и литературой, ремесленным хозяйством. Встречается с представителями литературных кругов Хорезма, с поэтами, писателями, государственными деятелями, как Мухаммад Расулбай Мирзабаши, Ахмед Табиби, Исламходжа, Мулла Джуманияз, Исфандияр Тура, Худайберган Деван. «Под руководством любимца хана одного из лучших современных хивинских поэтов Ахмеда Табиба я ознакомился с ханскими книгохранилищами и придворной литографией. Ныне ханствующий Сеид Мухаммед Рахим II (1844–1910) просвещенный покровитель хивинской науки и искусства, проявил полную готовность содействовать научному изучению его страны и открыл мне доступ также к своим собственным, личным книжным сокровищам» [4] А. Н. Самойлович благодарностью вспоминает о теплой встрече и созданной ему условиях для работы: по два раза занимается в обеих ханских библиотеках — в Арке и в Таза-баге, обращая главное внимание на тюркские рукописи, в последствии пишет о них ряд статей, но издать их не успевает.

«Мой краткий обзор хивинских придворных книгохранилищ показали сколь плодотворно оказались семена брошенные на хивинскую почву первыми литераторами XIX века» [5] В архивных данных описывается существующее в библиотеках число и виды рукописей (персидские, арабские, тюркские) и вкратце характеризуется их содержание, история изучения в России и Европе.

В течении ознакомления с литературной средой Хорезма, А. Н. Самойлович собрал редкостные данные по хивинскому диалекту, дворцово-литературному языку, образцам устного народного творчества. На основе этого публикуются ряд статей (1908–1910 годы), информирующие об истории этого периода богатый научными рассуждениями о этнографии литературы, устного народного творчества. Объем статей говорит о том, что поездка ученого в Хорезм была продуктивной, также свидетельствует о сборе и анализе ценных сведений имеющих важное значение для науки.

В Санкт-Петербурге исследуя труды и архивные данные А. Н. Самойловича мы стали свидетелями высокой одаренности ученого-востоковеда, знатока тюркологии: глубокого аналитика, академика имеющего свой неповторимый метод изложения. Неизданные научные исследования связанные с литературной средой Хорезма XIX века хранятся в рукописном отделе Российской Национальной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина. Архивные данные помогают шире представить картину литературной среды Хорезма, выявить новые факты в изучении научно-творческой деятельности ученого в полном объеме, также позволяет оценить выдающуюся роль российского тюрколога широкого профиля.

Литература:

1. А. Н. Самойлович К истории литературного среднеазиатско-турецкого языка // Сборник Мир Али Шир. Л., 1928.
2. Н. Муравьев Путешествие в Туркмению и Хиву в 1819—1820 годах гвардейского генерального штаба капитана Николая Муравьева Ч. I. М. 1822. — с. 137
3. А. Н. Самойлович Тюркское языкознание. Филология. Руника. М. 2005.
4. А. Н. Самойлович Краткий отчет о поездке в Бухару и Хивинское ханство командированного СПб университетом и Русским комитетом приват доцента А. Н. Самойловича 1908 году // ИРКСА. № 9. — с. 15—29.
5. А. Н. Самойлович Библиотека и литография его светлости Хана хивинского. Хивинская придворная книгохранилища и книгопечатня. Ханская библиотека в Хивинском замке (аркь) // РНБ Ф. 671, ед. хр. № 145.

Организация художественной картины мира автора-билингва (на материале языка Рамазана Трахо)

Хачак Фатима Долетчериевна, аспирант
Адыгейский государственный университет (г. Майкоп)

Художественная картина мира выражается через язык. В процессе познания мира писатель-билингв постоянно развивает ее картину. Она создается разными приемами и наиболее яркими являются мифологемы, образно-метафоричные слова. Автор-билингв становится ретранслятором традиций, обычаев своего народа, посредством творчества он доводит до читателей особенности развития этноса.

Ключевые слова: картина мира, лексические заимствования, мифологема, писатель-билингв, лексема, семантика, фразеологические единицы, этнос.

The organisation of the art picture of the world by the bilingual author (based on the materials of R. Trakho)

Khachak F. D.
Adygei State University, Maikop, Russia

The picture of world is formed up as a result of human interaction with the world. The author identifies the similarities and the differences in the methods of expression. The art picture of the world is presented as the especial model. Ramazan Trakho constantly compares the notion of the language and art picture of the world, saying that the process varies. Language and culture has their own keywords and each of them lives simultaneously together and far from each other.

Keywords: art and linguistic picture of the world, language signs, national character, communicative interaction

В результате деятельности человека происходит формирование модели, которая описывает человеческое бытие, именующееся картиной мира. Следует отметить, что наиболее полно и ярко картина мира выражается через язык. Объектом изучения лингвистики является языковая картина мира, так как ее экспонентом служит речь.

В лингвистике проблемой языковой картины мира занимались некоторые ученые (см. Г. А. Брутян, С. А. Васильев, Г. В. Колшанский, Н. И. Сукаленко, Е. С. Яковлева, М. Блэк, Д. Хаймс и др.). В настоящее время эта тема рассматривается в трудах Багирокова Х. З., Н. Д. Арутюновой, Ю. Д. Апресяна, А. Вежбицкой, Гишева Н. Т., В. Н. Телия, Н. Ф. Алефиренко и др. Согласно их определениям, языковая картина мира — ментально-лингвальное обра-

зование, запечатленная в индивидуальном или коллективном сознании и репрезентирующаяся средствами языка. Особенности лингвистической картины мира и ее природа обусловлены языком, поскольку он — важнейший способ формирования и бытования знаний людей о мире. Будучи способом выражения мышления и познания, язык является средством, замещающим в познании человека предметы, связи и отношения мира.

Элементами языковой картины мира являются концепты-информемы, единицы информативно-смыслового уровня. Экспонентом языковой картины мира служит этнический язык. Реконструкция языковой картины мира составляет одну из важнейших задач современной лингвистической семантики. Но языковую картину, свойственную

какой-то определенной нации, можно построить лишь из многих языковых картин отдельных авторов. Люди, говорящие на разных языках, могут иметь при определенных условиях близкие картины мира, а люди, говорящие на одном языке, — разные.

В картине мира взаимодействует общечеловеческое, национальное, социальное и личностное. Художественная картина мира отражает лишь отдельные аспекты действительности и ее можно исследовать на материале художественных произведений отдельных авторов. Она строится на нескольких уровнях: стилистическом, лексическом, композиционном, семантическом. Нам представляется интересным рассмотреть художественную картину мира на материалах произведений авторов — билингов, в том числе в текстах Рамазана Трахо. Так как билингв использует языковое выражение картины мира, навязанное более чем одним национальным мировоззрением, то в его произведениях можно увидеть некий синтез двух картин мира.

Феномен билингвизма уже давно рассматривается во многих отраслях наук. Ни один из исследователей не установил еще границы, согласно которым человек, в той или иной степени владеющий иностранным языком, может претендовать на звание билинга или, напротив, лишен навыков, которые давали бы ему это право. Многие ученые (см. Багиров Х. З., Верещагин Е. М., Гачев Г. Д., Караулов Ю. Н., Михайловская Н. Г., Паради М., Розенцвейг В. Ю., Туксаитова Р. О., и др.) отмечают, что «билингв — это индивид, понимающий и говорящий на двух языках, то есть человек, освоивший обе языковые системы и пользующийся ими как родным языком» [Paradis 1983, с. 216].

Нами предпринята попытка исследования художественной картины мира на примерах текстов Рамазана Трахо. Этот писатель был билингом, даже полилингом, поэтому в его художественных текстах тесно сплетаются языковые картины нескольких этносов. Были исследованы следующие произведения «Черкесы» (1956), «Убыхи» (1958), «Черкесская фольклористика» (1956), «Литература о Черкесии и черкесах» (1955), «Северный Кавказ как здравница СССР» (1955). В ходе анализа выбранных произведений были выявлены сходства и различия в способах выражения художественной картины мира, использованных автором-билингом.

Стилистическая принадлежность произведений весьма разнообразна. Трахо Р. в своих произведениях культивирует бесстрастное исследование особых, общезначимых срезов жизни, в его произведениях соединяются доступный стиль с высокой степенью метафоричности. В процессе познания мира писатель-билингв постоянно развивает, корректирует картину мира, и это происходит довольно быстро. Языковая картина мира изменяется медленнее, она консервативна и долго хранит архаичные элементы, которые послужат основой для создания новой картины мира. При этом языковая картина мира способна содержать в себе и устаревшие, и новые картины мира, что мы и наблюдаем в произведениях Трахо Р.

В произведениях писателя-билинга прослеживается четкая последовательность повествования, изложения исторических фактов. В то же время все тексты объединены общей идеей — зафиксировать мельчайшие подробности исторического хода событий и оформить их словом. Говоря о лексическом уровне, следует отметить выбор автором разноплановой лексики. Например, у всех писателей можно выделить общую черту-употребление заимствований как из немецкого, так и из английского языков. (Это им не помешало, однако, послать делегацию в Москву в 1603г (Черкесы, 1956, с. 49) (делегация-нем. Delegation-посольство или комиссия, данная кому узнать какое дело или судить о чем и действовать именем пославшего его) [Епишкин, 2010]. Слово «делегация» — заимствование из немецкого языка, можно было заменить русским словом — ходоки, послы. (В то время, когда органы ОГПУ расправлялись с восставшими и их семьями, коммунистическая пропаганда кричала о великих успехах индустриализации страны и коллективизации сельского хозяйства (Черкесы, 1956, с. 49), (пропаганда — (от лат. propaganda — подлежащее распространению) распространение политических, философских, научных, художественных и других идей в обществе; в более узком смысле политическая или идеологическая пропаганда с целью формирования у широких масс населения определенных взглядов (Большой Энциклопедический словарь. 2000). Слово «пропаганда» можно было заменить словом убеждение, идея.

В тексте повести часто встречаются реалии другой культуры (В 1845 году грандиозный поход Даргин закончился полным фиаско (ит. *fiasco*) — провал, полная неудача);...они ворвались в домены (фр. *domaine*) — область; единица структуры, владения короля или владение какого-либо феодала в Средние века) абхазских князей и в мае они атаковали десант (франц. *descente* войска (силы), предназначенные для высадки (выброски) носителей для выполнения определённых задач) российских войск. Кроме вышеперечисленных лексических заимствований (генерал — (нем. *General*, от лат. *generālis* — «главный»; эфенди — (тур. *efendi*); эмиссар — от лат. *emissarius* — посланец; и т. д.), следует отметить и культурные составляющие анализируемого концепта.

Характеризуя лексический уровень произведения, отметим, что текст насыщен терминами и вся картина мира передана через доступную обыкновенному читателю лексику. Пожалуй, единственной сложностью для не говорящего на русском языке читателя является большое количество заимствований, начиная с имен собственных и заканчивая реалиями, свойственными турецкой и другим кавказским культурам. «Они (убыхи) решили вопреки национальным обычаям, не отправлять домой убитых и раненых» (Убыхи, 1958, с. 175). В каждый (округ) район назначились муфтий, кадий, а также мухтар (старшина, староста — Т. Р.) под названием Заптие (жандарм — по турецки) или начальник службы общественного порядка (Убыхи, 1958, с. 174)».

Употребление заимствований играет особую роль в построении авторской художественной картины мира не только на лексическом, но и семантическом уровнях. Для исследования семантического уровня художественной картины мира произведения был выбран концепт «любовь к Черкесии» (С самого начала, Хаджи-Берзег не ограничивал себя в защите территории, где проживали убыхи, и намеревался организовать совместное сопротивление всех соседних народов и племен (Убыхи, 1958, с. 164). Возможно, этот концепт является основополагающим для произведений «Черкесы», «Убыхи», поскольку на каждой странице можно заметить авторскую отсылку к истории, адыгской культуре (Племена «убыхи» населяли Черноморское побережье Кавказа от реки Шах до реки Хоста (Хамыш). На востоке они граничили с Джигетс (Садзи и Ахчипсоу, абхазскими племенами, населяющими в настоящее время нынешние Гагры и Сочи и на западе с шапсугами, чья территория простиралась вдоль моря до реки Пшада (Убыхи, 1958, с. 161). В первую очередь, повторим, это русские наименования топонимов.

Для автора важна именно «русскость» наименований, поэтому можно заметить, что на протяжении всего текста произведения, они имеют аналоги с именами в русском языке (...штурмовали и захватили четыре укрепления, Лазаревское (адмирал Лазарев М.П. — Х. Ф.), Головинское (генерал Головин Е.А.-Х. Ф.), Вельяминское (генерал Головин Е.А.-Х. Ф.) и Михайловское (генерал Михайлов М.Н.-Х. Ф.), (Убыхи, 1958, с. 164). Трахо Р. нередко обращается к теме России и русской культуры, рассматривая ее через призму адыгской, много внимания уделяя реалиям русской истории и культуры. События в его повестях разворачиваются на большой территории (от Кавказа до Турции) и охватывают длительный период времени. Влияние русской культуры на творчество Трахо Р. проявляется особенно четко. Это подтверждает тот факт, что частично действие романа происходит в Российском государстве, а герои имеют или получают русские имена (С нею едут и черкесские князья, жившие в Москве: Иван Башик и Василий Сибок (Сибок Каншаук в крещении Василий) (Черкесы, 1956, с. 10).

Для воссоздания художественной картины мира автор использует не только русские имена собственные, но и географические названия, передающие топонимику России: «Они также воевали на Кубани, где и пришли к ответу апеллировать Шапсугам, Натухайцам и Абадзехам (этноним) принять участие в рейдах по Георгиевско-Афонскому и Алексеевскому (антропотопоним) крепостям, построенным Генералом Эммануэлем летом 1830» («Убыхи», 1958, с. 162). Концептуальная система каждого автора, выраженная на семантическом уровне, тоже носит индивидуальный оттенок. Именно на формирование концептов повлияли обе родные для авторов языковые картины мира. Исследованные концепты выражаются при помощи способов, свойственных как немецкому (например, через лексику), так и русскому языкам (особая семантическая наполненность).

Кроме того, для стиля Трахо Р. характерен легкий оттенок разговорности, чаще присущий русским авторам. Таким образом, в тексте можно найти слова, которые в словарях идут с пометкой «разговорное». Употребление таких лексем способствует оживлению описываемой ситуации, и эта «живость» передается также за счет применения разнообразных стилистических приемов. (Таким образом, благодаря дипломатическому экивоку, Россия присваивала себе право иметь свободные руки в отношении Кабарды (Черкесы, с. 50) (экивоки — [франц. *équivoques*] Неодобр. Двусмысленные намёки, недоговорённости или уловки, увёртки, ухищрения) [Епишкин, 2010]. Слово «экивок», заимствованное из французского языка, относится к разговорному стилю. Во французском языке есть слова «*avant-garde*», «*arrière-garde*», которые использует Трахо Р. «После осмотра, команды подразделялись в авангард и арьергард» (Убыхи, 1958, с. 163). Таким образом, можно заметить, что данное слово преимущественно относится к одушевленным лексемам, а в нашем конкретном случае это словосочетание употреблено с лексемой, которая не является одушевленной. Это говорит о том, что перед нами олицетворение.

Синтаксис произведения достаточно прост и не перегружен подчинительными и сочинительными предложениями. Текст произведения не лишен эмоциональной окрашенности: (К сожалению, для будущего успеха убыхов другие черкесские племена, включая абадзехов, вели себя пассивно во время этой борьбы, так что только шапсуги натукайцы поддержали восстание.) («Убыхи», 1958, с. 166), что делает авторскую художественную картину мира очень насыщенной. Для этого Р. Трахо использует такой прием, как комментарий автора: «Черкесы создали Меджлис (парламент — Т. Р.) о создании которого направили консулу Великобритании в г. Сухум (с. 174). «Для исполнения указания окружного мехкаме (суда — Т. Р.), это сбор доходов и введения налогов, наблюдения администрации во всех случаях, чтобы доходы превышали расходы и благодаря Аллаху великий Меджлис Черкесской свободы в управлении землей всегда должен выполнять свою миссию» (с. 175). Автор насыщает текст известными в России именами, воинскими званиями, такими как: (генерал-майор Гесе; генерал Н. Дубровин; генерал Раевский; граф Чернышев; генерал Засс; генерал Граббэ и т.д.). За каждым именем в русской лингвокультуре стоит целая история, все эти факты придают художественной картине мира Трахо Р. неповторимый колорит, который в данном случае будет понятен не каждому читателю, живущему за пределами России.

Нет прилагательных, нет любования своей родной страной в этом произведении, только сухая констатация фактов в наименовании объектов: в долине Сочи; устье рек Шахе и Вардане; деревья близ Сухум-Кале; в лесах Ичкерии [«Убыхи», 1958, с. 161–178]. Фразеологизмы играют особую роль в создании языковой картины мира в художественных текстах Р. Трахо. Они — «зеркало жизни нации». Природа значения фразеологических единиц тесно

связана с фоновыми знаниями носителя языка, с практическим опытом личности, с культурно-историческими традициями народа, говорящего на данном языке. (Стоит только приблизиться врагу к стране нартов, как стар и млад, все выходят на поле битвы (Черкесы, 1956, с. 45). Фразеологизмы приписывают объектам признаки, которые ассоциируются с картиной мира. Своей семантикой фразеологические единицы направлены на характеристику человека и его деятельности: удар клином, карательный поход, сошло на нет, военная операция [«Убыхи», 1958, с. 161–178]. Значение целого ряда базовых слов и фразеологических единиц сформировалось на основе антропоцентрического понимания мира — покинуть заседание в знак протеста, голова колонны, прибрать к рукам, на каждом шагу, зря времени не тратили и др. Такие номинативные единицы создают культурно-национальную картину мира, с их помощью Трахо Р. отражает быт и нравы, обычаи и поведение людей, их отношение к миру и друг к другу.

Языковая картина мира создается разными красками, наиболее яркими, с нашей точки зрения, являются мифологемы, образно-метафоричные слова, коннотативные слова и др. Наше миропонимание частично находится в плену у языковой картины мира. Каждый конкретный язык заключает в себе национальную, самобытную си-

стему, которая определяет мировоззрение носителей данного языка и формирует их картину мира (Убыхи разработали технику троянского коня в захвате крепости Лазаревское) [«Убыхи», 1958, с. 165].

Таким образом, одна из интереснейших концепций, объясняющих связь языка и культуры, принадлежит В. Гумбольдту, который считает, что национальный характер культуры находит отражение в языке посредством особого видения мира. Язык и культура, будучи относительно самостоятельными феноменами, связаны через значения языковых знаков, которые обеспечивают онтологическое единство языка и культуры. У каждой культуры — свои ключевые слова. Чтобы считаться ключевым словом культуры, слово должно быть общеупотребительным, частотным. Следовательно, каждый конкретный язык представляет собой самобытную систему, которая накладывает свой отпечаток на сознание его носителей и формирует их картину мира. Изучение художественной картины мира автора-билингва Р. Трахо показало, что в ней отражается присутствие национальных черкесских — адыгских и русских лексико-семантических реалий, сходных синтаксических конструкций, характерных для языка, некоторый налет разговорности, близкие по семантике центральные концепты.

Литература:

1. Верещагин, Е. М. Психолингвистическая и методическая характеристика двуязычия (билингвизма). М., 1989.
2. Постовалова, В. И. Картина мира в жизнедеятельности человека. / Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. / под. ред. Б. А. Серебренникова и др. — М., 1988. с. 8–69.
3. Розенцвейг, В. Ю. Языковые контакты. Л., 1972.
4. Трахо, Р. Х. Избранные труды и документы / Авт.-сост. Р. Х. Емтыль. — Майкоп: Изд-во «Магарин О. Г.», 2013. — 280 с.
5. Щерба, Л. В. Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974.

Суффиксальное образование абстрактных имен существительных в эрзянском и финском языках

Чинаева Наталья Викторовна, кандидат филологических наук, старший преподаватель;
Кузнецова Светлана Владимировна, студент
Мордовский государственный университет имени Н. П. Огарёва (г. Саранск)

В статье рассматриваются производные абстрактные имена существительные в эрзянском и финском языках; выявляются и анализируются суффиксы, участвующие в деривации абстрактных существительных в данных языках.

Ключевые слова: категория абстрактности, абстрактная лексика, имя существительное, эрзянский язык, финский язык.

Абстрактные слова занимают достаточно большое место в лексической системе языков. Несмотря на то, что абстрактное имя привлекает внимание многих ис-

следователей, о ее свойствах и проявлениях до настоящего времени не существует единого мнения. Понятия абстрактности и конкретности значения слова являются

довольно размытыми и неопределенными, кроме того отсутствуют формальные критерии определения степени абстрактности семантики слова.

Обычно понятие «абстрактная лексика» охватывает лишь имена существительные, имеющие грамматическое выражение категории отвлеченности (определенные словообразовательные суффиксы, отсутствие, как правило, формы множественного числа, несочетаемость с количественными числительными). Однако необходимо отметить, что в широком смысле данного термина, сюда же можно отнести слова и других частей речи, например, глаголы (вопросать, созидать), прилагательные (весомый, интеллигентный), но объединяет их отвлеченное значение — от агента действий или от признака, а глаголы, в свою очередь, абстрагированы от непосредственного протекания действия во времени [3, с. 93].

В нашей работе мы остановимся на исследовании абстрактных имен существительных в двух дальнеродственных финно-угорских языках — эрзянском и финском, представляющих в них достаточно широкий пласт лексики.

Н.С. Валгина дает следующее определение абстрактным именам существительным: «Имена существительные, употребляемые для обозначения абстрактных понятий качества, действия и состояния, называются отвлеченными или абстрактными (красота, развитие, энтузиазм, слякоть, белизна, холод, тепло и т.д.)» [1, с. 25].

В «Грамматике мордовских языков» говорится, что «конкретным существительным противопоставляются существительные отвлеченные, которые могут обозначать: 1) отвлеченные понятия: *эрямо* 'жизнь', *прев* 'ум', *вечкема* 'любовь', *вий* 'сила'; 2) отвлеченные качества или свойства: *сюнавчи* 'богатство', *чоподачи* 'темень'; 3) отвлеченные действия или состояния: *чувома* 'рытьё', *чиема* 'бег', *якамо* 'хождение', *удома* 'сон', *пивсэма* 'молотьба' и т. д». [2, с. 144–145].

В финских грамматиках в силу большой объемности данного понятия термин «абстрактная лексика», как правило, не употребляется. В Большой грамматике финского языка в рамках данного понятия мы находим термины: 1) имена существительные со значением свойства, качества, особенностей (фин. *ominaisuudennimi*): *kauneus* 'красота', *ystävyyys* 'дружба', *isyys* 'отцовство'; 2) имена действия (фин. *teonimi*), выражающие событие, явление: *muutto* 'перемещение, переезд', *syönti* 'прием пищи', *lukeminen* 'чтение'; 3) имена со значением результативности действия (фин. *teon tuloksen nimitys*): *olettamus* 'предположение', *juopumus* 'опьянение', *muutos* 'перемена, изменение' [8].

Рассмотрим морфологическое (суффиксальное) образование абстрактных имен существительных в эрзянском и финском языках, выделив в них продуктивные и непродуктивные суффиксы.

В эрзянском языке при образовании абстрактных имен существительных весьма продуктивным является аффиксоид **-чи**, с помощью которого образуются имена существительные со значением свойства, качества, особен-

ностей, а также отвлеченные понятия. Производящей основой при этом может выступать основа как имени прилагательного, так и существительного: *сыре* 'старый' — *сыречи* 'старость', *нузякс* 'ленивый' — *нузякчи* 'лень', *сюнав* 'богатый' — *сюнавчи* 'богатство', *шумбра* 'здоровый' — *шумбрачи* 'здоровье', *од* 'новый, молодой' — *одкчи* 'молодость', *тейтерь* 'девушка' — *тейтерькчи* 'девичество', *ялга* 'друг' — *ялгакчи* 'дружба' и т. д.

В образовании абстрактных имен существительных в эрзянском языке самым продуктивным является суффикс **-ма/-мо**. Данный суффикс участвует в образовании абстрактных имен от глагольных основ. Производные абстрактные имена существительные, содержащие суффикс **-ма/-мо**, могут выражать: 1) отвлеченные понятия: *вечкемс* (*вечке-*) 'любить' — *вечкема* 'любовь', *эрямс* (*эря-*) 'жить' — *эрямо* 'жизнь', *куломс* (*куло-*) 'умереть' — *кулома* 'смерть'; 2) отвлеченные действия или состояния: *бажамс* (*бажа-*) 'стремиться' — *бажамо* 'стремление', *налксемс* (*налксе-*) 'играть' — *налксема* 'игра', *ловномс* (*ловно-*) 'читать' — *ловнома* 'чтение', *муськемс* (*муське-*) 'стирать' — *муськема* 'стирка', *нарьгамс* (*нарьга-*) 'издеваться' — *нарьгамо* 'издевка', *самс* (*са-*) 'приходить' — *само* 'приход', *морамс* (*мора-*) 'петь' — *морамо* 'пение', *сельмедемс* (*сельмеде-*) 'сглазить' — *сельмедема* 'сгаз, наведение сглаза', *урьвакстомс* (*урьваксто-*) 'жениться' — *урьвакстома* 'женитьба', *энялдомс* (*энялдо-*) 'просить' — *энялдома* 'просьба, прошение'.

Существительные, образованные с помощью данного суффикса нередко могут обозначать как отвлеченные действия и состояния, так и конкретные предметы: *нардамо* 'вытирание' и 'полотенце', *панжомо* 'открытие' и 'замок', *изамо* 'боронование' и 'борона' и др.

Суффикс **-лма**, возникший в результате перераспределения производящей основы, также участвует в образовании абстрактных имен существительных, однако является непродуктивным: *покишо-лма* 'размер, величина', *эчке-лма* 'толщина', *сэтьме-лма* 'тишина', *вед-е-лма* 'водянистость', *раське-лма* 'родство' [4, с. 42; 7, с. 77–78].

Отметим, что суффикс **-м** + гласный, восходящий к уральскому суффиксу отглагольных имен существительных **-m** (**-*ma-/*mä**), имеет следы почти во всех финно-угорских языках и достаточно часто образует отвлеченные понятия: фин. **-ma/-mä**: *elää* 'жить' — *elämä* 'жизнь', *voida* 'мочь, быть состоянием' — *voima* 'сила'; эст. **-m**: *surra* 'умирать' — *surm* 'смерть'; мар. **-эм**: *пуаш* 'рубить' — *пуэм* 'вырубка'; венг. **-m**: *örülmi* 'радоваться' — *öröm* 'радость' и т. д.

Единичные образования абстрактных имен существительных имеет финно-угорский суффикс **-л** — (совместно с другими суффиксами): *кува-л-мо* 'длина' (кувака 'длинный'), *ста-л-мо* 'тяжесть' (стака 'тяжелый'), *эске-ль-кс* 'шаг', *васо-л-кс* 'даль' [4, с. 53].

С помощью суффикса **-кс** образуются абстрактные имена существительные от глагольных основ: *виздемс*

(*визде-*) 'стыдиться' — *визькс* 'стыд', *ризэмс* (*ризе-*) 'печалиться' — *ризкс* 'печаль', *сэредемс* (*сэреде-*) 'болеть' — *сэредькс* 'боль', *тардемс* (*тарде-*) 'замерзнуть, оконечеть' — *тардькс* 'замерзание, оконечение', *лездамс* (*лезда-*) 'помогать' — *лезкс* 'помощь', *сатомс* (*сато-*) 'хватать, быть достаточным' — *саткс* 'достаток', *ушодомс* (*ушодо-*) 'начинать' — *ушодкс* 'начало'. Суффикс является весьма продуктивным как в образовании абстрактных имен существительных, так и конкретных.

Суффикс **-кс** может быть осложнен *-в*-овым компонентом: *муемс* (*мие-*) 'находить, найти' — *миевкс* 'находка', *молемс* (*моле-*) 'идти' — *молевкс* 'походка' [4, с. 39].

Суффиксы **-ко/-го/-ке/-ге** являются малопродуктивными в образовании абстрактных имен. Можем обозначить следующие имена, имеющие в своем составе данный суффикс: *костямс* 'сушить' — *коське* 'сухость, сушь', *начтомс* 'промочить' — *начко* 'сырость, мокрота' (слова категории состояния).

Суффикс **-т/-ть** также крайне редко используется в образовании абстрактных имен существительных. Примеры с данным суффиксом: *увт* 'шум, гул' (ср. *увномс* 'шуметь'), *кандст* 'ноша' (ср. *кандомс* 'нести'), *тансть* 'вкус' (ср. *тантей* 'сладкий'). В двух последних примерах суффикс *-т/-ть* осложнен *-с*-овым компонентом.

Можно также выделить суффикс **-шка (-чка)**: *кунишка* 'середина' [4, с. 51].

При образовании имен существительных со значением свойства, качества, особенности весьма продуктивным в финском языке является суффикс — **(U) Us** (- (U) Ude-) (выбор суффикса с краткой или долгой гласной зависит от конечной гласной основы, однако в данной работе мы не рассматриваем это). Производящей основой могут выступать основы имен существительных, прилагательных и даже причастий. Производных слов с данным суффиксом насчитывается пара тысяч [8: 175]: *äiti* 'мать' — *äitiys* 'материнство', *veli* (*velje-*) 'брат' — *veljeys* 'братство', *nainen* (*naise-*) 'женщина' — *naiseus* 'женственность', *presidentti* 'президент' — *presidenttiys* 'президентство', *ystävä* 'друг' — *ystävyyys* 'дружба', *isä* 'отец' — *isyys* 'отцовство', *naapuri* 'сосед' — *naapurisuus* 'соседство', *johdaja* 'руководитель, начальник' — *johtajuus* 'руководство'; *terve* (*tervee-*) 'здоровый' — *terveys* 'здоровье', *rakas* (*rakkaa-*) 'любимый, дорогой' — *rakkaus* 'любовь', *korkea* 'высокий' — *korkeus* 'высота', *tehokas* (*tehokaa-*) 'действенный, эффективный' — *tehokkuus* 'действенность, эффективность', *onneton* (*onnetoma-*) 'несчастный' — *onnettomuus* 'несчастье', *ylpeä* 'гордый, надменный' — *ylpeys* 'гордость, высокомерие', *vanha* 'старый' — *vanhuus* 'старость', *kaunis* (*kaunii-*) 'красивый' — *kauneus* 'красота', *raskas* (*raskaa-*) 'тяжелый' — *raskaus* 'тяжесть, беременность', *ilkeä* 'злой, злобный' — *ilkeys* 'злость, подлость', *nuori* (*nuor* (*e-*)) 'молодой, юный' — *nuoruus* 'молодость, юность', *kirjallinen* (*kirjallis-*) 'письменный' — *kirjallisuus* 'литература', *salainen* (*salais-*) 'тайный, секретный' — *salai-*

suus 'тайна, секрет', *ikävä* 'скудный, тоскливый; скука, тоска' — *ikävyys* 'скука, неприятность'.

В образовании отглагольных имен действия в финском языке участвует достаточно большое количество суффиксов. Самым продуктивным в финском языке является суффикс **-minen** (*-mise-*), с помощью которого от любого глагола можно образовать отвлеченное имя действия: *tavata* (*tapaa-*) 'встречать, встречаться' — *tapaaminen* 'встреча', *lukea* (*luke-/lue-*) 'читать' — *lukeminen* 'чтение', *uida* (*ui-*) 'плавать' — *uiminen* 'плавание', *luistella* (*luistele-*) 'кататься на коньках' — *luisteleminen* 'катание на коньках', *hiihtää* (*hiihtä-/hiihdä-*) 'кататься на лыжах' — *hiihtäminen* 'катание на лыжах'.

Кроме того, в финском языке имеется ряд других суффиксов, образующих отвлеченные имена действия:

U: *juosta* (*juokse-*) 'бежать' — *juoksu* 'бег', *kulkea* (*kulke-/kulje-*) 'ходить, идти' — *kulku* 'ход, движение, ходьба', *arvostella* (*arvostele-*) 'критиковать' — *arvostelu* 'критика', *ommella* (*ompele-*) 'шить' — *ompelu* 'шитье', *tapella* (*tappele-*) 'драться' — *tappelu* 'драка', *kysellä* (*kysele-*) 'расспрашивать' — *kysely* 'опрос', *väitellä* (*väittele-*) 'спорить, полемизировать' — *väittely* 'спор, полемика', *keskustella* (*keskustele-*) 'разговаривать, беседовать' — *keskustelu* 'разговор, беседа, дискуссия';

o: *ostaa* (*osta-*) 'покупать' — *osto* 'покупка', *levätä* (*lepää-*) 'отдыхать' — *lepo* 'отдых', *tulla* (*tule-*) 'приходить, прибывать' — *tulo* 'приход, приезд, прибытие', *kieltää* (*kieltä-/kiellä-*) 'запрещать' — *kielto* 'запрет', *mennä* (*mene-*) 'идти' — *meno* 'ходьба', *muuttaa* (*muutta-/muuta-*) 'перемещать, переезжать' — *muutto* 'перемещение, переезд', *olla* (*ole-*) 'быть, находиться' — *olo* 'бытие';

Us: *leikata* (*leikkaa-*) 'резать, кроить, оперировать, отрезать' — *leikkaus* 'разрезание, разрез, операция', *korjata* (*korjaa-*) 'исправлять, чинить' — *korjaus* 'исправление, починка, ремонт', *lupata* (*lupaa-*) 'обещать, позволять' — *lupaus* 'обещание', *unohtaa* (*unohta-/unohda-*) 'забывать' — *unohdus* 'забвение', *metsästää* (*metsästä-*) 'охотиться' — *metsästys* 'охота', *odottaa* (*odotta-/odota-*) 'ждать' — *odotus* 'ожидание', *vahvistaa* (*vahvista-*) 'укреплять, упрочивать, заверять, подтверждать' — *vahvistus* 'укрепление, подтверждение', *masentua* (*masentu-/masennu-*) 'падать духом' — *masennus* 'депрессия, подавленность'.

Необходимо отметить, что суффикс **-Us**, в случаях присоединения к основе имени, образует существительное со значением качества, свойства: *rosvours* 'грабеж, разбой' (< *rosvo* 'разбойник, бандит'), присоединяясь же к глагольной основе — имя действия: *rosvours* 'грабеж, ограбление' (< *rosvota* 'грабить').

ntA: *toimia* (*toimi-*) 'работать, действовать' — *toiminta* 'работа, деятельность', *ryömiä* (*ryömi-*) 'ползать' — *ryömintä* 'ползание', *paheksua* (*paheksu-*) 'возражать, протестовать, осуждать' — *paheksunta* 'поприцание, возражение, протест';

nti: *lyödä* (*lyö-*) 'бить, ударять' — *lyönti* 'удар', *myydä* (*myy-*) 'продавать' — *myynti* 'продажа', *uida* (*ui-*) 'плавать, купаться' — *uinti* 'плавание, купание', *syödä* (*syö-*) 'есть, кушать' — *syönti* 'прием пищи';

e: *nyyhkiä* (*nyyhki-*) 'хныкать, сопеть, шмыгать' — *nyyhke* 'хныканье, сопенье, шмыганье';

UU: *maata* (*maka-*) 'лежать' — *makuu* 'лежание', *hakata* (*hakaa-*) 'рубить' — *hakuu* 'рубка, вырубка';

nA: *narista* (*narise-*) 'скрипеть' — *narina* 'скрип', *parkua* (*parku-/paru-*) 'реветь, вопить' — *parkuna* 'рев, крик';

mA: *elää* (*elä-*) 'жить' — *elämä* 'жизнь', *kuolla* (*kuole-*) 'умереть' — *kuolema* 'смерть', *syntyä* (*synty-/synny-*) 'родиться' — *syntymä* 'рождение', *sattua* (*sattu-/satu-*) 'случиться, попадать' — *sattuma* 'случайность, случай, попадание';

mUs: *tutkia* (*tutki-*) 'исследовать, изучать' — *tutkimus* 'исследование, изучение', *kärsiä* (*kärsi-*) 'страдать, терпеть' — *kärsimys* 'страдание, мучение', *aikoa* (*aiko-/aio-*) 'намереваться' — *aikomus* 'намерение', *olettaa* (*otetta-/oletta-*) 'предполагать' — *olettamus* 'предположение', *juopia* (*juoru-/juovu-*) 'пьянеть' — *juorumus* 'опьянение';

Os: *tunkea* (*tunke-/tunge-*) 'втискивать (ся)' — *tungos* 'давка', *panna* (*pane-*) 'класть, положить, ставить' — *panos* 'вклад', *muuttaa* (*muutta-/muuta-*) 'менять' — *muutos* 'перемена, изменение';

nO: *mieltiä* (*mietti-/mieti-*) 'думать, обдумывать' — *mietintö* 'заключение', *nauttia* (*nautti-/nauti-*) 'наслаждаться' — *nautinto* 'наслаждение, удовольствие', *sopia* (*sopi-/sovi-*) 'мириться, ладить' — *sovinto* 'примирение, согласие';

Как мы видим, количество суффиксов, участвующих в образовании имен действия в финском языке, значительно превышает им подобных в эрзянском языке. Кроме того, нельзя не заметить, что многие финские глагольные основы нередко могут использоваться с различными суф-

фиксами. В таких случаях семантика производных слов может полностью совпадать (*uiminen* 'плавание' — *uinti* 'плавание'), однако может и отличаться. Как мы поняли, в финском языке суффикс *-minen* является самым универсальным при образовании имен действия. Слова, образованные при помощи других суффиксов, могут характеризоваться единичностью, ограниченностью в отличие от имен действия на *-minen*. Например, *keräys* 'сбор' — это событие, происходящее в определенный временной отрезок, в отличие от *kerääminen* 'сбор' — сам факт события; *lyönti* удар — один удар в процессе нанесения ударов (*lyöminen*); *luulo* 'предположение, мнение' — единичный факт, *luuleminen* 'предположение' — сам факт данного действия; *melonta* 'гребля' — вид спорта в отличие от *melominen* 'гребля' — факт гребли; одним из значений слова *puhe* 'речь' является значение 'выступление' (*pitää puhe* 'выступить (букв. держать речь)'), слово *puhelu* 'разговор' также означает единичность происходящего в отличие от *puhuminen* 'разговор' — факт говорения [8: 225].

В финском языке мы находим целые цепочки производных от одной глагольной основы абстрактных имен: *uskoa* 'верить' — *usko* 'вера', *uskomus* 'поверье', *uskonto* 'религия'; *kokea* 'испытывать' — *kokeilu* 'экспериментирование, эксперимент', *kokemus* 'опыт', *koe* 'опыт, проба'.

В эрзянском языке подобные цепочки также обнаруживаются, но более короткие: *vizдемс* 'стыдиться, стесняться' — *визькс*, *визьксчи* 'стыд', но *виздема* 'стеснение, застенчивость'.

Данный факт можно объяснить тем, что, как мы наблюдали выше, число суффиксов, участвующих в образовании абстрактных имен существительных, в финском языке значительно больше по сравнению с эрзянским языком.

Далее мы приводим таблицу, в которой обобщаем суффиксы, с помощью которых образуются абстрактные имена существительные в исследуемых языках.

Таблица 1. Лексико-семантические группы абстрактных имен существительных в эрзянском и финском языках

Лексико-семантические группы абстрактных имен существительных	Эрзянский язык	Финский язык
Отвлеченные понятия	— ма/-мо: <i>эрямо</i> 'жизнь', <i>вечкема</i> 'любовь';	— та/-mä: <i>elämä</i> 'жизнь'; — (U) Us: <i>rakkaus</i> 'любовь'.
Отвлеченные качества или свойства	— чи: <i>нузякчи</i> 'лень'; — лма: <i>покшолма</i> 'размер, величина'; — л-: <i>ста-л-мо</i> 'тяжесть'; — кс: <i>визькс</i> 'стыд'; — ко/-го/-ке/-ге: <i>коське</i> 'сухость, сушь', <i>начко</i> 'сырость, мокрота'; — т/-ть: <i>увт</i> 'шум, гул'; — шка (-чка): <i>куншка</i> 'середина'.	— (U) Us: <i>ilkeys</i> 'злость, подлость', <i>onnettomuus</i> 'несчастье'.

Отвлеченные действия или состояния	— ma/-mo: <i>ловнома</i> 'чтение', <i>морамо</i> 'пение'.	— minen: <i>lukeminen</i> 'чтение'; — U: <i>juoksu</i> 'бег'; — o: <i>lepo</i> 'отдых'; — Us: <i>odotus</i> 'ожидание'; — ntA: <i>ryömintä</i> 'ползание'; — nti: <i>myynti</i> 'продажа'; — e: <i>nyyhke</i> 'хныканье, сопенье'; — UU: <i>makuu</i> 'лежание'; — nA: <i>narina</i> 'скрип'; — mA: <i>sattuma</i> 'случай, попадание'; — mUs: <i>kärsimys</i> 'страдание, мучение'; — Os: <i>tungos</i> 'давка'; — ntO: <i>sovinto</i> 'примирение, согласие'.
------------------------------------	--	--

В настоящей работе нами представлены суффиксы, с помощью которых в исследуемых языках образуются абстрактные имена существительные. Рассмотрение семан-

тики производных слов в зависимости от использования каждого конкретного суффикса требует специального исследования.

Литература:

1. Валгина, Н. С. Современный русский язык: учебное пособие для вузов/Н. С. Валгина. — М., 2002. — 194 с.
2. Грамматика мордовских языков. Фонетика, графика, орфография и морфология/под. ред. Д. В. Цыганкина. — Саранск, 1980. — 431 с.
3. Семантические типы предикатов/под ред. О. Н. Селиверстовой. — М.: Наука, 1982. — 370 с.
4. Цыганкин, Д. В. Словообразование в мордовских языках: учеб. пособие для студентов национальных отделений вузов/Д. В. Цыганкин. — Саранск, 1981. — 81 с.
5. Эрзянь кель. Морфемика, валонь теевема ды морфология: вузонь эрзянь ды финнэнь отделениянь тонавтницят-нень туртов // редкол.: Д. В. Цыганкин (отв. ред., Н. А. Агафонова, М. Д. Имайкина ды лият). — Саранск: Крас. Окт., 2000. — 280 с.
6. Hakulinen, L. Suomen kielen rakenne ja kehitys. Kolmas, korjattu ja lisätty painos/L. Hakulinen. — Otava, Keuruu, 1966.
7. Luutonen, J., Mosin, M., Shchankina, V. Reverse Dictionary of Mordvin. Обратный словарь мордовских языков/J. Luutonen, M. Mosin, V. Shchankina // Lexica Societatis Fenno-Ugricae, XXIX. — Helsinki: Vammalan Kirjapaino Oy, 2004. — 685 р.
8. VISK = Hakulinen, A., Vilku, M., Korhonen, R., Koivisto, V., Heinonen, T. R., Alho, I. Iso suomen kielioppi [Verkkoversio, viitattu 1.11.2008]. — Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 2004. — URL: <http://scripta.kotus.fi/visk>.

ПРОЧЕЕ

Патриотизм: функционал, уровни

Долгина Екатерина Станиславовна, кандидат культурологии, доцент;

Демин Иван Валерьевич, студент

Нижевартовский государственный университет (г. Нижневартовск)

Патриотизм (греч. *πατριότης* — соотечественник, *πατρίς* — отечество) — нравственный и политический принцип, социальное чувство, содержанием которого является любовь к Отечеству и готовность подчинить его интересам свои частные интересы. Патриотизм предполагает гордость достижениями и культурой своей Родины, желание сохранять её характер и культурные особенности и идентификация себя с другими членами народа, стремление защищать интересы Родины и своего народа. Исторический источник патриотизма — веками и тысячелетиями закреплённое существование обособленных государств, формирующее привязанность к родной земле, языку, традициям. В условиях образования наций и образования национальных государств патриотизм становится составной частью общественного сознания, отражающего общенациональные моменты в его развитии. В Толковом словаре Владимира Даля указывается, что патриот — любитель отечества, ревнитель о благе его, отчизнолюб, отчественник или отчизник [1, с. 461].

Термины патриот и патриотизм являются весьма своеобразными понятиями. На многозначность трактовки данных понятий указывают происхождение и принадлежность терминов к определенной культуре. Разные народы по-своему истолковывали данные понятия. Одни народы патриотизмом прикрывали свои грабежи и убийства, трактуя это деяниями во имя Родины. Другие, в противовес, сосуществовали мирно и не стремились к возвышению своего народа над другими культурами, что не мешало им безгранично уважать свое происхождение и национальную принадлежность. Таким образом, патриотизм в исторической эволюции с момента зарождения являлся особым эмоциональным переживанием своей принадлежности к стране и своему гражданству, языку, традициям независимо от культуры, обычаев, вероисповедания. Представления о патриотизме связываются с трепетным отношением к Родине, но представление о сущности патриотизма в настоящее время у людей разное. По этой причине одни люди считают себя патриотами, а другие себя таковыми не считают. Патриотизм как общественное явление,

прежде всего, относится к области социальной психологии и в настоящее время имеет две трактовки (философскую и педагогическую) и выполняет следующие функции:

С точки зрения философии, патриотизм толкуется как «нравственный и политический принцип, социальное чувство, основанное на любви к Родине, преданности Отчизне, гордости и переживании за прошлое, настоящее и будущее Отечества, стремлении безоговорочно, добросовестно служить и защищать интересы страны.

Ильичев Н.М. трактует патриотизм как исторически сложившуюся и диалектически развивающуюся на основе материального производства категорию социальной философии, где отражено позитивное отношение людей к своей Родине, включающую патриотическое сознание, деятельность, отношение, организацию и реализующую мировоззренческую, методологическую, коммуникативную, ценностную и другие функции [2, с. 87].

С педагогической точки зрения, патриотизм, помимо нравственных чувств, включает в себя соответствующую потребительскую и мотивационную сферу личности, ее патриотическое сознание и поведение, которые, будучи закрепленными, в своей совокупности характеризуют патриотизм как нравственное качество, подкрепленное особым чувством.

По функциональной наполненности можно выделить:

В основе мировоззренческой функции лежит общность системы взглядов общественности на мир и место человека в нем, формирование отношения к окружающей государственной обстановке. Согласно данной функции патриотизм как социальная категория направлен на формирование и корректировку мировоззрения.

В основе методологической функции патриотизм предстает как аккумуляция фундаментальных знаний, основанных на духовной практической деятельности человека за всю историю существования современной цивилизации. Духовное наследие, приобретенное посредством сохранения культурных ценностей и национальных реликтов.

Коммуникативная функция направлена на общность идей по сплочению и объединению людей в решении наи-

более важных задач общественной жизни внутри государства.

Регулятивная функция направлена на формирование патриотических принципов и норм как отдельной личности, так и социальной группы в добровольном порядке. Данная функция обуславливается во всех сферах прогресса в развитии государства.

Ценностная функция выражается в том, что положения патриотического содержания являются теми критериями, которые обеспечивают определенные качества, направленность поступков как отдельных людей, так и различных общностей. Именно благодаря ценностной функции становится возможным выявлять всевозможные антипатриотизмы, запрудившие современные зарубежными СМИ.

Изучая определение патриотизма с точки зрения современного социального явления современные ученые выявили, что в содержание данного понятия входит четыре основных элемента: патриотическое сознание, патриотическая деятельность, патриотические отношения и патриотические организации.

В основе патриотического сознания лежит большая часть общественного сознания, которая представляет собой «выжимку» из всех других его частей, имеющих отношение к развитию и защите Отечества и изменяющаяся в зависимости от общественно-экономической формации. Таким образом, патриотическое сознание «присутствует» во всех формах общественного сознания: политическом, нравственном, эстетическом, экономическом, историческом, экологическом, религиозном, атеистическом и т.д. Оно способно опережать общественное бытие, отстаивать от него и пр., то есть является относительно самостоятельным явлением. Патриотическое сознание может выражаться на обыденном и теоретическом уровнях, что особенно важно учитывать в процессе его формирования у обучающихся.

В основе патриотической деятельности лежат все формы служения во благо своему народу и Отечеству.

Патриотические отношения в своей основе имеют идею совершенствования внутренних и внешних сторон жизни страны. Реализация патриотических отношений происходит в общении между патриотами в соответствующем отношении к врагам, порой откровенно выражающим свою агрессивную сущность в отношении определенного народа.

Патриотические организации направлены на реализацию патриотической деятельности. Основную роль играют государственные, общественно-политические и просветительские, особенно учебные, заведения. Тем не менее, основное воспитание патриотических идей должно идти из семьи. Это основная ступень в познании и изучении данного понятия как особого чувства. Субъектами патриотического воспитания должны стать все социальные группы, начиная от первичных и кончая народами. Субъектом патриотического воспитания надлежит быть и каждому человеку в отношении себя.

Изучая труды Ильичева Н. М. о формировании патриотизма у молодежи, можно сказать, что в насто-

ящее время определение понятия патриотизма имеет несколько уровней в идейном содержании. В одном случае данное определение рассматривается как некое явление, образующее комплекс из свойств и характеристик, влияющих на социальную внутригосударственную среду. А в следующем случае данное понятие представляется из себя некое безвозмездное, но в то же время требующее взамен соответствие в настоящее время определению патриотизма как внутри, так и за пределами государства.

Следует выделить следующие уровни патриотизма:

Личностный. На этом уровне патриотизм выступает как многогранное понятие, в основе своей имеющее сложный комплекс свойств и характеристик, по-разному проявляющихся на различных уровнях функционирования социальной системы. На личностном уровне для человека-патриота характерны следующие черты: устойчивое мировоззрение, нравственные идеалы, соблюдение норм поведения. На общественном же уровне патриотизм понимается как стремление к усилению значимости государства и повышение его авторитета в мировом сообществе. Патриотизм на уровне отдельного человека рассматривается из компонентов его личностной подструктуры и относится к области высших чувств и устойчивых личностных особенностей (ценностей, убеждений, норм поведения, критериев оценки социальных явлений). Как сложное интегральное личностное образование и, прежде всего, чувство, патриотизм включает в себя любовь к Родине, бескорыстную и бесконечную преданность и самоотдачу ей, нерушимое единство с ней, идентификацию своих интересов с интересами отечества, приоритетно служение только ее интересам. Быть патриотом — значит связать свою жизнь с жизнью Родины, свою судьбу — с судьбой своего Отечества.

Общественный уровень является, в свою очередь, беспредельной и безусловной верностью государству, всесторонней поддержкой правящих политических структур.

Таким образом, рассмотренное понятие патриотизма является многообразным и многогранным. Патриотизм — это понятие, являющееся для каждого человека индивидуальным. Это связано с тем, что в разные эпохи времени определение данного понятия формировалось под воздействием определенного культурного менталитета и национального мировоззрения.

Исходя из выше сказанного следует отметить, что в настоящее время понятие патриотизма имеет двуличный облик. С одной стороны данное определение это государственный манипуляционный инструмент, действующий массово на сознание граждан, побуждающий их к тем или иным действиям, зачастую преследуя корыстные государственные цели. А с другой стороны, данное определение рассматривается как некое нравственное и высшее чувство, так же побуждающее граждан на те или иные действия во благо Родины — Отечества. Важно подчеркнуть, что данное определение имеет в структуре своего содержания благие и светлые намерения, но в разные эпохи

времени, в разных культурах и цивилизациях преследовало разные цели.

По нашему убеждению патриотизм в наше время является неоднозначным определением. Время вносило и вносит свои коррективы в социальную жизнь граждан любого государства. В разные эпохи времени понятие патриотизма намеренно менялось на ложное, в зависимости от преследуемых государственных целей и задач. И наши будни не являются исключением. Понятие патриотизм для каждого современного человека индивидуальное, несущее в себе индивидуальный смысл и индивидуальные

цели. В одном данное понятие у многих людей будет схоже, любовь к Родине. Но не стоит забывать, что для каждого человека чувства к Родине — Отечеству проявляются по-разному. Для кого-то понятие патриотизм проявляется в полном подчинении и служении интересам государства в ущерб собственным убеждениям. А для кого-то патриотизм — это любовь к родным местам, к природе, к культуре, к своему народу. Для данного контингента граждан данное определение связано непосредственно с состоянием души, желание служить, в первую очередь, своей Родине, а потом уже интересам государства.

Литература:

1. Даль, В. И. Толковый словарь русского языка. Современная версия. — М.: ЭКСМО-ПРЕСС, 2000.
2. Ильичев, Н. М. Патриотическое воспитание молодежи // Вестник РФО. — 2003. № 3.

Распределение объема поступлений по страховым организациям Республики Саха (Якутия)

Карташова Лена Андреевна, студент
Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова

В статье рассматриваются динамика роста страхового рынка, а также размер и доля страховых выплат по видам страхования по десяти лидирующим страховым компаниям Республики Саха (Якутия).

Ключевые слова: страховые поступления (премия), страхование жизни, личное страхование, имущественное страхование, страхование ответственности, ОСАГО.

Целью организации страхового дела является обеспечение защиты имущественных интересов физических и юридических лиц при наступлении страховых случаев. Таким образом, эффективное функционирование страхового рынка и высокий уровень страховых поступлений позволит не только обеспечить реальную компенсацию убытков, вызванных непредвиденными обстоятельствами, но и принести значительные доходы в бюджет, чем и объясняется актуальность данной работы. В концепции развития страхового дела в РС (Я) сказано: «В современных экономических условиях, и особенно в природно-климатических условиях нашей республики, где существует большая вероятность наступления природных и техногенных катастроф, страхование должно стать необходимым элементом социально-экономической системы общества». [2]

Страховые поступления являются важной составляющей страхового рынка. Согласно Гражданскому кодексу РФ, под страховой премией понимается плата за страхование, которую страхователь (выгодоприобретатель) обязан уплатить страховщику в порядке и в сроки, которые установлены договором страхования, или проще говоря это плата за страховую защиту страховщиком страхователю. [4]

По итогам 2014 года российский страховой рынок показал рост на 10%. За тот же период страховой рынок Республики Саха (Якутия) изменился следующим образом: за 12 месяцев 2013 года было собрано 2843083 тыс. руб. страховых поступлений, а за аналогичный период 2014 года было собрано 3252266 тыс. руб. Таким образом, страховой рынок республики показал рост на 12,58%, что выше среднероссийского показателя почти на 3%. [3]

На рынке страховых услуг осуществляют деятельность 2 республиканские страховые компании: ОАО РСК «Стерх» и ОАО ГСМК «Сахамедстрах», 41 филиал нерезидентных страховых компаний.

В таблице 1 представлены первые десять страховых компаний, лидирующих по суммарному объему страховых премий в РС (Я). Из таблицы была исключена информация о государственном личном страховании сотрудников государственной налоговой службы РФ, государственном страховании военнослужащих и приравненных к ним в обязательном государственном страховании лиц ввиду отсутствия страховых премий по данным видам страхования на рынке республики.

Из таблицы следует, что на первую десятку страховых компаний приходится 68,8% общих страховых премий по республике, что составляет 2236411 тыс.

Таблица 1. Страховые поступления компаний в Республике Саха (Якутия) по прямым договорам страхования за 2012 год, тыс. руб. [6]

Страховая компания	Итого (кроме ОМС)	В том числе по договорам					Доля в общем объеме компаний, %
		Добровольного				ОСАГО	
		Страхов. жизни	Личного страхов. (кроме страхов. жизни)	Имуществ. страх. (кроме страхов. ответст.)	Страхов. ответственности		
СТЕРХ	525029	0	27656	254065	161292	82016	16,1
СК АЛРОСА	457985	0	143653	286247	9680	18405	14,1
РОСГОССТРАХ	451612	0	24108	72684	3508	351312	13,9
ВСК	279130	0	50047	72462	5048	151573	8,6
РОСГОССТРАХ-ЖИЗНЬ	183565	160038	23527	0	0	0	5,6
ИНГОССТРАХ	117131	0	17100	37468	924	61639	3,6
СОГАЗ	90185	0	13536	65968	2362	8319	2,8
АЛЬФАСТРАХОВАНИЕ	79918	0	26367	25710	755	27086	2,5
СОГЛАСИЕ	35536	0	3766	19662	1366	10742	1,1
ППФ СТРАХОВАНИЕ ЖИЗНИ	16320	16201	119	0	0	0	0,5
Итого по десяти	2236411	176239	302223	580201	23643	629076	68,8
Остальные	1015855	249690	507012	362397	206613	145615	31,2
Всего по рынку	3252266	425929	809235	942598	230256	774691	100,0

руб. Остальные тридцать три компании составляют лишь 31,2% или 1015855 тыс. руб. от общего объема в 2551624 тыс. руб. По мнению многих аналитиков страхового рынка, такая монополизация делает ненужной конкуренцию за потребителя путем совершенствования качества предоставляемой страховой защиты.

ОАО «РСК Стерх» лидирует по сумме страховых поступлений. Он собрал в 2014 г. 525029 тыс. руб. (16,1% от общего объема рынка). Около половины поступлений занимает имущественное страхование (48,4%).

Затем идет ООО СК «Алроса», которое занимает третье место по сборам страховых премий (доля на рынке 14,1%), в 2014 году они составили 457985 тыс. руб., что на 67044 тыс. руб. меньше, чем у лидера отрасли — ОАО «РСК Стерх».

Третью позицию занимает ООО «Росгосстрах», которое является лидером по страховым сборам в РФ. Его страховые премии по республике составили 451612 тыс. руб. (доля на рынке 13,9%), из которых 351312 тыс. руб. (77,8% от премий без ОМС) приходится на обязательное страхование автогражданской ответственности.

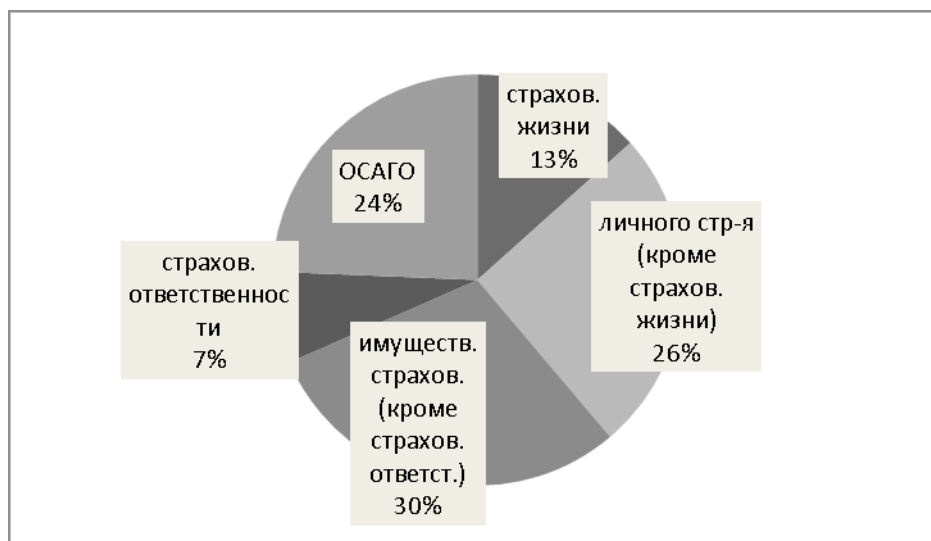

Рис. 1. Структура страховых поступлений за 2012 г.

На рисунке 1 представлена структура страховых поступлений за 2014 г. в процентах к общему итогу.

Добровольные виды страхования составили 76% от всех поступлений. К ним относятся: личное страхование (26%), имущественное страхование (30%). Обязательное страхование автогражданской ответственности составило 24% от общего итога.

В Республике Саха (Якутия) бессменным лидером на рынке страховых услуг является региональная компания ОАО РСК «Стерх».

Основными направлениями деятельности компании являются организация обязательного и добровольного медицинского страхования, защита прав застрахованных,

финансовое обеспечение медицинских учреждений, контроль качества и экспертиза предоставляемых медицинских услуг. [5]

Рост рынка страховых услуг замедлится на фоне снижения темпов экономики и сокращения расходов компаний на услуги страхования, но тем не менее согласно прогнозу социально-экономического развития РС (Я) к 2018 году в целом ожидается рост объемов страховых премий (взносов) до 1,55 млрд. руб., страховых выплат — до 337 млн. руб. Увеличение ожидается за счет увеличения объемов личного страхования (кроме обязательного медицинского страхования).

Литература:

1. Закон РФ от 27.11.92 № 4015-1 (ред. от 28.12.2013) «Об организации страхового дела в Российской Федерации».
2. Постановление Правительства РС (Я) от 16.03.03 № 126 «О Концепции развития страхового дела в Республике Саха (Якутия)».
3. Годовой отчет ОАО РСК «Стерх» 2014 г.
4. Худяков, А. И. Теория страхования. М.: Статут, 2010, — 258 с..
5. Филиппова, Т. Страхование в республике. // Аргументы и Факты на Севере, № 46.
6. Профессиональный страховой портал «Страхование сегодня». URL: <http://www.insur-info.ru/>.

Кейтеринг

Лисичкина Ольга Ивановна, магистрант;

Дмитриенко Надежда Алексеевна, кандидат педагогических наук, доцент
Донской государственный технический университет, филиал в г. Шахты

Lisichkina Olga Ivanovna, student, undergraduat'

Dmitrienko Nadezhda Alekseevna, lecturer, candidate of pedagogical Sciences, docent
The Institute of service sector and entrepreneurship (branch) DSTU, Shakhty, Russia

В наши дни появилось такое понятие как «кейтеринг», означающее «доставка еды на дом», хотя имеет некое другое направление.

Кейтеринг — выездное ресторанное обслуживание в любом помещении по выбору клиента, будь то дом, улица, крыша дома или поле. Особенность такого обслуживания состоит в том, что не человек идет в ресторан, а ресторан приходит к человеку. Кейтеринг в помещении имеет много общего с ресторанным обслуживанием. Заказчику сервисных услуг предлагают оборудованные помещения для проведения различных мероприятий.

Эта новая форма обслуживания родилась в США в начале XX века, во время масштабного строительства небоскребов, для организации питания многочисленных рабочих. Одновременно идея получила быстрое распространение как способ обеспечения питания сотрудников крупных промышленных предприятий и офисных работников бизнес-центров США и Европы с целью более эффективной организации рабочего дня.

В России кейтеринг как услуга появился сравнительно недавно и как вид ресторанного бизнеса начал формироваться в Москве в начале 90-х, в 2000-м году услуга получила развитие и в других городах РФ. В небольших городах кейтеринг популярен лишь несколько лет, так как предложение сформировалось недавно и, соответственно, вырос спрос на данную отрасль. Сейчас кейтеринг считается модным и стремительно набирающим обороты направлением в сфере общественного питания.

Что же на самом деле представляет из себя кейтеринг?

Это ресторан выездного обслуживания, который стал популярен в индустрии питания несколько лет назад. Он предусматривает обслуживание на территории заказчика в соответствии с его требованиями. Характерным примером является деятельность ресторанов выездного обслуживания по организации приемов, банкетов в здании фирмы, на загородной даче, в квартире и т.д. Его недостаток — несет большие издержки по оплате лизинга (по-

мещения, оборудования), страховки, накладных и производственных расходов.

Преимущество кейтеринга вне ресторана состоит в том, что многие издержки (аренда помещений, накладные расходы, оплата коммунальных услуг, налоги) могут быть значительно ниже, чем для кейтеринга в помещении. Недостаток — высокие расходы на транспортные средства, специальное оборудование для хранения и доставки приготовленных блюд, кулинарных и кондитерских изделий, напитков. Существует еще один серьезный недостаток в данной отрасли — это сезонность. Наиболее горячая пора — весенне-летний период, именно в это время вырастает спрос на это направление общественного питания.

Лето — сезон свадеб и других праздников, проводимых на природе или в непосредственной близости от города. Прибыль в этот сезон составляет основную выручку. Однако есть и исключения, когда сезон не имеет значения: время, когда проводятся форумы, спортивные соревнования и многие другие.

Несомненно, кейтеринг имеет свою определенную специфику, в корне отличающую эту деятельность от деятельности ресторанов. Во-первых, здесь имеет место быть совершенно другая технология (приготовление, хранение и сервировка блюд). Во-вторых — необходимость транспортировки, кроме общей сложной специфики приготовления, многие блюда сложно транспортировать. В-третьих, это особые сложности, связанные с работой в «полевых» условиях. Большая специфика также в работе с персоналом, нередко приходится привлекать внештатных официантов, что несет в себе отдельные сложности. Кейтеринг — компания, которая так же, как и обычный ресторан, имеет налаженное производство с базовым штатом поваров. В зависимости от масштабности мероприятия выездная служба нанимает то или иное количество внештатных поваров — исполнителей.

Современный кейтеринг — это мобильное оказание услуг, организация выездных банкетов, оперативная доставка нужного инвентаря для проведения мероприятия.

Выездной ресторан оснащен всем необходимым оборудованием: достаточным количеством мебели, посуды, термических контейнеров, сохраняющих нужную температуру приготовленных блюд. Успешная кейтеринговая компания укомплектована профессиональным обслуживающим персоналом: поварами, официантами, барменами и ведущими-распорядителями мероприятий.

Выездной кейтеринг отличается рядом особенностей и становится перспективным направлением ведения бизнеса. Многие руководители предприятий понимают истинную систему мотивации труда для сотрудников и создают необходимые условия для комфортной работы. К таким условиям относится и правильная организация питания сотрудников, которое обеспечивают фирмы, занимающиеся выездным кейтерингом.

Традиционно рынок кейтеринговых услуг принято делить на следующие сегменты: стационарное обслуживание — на базе предоставляемых кейтеринговыми компаниями помещений, выездное обслуживание — в любом месте, удобном для заказчика, в том числе и проведение мероприятий на природе, теплых дорогах, и доставку обедов в офисы.

Итак, основа кейтеринга — это умение вкусно приготовить, быстро доставить, красиво сервировать стол, подобрать оптимальное меню, изящно обслужить и даже организовать развлекательную программу по желанию заказчика.

Можно сказать, что сам по себе кейтеринг — дорогостоящее удовольствие и для самих рестораторов, оно предполагает недешевое мобильное оборудование, посуду, квалифицированный персонал и само по себе специальное меню для специфических выездных мероприятий. Окупаемость маловероятна, если такой услугой пользоваться как сезонной необходимостью. Более-менее доходно, если на рынке услуг общественного питания в таком сегменте маленькая конкуренция.

Несмотря на все недостатки, услуга «выездной кейтеринг» является услугой популярной и чрезвычайно востребованной.

Литература:

1. Журавлева, И. И., Шабанова О. Г. Повышение качества обслуживания на предприятиях общественного питания; статья: 2011 г., г. Шахты: ФГБОУ ВПО «ЮРГУЭС», 2011.
2. Белошапка, М. И. Технология ресторанного обслуживания М: Академия, 2006.
3. Бизнес-план. Методические материалы/Под ред. Н. А. Колесниковой, А. Д. Миронова. М.: Финансы и статистика, 2007.
4. Бондаренко, Г. А. Менеджмент гостиниц и ресторанов. М.: Новое знание, 2008.
5. Васильев, И. Москва: выездной ресторан — наиболее прибыльный вид кейтеринга // Ресторанные ведомости. 2006. № 10.
6. Григорьева, А. Кейтеринговые факторы // Ресторанные ведомости. 2008. № 4.
7. Дементьева, Е. П. Ресторанный бизнес. Секреты успеха. Р-н-Д.: Феникс, 2006.
8. Каурова, А. Д. Организация сферы туризма. М.-СПб.: Герда, 2008.

Молодой ученый

Научный журнал
Выходит два раза в месяц

№ 22 (102) / 2015

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор:

Ахметов И. Г.

Члены редакционной коллегии:

Ахметова М. Н.
Иванова Ю. В.
Каленский А. В.
Куташов В. А.
Лактионов К. С.
Сараева Н. М.
Авдеюк О. А.
Айдаров О. Т.
Алиева Т. И.
Ахметова В. В.
Брезгин В. С.
Данилов О. Е.
Дёмин А. В.
Дядюн К. В.
Желнова К. В.
Жуйкова Т. П.
Жураев Х. О.
Игнатова М. А.
Коварда В. В.
Комогорцев М. Г.
Котляров А. В.
Кузьмина В. М.
Кучерявенко С. А.
Лескова Е. В.
Макеева И. А.
Матроскина Т. В.
Матусевич М. С.
Мусаева У. А.
Насимов М. О.
Прончев Г. Б.
Семахин А. М.
Сенцов А. Э.
Сенюшкин Н. С.
Титова Е. И.
Ткаченко И. Г.
Фозилов С. Ф.
Яхина А. С.
Ячинова С. Н.

Ответственные редакторы:

Кайнова Г. А., Осянина Е. И.

Международный редакционный совет:

Айрян З. Г. (Армения)
Арошидзе П. Л. (Грузия)
Агаев З. В. (Россия)
Бидова Б. Б. (Россия)
Борисов В. В. (Украина)
Велковска Г. Ц. (Болгария)
Гайич Т. (Сербия)
Данатаров А. (Туркменистан)
Данилов А. М. (Россия)
Демидов А. А. (Россия)
Досманбетова З. Р. (Казахстан)
Ешиев А. М. (Кыргызстан)
Жолдошев С. Т. (Кыргызстан)
Игиснинов Н. С. (Казахстан)
Кадыров К. Б. (Узбекистан)
Кайгородов И. Б. (Бразилия)
Каленский А. В. (Россия)
Козырева О. А. (Россия)
Колпак Е. П. (Россия)
Куташов В. А. (Россия)
Лю Цзюань (Китай)
Малес Л. В. (Украина)
Нагервадзе М. А. (Грузия)
Прокопьев Н. Я. (Россия)
Прокофьева М. А. (Казахстан)
Рахматуллин Р. Ю. (Россия)
Ребезов М. Б. (Россия)
Сорока Ю. Г. (Украина)
Узаков Г. Н. (Узбекистан)
Хоналиев Н. Х. (Таджикистан)
Хоссейни А. (Иран)
Шарипов А. К. (Казахстан)

Художник: Шишков Е. А.

Верстка: Бурьянов П. Я.

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются.
За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Материалы публикуются в авторской редакции.

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

420126, г. Казань, ул. Амирхана, 10а, а/я 231.

E-mail: info@moluch.ru

http://www.moluch.ru/

Учредитель и издатель:

ООО «Издательство Молодой ученый»

ISSN 2072-0297

Тираж 1000 экз.

Отпечатано в типографии издательства «Бук», 420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, 25